

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера

В.Н. Лаженцев

**СОДЕРЖАНИЕ,
СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
И ПЛАНИРОВАНИЕ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Ответственный редактор
академик А.И. Татаркин

Екатеринбург – Сыктывкар 2014

Лаженцев В.Н. **Содержание, системная организация и планирование территориального развития.** Екатеринбург – Сыктывкар, 2014. 236 с.

Территориальное развитие представлено как экономико-географическая деятельность по формированию и качественному преобразованию территориально-хозяйственных систем (ТХС). Использование теорий географии и региональной экономики позволило раскрыть сущностные характеристики ТХС различных рангов и типов. Рассмотрены домохозяйства, общины, муниципалитеты, район областного ранга (Республика Коми) и крупный экономический район (Двино-Печорский). Показана роль в территориальном развитии предприятий и производственных комплексов. На фоне общих тенденций территориального развития отражена его северная специфика. Определено содержание технологических этапов прогнозирования территориального развития: анализа, концепции, стратегии, программирования и мониторинга.

Для научных работников и специалистов в области территориального планирования.

Монография издаётся в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН на 2009–2011 годы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (Научные руководители академик А.Г. Гранберг и академик В.М. Котляков) и на 2012–2014 годы «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (Научный руководитель академик В.М. Котляков).

Рецензенты:

академик П.Я. Бакланов

доктор экономических наук Ю.Г. Лаврикова

ISBN 978-5-89606-512-8

© В.Н. Лаженцев, 2014

© РИО УрО РАН, 2014

© ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2014

Введение

В данной книге территория представлена как комплексный объект, включающий природу, население и хозяйство. Исходная идея автора заключается в необходимости вместе с модернизацией производительных сил России и гармонизацией производственных отношений развивать территориальное общение людей, укреплять их социально-экономические связи. Показано, что делать это необходимо на принципах устойчивого развития и с консолидацией ресурсов для наведения желаемого порядка в окружающей человека среде и повышения эффективности местной экономики.

Человек – часть природы, природа – часть хозяйства, хозяйство – средство и общественная суть жизнеобеспечения человека. В этой триаде в качестве ключевого, связующего звена в нашей работе поставлено хозяйство, которое изначально имеет природно-социальное содержание.

Территориальное развитие – одно из важнейших направлений хозяйственной деятельности, требующей особой организации. Организация деятельности осуществляется по двум основаниям – объективному и субъективному. Объективизация предполагает научное объяснение изучаемого и/или управляемого объекта, его свойств и качеств; субъективизация – наличие ценностей и целей у лица, принимающего решение, его понимания идеального (желаемого) образа данного объекта. Такими объектами для автора стали территориально-хозяйственные системы разной размерности (от домохозяйств до крупных экономических районов, от предприятия до территориально-производственных комплексов). В нашем случае – это северные системы «с нордическим характером»: жёстким климатом, высоким природно-ресурсным потенциалом, разреженным экономическим пространством, этнокультурой малочисленных и других укоренённых народов.

Вслед за исходной появились и другие идеи, например, об использовании геосистемного подхода к организации территории. Сама по себе идея не нова, но надо было показать, что размерность систем природы и хозяйства в значительной мере совпадает, что

невольно наводит на мысль не только о целостности пространства, но и о включении сил природы в производительные силы общества, а также возможности использовать свойства и качества конкретных природных комплексов в организации соответствующих хозяйственных систем.

Механизм развития территориально-хозяйственных систем включает ряд взаимосвязанных источников и движущих сил (географическое разделение труда, интересы и потребности в благоприятных условиях жизни, отношения по поводу региональной собственности и др.). В нашей работе подчёркнуто значение территориального хозяйствования с использованием методологии регионального хозрасчёта. От этой, когда-то испорченной политиканством, методологии не хотелось бы отступать, тем более, что у неё неплохое практическое будущее.

С территориальным развитием мы связываем относительно новые взгляды на разнообразие экономик. Дело в том, что в территориальном развитии, особенно на уровне домохозяйств, общин и муниципалитетов, многие процессы не укладываются в рамки классических теорий рынка, что-то остаётся за их пределами. Местную экономику, вероятно, можно присоединить к той, которая обозначена как эксполлярная (не рыночная и не плановая), она имеет свои стоимостные пропорции локального общественного воспроизводства. В связи с такой посылкой проводится линия отказа от чрезмерного экономического детерминизма.

Автору хотелось бы представить свою работу как междисциплинарное исследование. Но методология такого исследования пока ещё туманна, поэтому мы ограничимся указанием на то, что в равной мере использовали теории и концепции географии и региональной экономики с привлечением данных социологии.

Не скрою, у меня есть сомнения по поводу первой главы. Её мемуарный характер выбивается из стиля классической монографии. И всё же я решил поместить «воспоминания от первого лица», поскольку они отражают процесс входа в территориальную тематику на относительно простых примерах, понятных любому читателю.

Во второй главе показано предметное содержание экономико-географической практики и дано её научное объяснение. Автор исходит из того, что каждый вид практики является деятельностью, имеющей свои пространственные параметры, совмещённые с опре-

делёнными теоретическими концепциями географии и региональной экономики; специфику территориального развития наиболее конструктивно отражают такие концепции, как «функция места», «линейно-узловая структура», «центр – периферия», «геосистемный подход», «пространственное развитие». Региональная экономика подкрепляет теорию и практику территориального развития концепциями разнообразия экономик, общественного воспроизводства систем «природа – население – хозяйство», новой структуризации стоимости, регионального хозрасчёта и другими. Важным моментом в объяснении территориального развития является то, что и для социально-экономической географии, и для региональной экономики в качестве основного принято одно и то же понятие – «хозяйство». Философия хозяйства и его идеальных образов стала отправной точкой при рассмотрении проблем территориального развития.

Территориально-хозяйственные системы – объект исследований, результаты которого приведены в третьей главе. С учётом указанных научных концепций автор в территориальное развитие попытался «вписать» локальные системы – домохозяйства, соседские общины и муниципальные образования разных уровней (поселение, район, округ); и региональные – районы областного ранга (мезорайоны) и крупные (макро) экономические районы. Локальные и региональные системы функционируют как распорядительные центры со своей специфической проблематикой, но вместе с тем имеют и сквозные линии взаимодействия. Лейтмотив такого взаимодействия: рационализация территориального развития на одном иерархическом уровне не должна проводиться в ущерб системам другого уровня. Формирование и использование ресурсов рационализации необходимо координировать. Поскольку автор полагает, что «хозяйство» и «производство» имеют существенные различия, постольку территориально-производственные системы (предприятия, кластеры, холдинги, комплексы) рассмотрены особо. Связь между территориально-хозяйственным и производственным отражена в их проекции на социальные проблемы, в том числе территориального благоустройства.

Центральным звеном совершенствования хозяйственных и производственных отношений является природопользование. Именно вокруг рационализации освоения и использования природных ресурсов и охраны окружающей среды складывается весьма противоречивая ситуация и формируется соответствующая про-

блематика устойчивого развития. В четвёртой главе рассмотрена конкретика в области недропользования, землеустройства, лесного и водного хозяйства, а также сделаны обобщения относительно норм и правил природопользования в рамках территориально-хозяйственных систем определённого ранга.

Пятая (последняя) глава посвящена вопросам прогнозирования и введения прогнозов в технологическую схему планирования территориального развития. Автор проводит линию на разграничение смысловой нагрузки анализа «под планирование», концепции, стратегии, программ и мониторинга.

Если авторскую методологию территориального развития принять как соответствующую задачам регионального управления и местного самоуправления, то следует сделать вывод о необходимости существенных корректив в определении их предметного содержания.

Благодарен моим коллегам (географам и экономистам) за сотрудничество на протяжении многих и многих лет, за предоставленную возможность обсуждать научно-аналитические материалы «на площадках» Российской академии наук и Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества. Признателен Тамаре Евгеньевне Дмитриевой за ценные замечания по форме и содержанию темы нашего исследования. Выражаю свою глубокую признательность научному редактору книги Александру Ивановичу Татаркину не столько за правку текста, сколько за беседы по ключевым вопросам территориального развития с обсуждением конкретных примеров на материале уральских и сопредельных регионов. Я благодарен рецензентам Юлии Георгиевне Лавриковой и Петру Яковлевичу Бакланову за общую положительную оценку книги и весьма ценные замечания по поводу предметной сущности рассматриваемых вопросов. Особо хочу поблагодарить Тамару Витальевну Цветкову за её кропотливый труд по редактированию данной книги.

Глава 1. АВТОРСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПРОЦЕССАМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Автор с самого начала своей научной работы наблюдал относительно простые явления повседневной жизни людей, которые естественным образом связаны с территорией. Это свойство каждого любознательного дополнялось в моём случае памятью о деревне, где место жительства и его природное окружение сливаются с природой самого человека. Конкретные территории закрепляются в сознании людей определёнными «именами», означающими не только топологию, но и функциональную принадлежность к хозяйству.¹

Приближение к пониманию значения территории в системе хозяйственных отношений у меня связано также с участием в решении проблем горнопромышленного производства, лесной промышленности, формирования территориально-производственных комплексов (ТПК), с развитием производительных сил Забайкалья, Европейского Северо-Востока и Севера в целом. Здесь потребовались не только наблюдения, но и значительный массив технико-экономических данных и статистических показателей. Вхождение в тематику территориального развития проходило под научным руководством проф. В.А. Кротова и проф. А.А. Недешева, а также с консультациями старших коллег: докторов географических наук К.П. Космачёва и Ю.П. Михайлова, доктора экономических наук М.К. Бандмана. Формированию научного мышления и стиля исследовательской работы во многом обязан коллективам институтов Сибирского отделения РАН – географии (Иркутск), экономики и организации промышленного производства (Новосибирск) и Уральского отделения РАН – экономики (Екатеринбург), социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ (Сыктывкар).

¹ Из приложения к газете «Республика» (Коми) «Дым Отечества» (26.01.2013): Общество любителей и собирателей микропонимов «Нимпас», созданное весной 2012 г. при историко-краеведческом приложении «Дым Отечества», подвело итоги своей деятельности. Удалось собрать порядка 2 тыс. микропонимов – названий мест, дорог, лугов, пожен, речек, озёр, лесных угодий, расположенных возле сёл и деревень Коми. Это рассматривается краеведами как уникальный пласт истории и культуры.

1.1. Сюжеты системного подхода к изучению отдельных видов экономической деятельности

Сельская экономика

Значение территориального фактора в развитии сельской экономики мне впервые пришлось оценить при изучении забайкальского зернового хозяйства и перевозок хлебных грузов. В 1960–1970 гг. половина пшеницы из Читинской области (ныне Забайкальский край) вывозилась в другие регионы, а в обратном направлении столько же завозилось. Известно, что иногда встречные перевозки обусловлены подбором разных сортов зерна для получения муки определенного качества. Но в данном случае причина встречных перевозок была, по-видимому, в чем-то другом, поскольку объемы исчислялись в 100 и более тыс. т.

Оказалось, Читинский мелькомбинат может работать на забайкальском зерне, наполовину смешанным с зерном из других регионов. В степях Забайкалья при раздельной уборке урожая вместе с зерном в бункер комбайна попадает много мелкой гальки, трудно отделяемой при очистке зерна. Жернова мельниц на помол такого зерна быстро ломались. Целесообразность встречных перевозок зерна в данном случае не вызывала сомнений; другое дело – его уборка.

Вопрос был сформулирован так: нельзя ли в порядке исключения в некоторых районах области уборку урожая перевести на прямой метод, т.е. без предварительного скашивания в валок, что предотвратило бы засорение зерна. Некоторым совхозам и колхозам была разрешена прямая уборка пшеницы, поскольку риск отхода от «общей линии партии» был невелик в связи с низкой урожайностью (8–10 ц с га) на землях, ранее распаханых в качестве «целины». Это были пастбища, отобранные у овцеводства в период целинного энтузиазма. В итоге тема с зерном вышла за рамки рационализации его перевозок и стала рассматриваться в плоскости оптимизации использования земельных площадей вплоть до перевода в некоторых местах пашни обратно в пастбища. Такого рода обратное движение актуально до сих пор, но теперь речь идет о поиске оптимального набора определенных видов диких и домашних животных, а также типов аграрных хозяйств, характерных для степных и лесостепных ландшафтов.

Второй пример оценки территориального фактора в развитии сельской экономики связан с расчетами биоклиматического и со-

циально-экономического потенциалов Европейского Северо-Востока. Первое (биоклиматическое) предполагало соединение физико-географических характеристик (тепло, влага, суммы температур, степень континентальности и многих других) с экономикой земледелия, а через него и остальных видов сельскохозяйственного производства. Оказалось, что на условную единицу биоклиматического потенциала наиболее высокий уровень выхода продукции имеет оленеводство. Центральные и южные районы Республики Коми как бы не дотягивают до планки, установленной им Природой. Это (как мне казалось) могло бы стать важной предпосылкой к расширению северного сельского хозяйства. Конечно, на Севере возможности земледелия ограничены из-за неблагоприятных климатических условий и низкого почвенного плодородия (подзолистые почвы с высокой кислотностью, малым содержанием гумуса и элементов питания, неудовлетворительный тепловой и водно-воздушный режим). Но имеющийся биоклиматический потенциал и современные агротехнологии позволяют организовать товарное производство ряда продуктов (картофеля, моркови, свеклы, капусты, кормовых культур) с достаточной нормой прибыли и приемлемыми для населения ценами.

Второе (социальное) направление в изучении сельской жизни связано с исследованием систем расселения населения, развития инфраструктуры, трудового потенциала и других факторов. Географы и экономисты Коми НЦ УрО РАН выявили их положительные и отрицательные стороны, отражающие северную специфику здравоохранения, образования, сферы торговых и транспортных услуг, с учетом конфигурации расселения сельского населения. Непреодолимых препятствий для устойчивого социально-экономического развития дальних районов не оказалось.

Даже в условиях Севера не природные и внутрирайонные социальные, а общие политические факторы являются предопределяющими в развитии сельского хозяйства и сельской местности. История нашей страны (и северные регионы здесь не исключение) не знает периода, когда сельское население не было бы угнетено политикой власти. История же ряда других стран показывает, что такое положение вовсе не обязательно; там действует принцип: пока не наведен порядок в использовании земельных ресурсов и обустройстве сельской местности, пытаться решать вопросы о широкомасштабных технологических прорывах в промышленности и модернизации всей экономики контрпродуктивно.

В нашей стране сформировано общественное мнение, что дотирование сельхозпроизводства – некая милостыня крестьянину из рук государства. Это не так. Из деревни столько выжато человеческих и экономических ресурсов, что существующие ныне дотации, субвенции и другие формы финансовой помощи представляют не более, чем весьма вялое возвращение ей исторических долгов. Но даже не исторический, а только арифметический подход к текущему распределению бюджетных средств отражает экономическую несправедливость. Например, дотации жилищно-коммунальному хозяйству городов и других городских поселений многократно превышают все государственные финансовые вложения в сельское хозяйство. Если ЖКХ городов нуждается в бюджетной поддержке, то почему бы так же не подходить и к жилью в селах и деревнях? Вопрос о дотациях, который в экономике сельского хозяйства нередко выдвигается на первый план, не является главным. Важно правильно оценить фундаментальные процессы формирования условий жизнедеятельности в сельских районах. Здесь много проблем, но было бы крайне неразумно их решение адресовать лишь сельским жителям.

Обратим внимание на то, что государственные финансовые ресурсы направляются в настоящее время в большей мере на развитие животноводства. Оно же закрепляется за крупными комплексами, которые по прописке зачастую становятся городскими. То же относится и к птицефабрикам. Парниковое производство помидор, огурцов, лука, цветов также отдаляется от сельской местности, прижимаясь к городам. В свою очередь оформление производства продуктов питания в виде агропромышленных парков создаёт базу для развития поселений нового типа – агрогородов. Дальние сельские территории остаются при этом без опеки.

Встречное движение – экспансия сельских территорий горожанами. Дачные поселки во многих регионах, включая северные, по людности уже превосходят деревни и села. Последние также осваиваются под дачи и родовые имения.²

² В.В. Пацюрковский [2010,с.117] пишет: «Как это ни парадоксально, но самый старый жилой фонд в сельской местности наблюдается в Московской области. Здесь средний год жилой постройки в сельской местности – 1954г. Это не значит, что в области не строится новое жильё. Строится, да ещё какое! Но даже на расстоянии в 100-130 км от мегаполиса это жильё уже принадлежит не селянам, а в лучшем случае их московским наследникам». О благоустройстве: «Самым благоус-

Но, если классическая северная деревня (село) была общиной, то перечисленные выше новообразования не имеют социального единства. Их ресурсы консолидированы крайне не достаточно, чтобы серьезно решать вопросы развития транспорта, энергохозяйства, информатизации, охраны природы.

Лесной сектор экономики

Приведу лишь частный пример территориального согласования различных аспектов лесного хозяйства, а именно историю попытки преодолеть препятствия по использованию лиственницы даурской (Забайкалье). Это дерево со специфическими свойствами: тяжелое – его нельзя сплавлять, твердое – обычные деревообрабатывающие станки от него быстро ломались, но очень ценное – водостойкое и не гниет. Пока был разрешен сплав по малым и средним рекам, лиственницу сплавляли в плотях вперемешку с сосной. Потом стали возить по лесовозным дорогам. Для ее обработки в Финляндии были куплены специальные пилорамы и станки; дорого, но проблема механической обработки тоже была решена. Тем не менее, лиственница «шла плохо».

Природа лиственницы такова, что она растёт в основном на северных склонах сопок, куда лесозаготовители перебирались лишь тогда, когда заканчивалась рубка на южных, более сухих склонах; на «севере» в равной мере росли сосна и лиственница. Однако, как показали мои наблюдения в Хилокском леспромхозе, лиственницу и там вальщики зачастую пропускали, предпочитая пилить сосну. Дело заключалось в учете выработки, а, следовательно, и в размере заработной платы. У лиственницы даурской большой сбег (ствол конусом); выборочные замеры для исчисления объема работы делались как среднее между спилами у комля и вершины. Эта средняя величина по двум диаметрам получилась такая же, как и у сосны. Но времени на спиливание лиственницы тратится в три раза больше. Общую систему учета объема работ на лесозаготовках изменить

троенным оказался жилой фонд в сельской местности Татарстана. Здесь 80% обследованных хозяйств имеют водопровод и 54% канализацию. Достаточно сказать, что в выборке по Красноярскому краю наличие водопровода отмечено лишь у 16%, а канализации лишь у 10% домохозяйств. В той же Московской области водопровод отмечен у 50%, а канализация у 25% обследованных сельских домохозяйств. В Амурской области 54% обследованных домохозяйств имеют водопровод и только в 11% из них есть канализация».

в то время не удалось. Но иногда устанавливался временный порядок, а именно – когда поступал заказ на поставку определенной партии лиственницы, создавались бригады только по ее заготовке со своими нормами выработки, достаточными для высокого заработка.

Наблюдавшиеся процессы в лесном секторе экономики Республики Коми также показывают, что проблема согласования технологических, экономических, социальных и экологических аспектов лесопользования должна решаться синхронно. Мне показался интересным следующий пример. Внедрение сучкорубной машины повысило рост производительности труда на отдельно взятой операции (в данном случае, на обрубке сучьев) в шесть раз. Но другие операции не претерпели существенных перемен, а потому по верхнему складу (делянке) производительность труда выросла всего лишь на 30%. Шесть рубщиков переместились на работу в центральный посёлок леспромхоза и занялись трудом менее производительным, чем рубка сучьев (сторожа, повара, вспомогательный персонал). «По кругу» получилось снижение общей стоимости выхода продукции в расчёте на одного занятого. Леспромхозы были относительно автономными территориальными производственными и социальными образованиями; в них экономическую эффективность следовало считать с учётом всего хозяйственного оборота.

Нефтяная и газовая промышленность

В 1998 г. было закончено составление целевой программы «Комплексное освоение и использование нефтегазовых ресурсов Тимано-Печорской провинции». Мне выпала роль координатора и научного руководителя [Топливный..., 2002]. Сотрудники Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, используя геологический и производственный материал, выполнили детальный анализ факторов и условий развития данного нефтегазового комплекса. Прогнозная оценка его параметров проведена с учетом не только внутренних (отраслевых) потенциалов, но и его места в топливно-энергетическом балансе Северо-Запада. Основным исполнителем всей этой весьма сложной работы была к.э.н. А.А. Калинина. Мы договорились, что институт будет отстаивать определенные народнохозяйственные позиции, отводя корпоративные интересы на второй план.

Первоначально предполагался федеральный статус программы, но августовский 1998 г. дефолт и другие неурядицы в государственном управлении данное предположение сделали нереальным;

программа стала принадлежать нефтяной компании «Лукойл». Нам не удалось защитить две позиции: мощность Ухтинского НПЗ в 6 млн. т.; строительство модульного нефтеперерабатывающего завода в Усинске (по вариантам от 1 до 3 млн. т. переработки). Мощность Ухтинского НПЗ «Лукойлом» была ограничена 3,5 млн. т, но зато проведена полная технологическая модернизация; к вопросу же о строительстве нового завода в Усинске вернулись через десять лет с положительным его решением. Тем самым не исключается возможность реализации одного из основных наших предложений о раздельной переработке тяжелой (парафинистой) и легкой нефти Тимано-Печорской провинции.

Во время разработки программы у меня сформировалась точка зрения на приоритеты внутрироссийского нефтяного рынка относительно экспорта. Десять нефтеперерабатывающих заводов (от Киришей до Комсомольска-на-Амуре) специально были подключены к северным месторождениям, но из-за экспортного крена их мощности использовались не более, чем на 60-70%; не решалась проблема глубокой переработки нефти с выходом высококачественной продукции. Ориентация на оптимальное соотношение внутреннего потребления и экспорта нефти сказалась на оценке двух конкурирующих проектов – Балтийской трубопроводной системы и «Северные ворота» (строительство терминала на Варандее и вывоз нефти по Северному морскому пути). Хотя Балтийский проект также в значительной мере связан с экспортом, однако его в перспективе легче переключить на внутрироссийские потребности, поэтому предпочтение мы отдавали именно ему. Удалось доказать линию их разграничения, примерно, по Валу Гамбурцева в Ненецком АО, что в итоге удовлетворило сторонников обоих проектов.

Газовая часть программы отражает наше давно сложившееся убеждение о целесообразности комплексного использования углеводородов через утилизацию попутного нефтяного газа, выделения бутана, пропана и других фракций для организации газохимического производства, сжигания на электростанциях и жилищно-коммунальном хозяйстве в основном сухого («обезжиренного») газа, замены газотурбин на компрессорных станциях магистральных трубопроводов на электропривод, максимальной газификации городской и сельской местности.

Уровень газификации сельских районов Республики Коми гораздо ниже, чем в центральных районах России, удаленных от газо-

вых месторождений. Многие села, деревни и поселки Севера, рядом с которыми проложены магистральные газопроводы, можно образно сравнить с полустанками, мимо которых мчатся скорые поезда: видно, но недоступно. Вместе с тем, нельзя не учитывать и специфику формирования газораспределительных сетей. Каждое ответвление должно иметь критический минимум потребления газа, который в ряде мест не может быть достигнут из-за малой людности поселений и их расположения вдали друг от друга. Необходимо определить конечные пункты, где надо размещать станции сжижения газа для распределения его по дальней периферии уже в баллонах.

Примеры с нефтью и газом характерны для понимания необходимости согласования отраслевых особенностей производства и транспорта со спецификой территории, особенно в части расселения населения.

Угольная промышленность

С каждым посещением Воркуты и Инты у меня усиливается внутреннее напряжение по поводу незнания методов разрыва замкнутого круга проблем их развития. Первый вопрос без ответа возник в начале 1980-х гг., когда активно продвигалась технология металлургии без кокса (прямое восстановление железа из руд электроплавкой). Что будет с Воркутой, где преобладает добыча коксующихся углей? Потом эта тема стихла, но в 2008 г. на совещании у главного инженера Череповецкого металлургического завода я (на всякий случай) этот вопрос задал. Ответ: такой вариант в развитии черной металлургии в «Северстали» не рассматривался. Можно ли на этом успокоиться? По-видимому – нет, поскольку указанное научно-техническое направление рано или поздно вернется. К тому же, не рассматривать его можно и умышленно, чтобы не брать на себя ответственность за будущее Воркуты.

В схемах развития и размещения производительных сил Республики Коми Печорский угольный бассейн представлен как межрегиональная топливная база в увязке с Энергетической стратегией России (ЭСР-2030). Она предусматривает модернизацию шахт и освоение Усинского и Сейдинского месторождений. Модернизация осуществляется успешно с некоторой задержкой в связи с финансовым кризисом 2008-2010 гг., но освоение Сейды не продвинулось ни на шаг, несмотря на то, что ЭСР-2030 является государственным документом, утвержденным Правительством России. Можно лишь предположить, что для неё не находится хозяина – собственника,

финансовые ресурсы которого были бы достаточны для формирования контрольного пакета акций будущего угольного предприятия. Но могут быть и другие причины, мне не известные. В отличие от Сейды ситуация с освоением Усинского месторождения более обнадеживающая, благодаря интересу к коксующим углям Новолипецкого металлургического комбината.

В программе «Урал промышленный – Урал полярный» намечено строительство железной дороги вдоль восточного склона Уральских гор. Что по ней можно возить? – пока не ясно; подготовка ресурсной базы в этой части Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов отстает по времени от указанных в программе сроков строительства железной дороги. Поэтому целесообразно было поставить вопрос о перевозках по ней энергетических углей Печорского бассейна через Лабытнанги. Однако кому адресовать этот вопрос, понять трудно. Программа является «достоянием» Уральского федерального округа, не имеющего интереса к экономическим проблемам Северо-Запада. Судя по тому, как данная программа «блуждает» в разных версиях, вопрос о её полезности для Воркуты автоматически отпадёт.

Проблематичность развития Воркуты и Инты особенно ярко высвечивается во время финансово-экономических кризисов. Они включены в федеральный список моногородов, которым полагается государственная поддержка при наличии собственной антикризисной программы. Здесь-то и заложено противоречие. С одной стороны, у разработчиков антикризисных мероприятий нет другого видения, как создание новых рабочих мест за счет социальных обязательств угольных предприятий, освоения месторождений рудных полезных ископаемых, расширения вспомогательных и обслуживающих производств, вплоть до развития легкой и пищевой промышленности или крупномасштабного туризма. С другой – экономика Севера и Арктики по объективным причинам должна базироваться на малолюдных технологиях, высококвалифицированном труде и развитой кооперации с другими регионами России. В приполярных и заполярных городах в прошлом создано много лишнего; усугублять это положение в борьбе с кризисом нецелесообразно.

Загадка Воркуты многие годы для меня заключалась и в том, что некоторые воркутинцы, выехавшие по программе переселения в Центральную Россию, возвращались обратно. То ли вжились в город, то ли новые для них места оказались не гостеприимными, но

более всего здесь играет роль психология человека. Однако психология переменчива, а потому перспективы Печорского угольного бассейна важно оценивать теперь именно с точки зрения настроений проживающих здесь людей, характерных для периода не устойчивой экономики. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в декабре 2012 г. зафиксировал: 34% воркутинцев заявили о желании уехать; из посёлка Северный под Воркутой – 86%; общий резерв потенциальных мигрантов из Воркуты – 68% населения города. Причин тому много, но главная – забота о детях и их будущем благополучии. При этом и перед руководителями муниципального образования ГО «Воркута» возникает сложная ситуация. Так, в начале 2013 г. здесь учтено 819 свободных муниципальных квартир, вместе с тем 612 семей стоят в очереди на социальное жильё. Муниципалитет не рискует раздать эти квартиры, опасаясь последующей их сдачи под сертификаты на жильё по программе переселения в другие регионы России.

Старые «заделы» и новое, более рациональное, совместить иногда практически очень трудно, поэтому движение от плохого к хорошему приходится делать медленно; но тут важна не скорость, а системная организация.

Горнорудная промышленность

Понимание значения этой отрасли для решения вопросов территориального развития у меня возникло на Шерловогорском горно-обогатительном комбинате. Он расположен в Борзинском районе Забайкальского края. Шерловая Гора была известна издревле как месторождение цветных камней, но к концу 1950-х гг. она стала местом добычи оловосодержащих россыпей и руд. Сначала здесь были построены промывочные установки, затем карьер и обогатительная фабрика, а также ТЭЦ, автохозяйство и ремонтные мастерские. На этом предприятии я приобрёл опыт аналитической работы и знания технологических особенностей горно-обогатительного хозяйства. Но в контексте данной работы укажу лишь на одно обстоятельство.

В 15 км от Шерловой Горы располагается Харанор, где в то время (начало 1960-х гг.) обустраивался крупный угольный разрез с перспективой строительства мощной ГРЭС. Между двумя почти рядом расположенными предприятиями, естественно, возникли взаимные связи по поводу производственной и социальной инфра-

структуры. Их развитию необходимо было придать целенаправленный характер, что при ведомственной разобщенности сделать было непросто.

Заведующий отделом экономики и географии ЗабКНИИ СО АН СССР А.А. Недешев поручил мне составить на эту тему научно-аналитическую записку. В одном варианте она была направлена в промышленный отдел Обкома КПСС, в другом – в Президиум Сибирского отделения АН СССР. Из Президиума записка была переадресована в ЗабКНИИ (то есть нам же) с резолюцией о содействии комбинату в проведении научно-исследовательской работы. Таким образом, мне пришлось заниматься данным вопросом основательно.

Ничего особенного и значительного из этого занятия не получилось. Лишь из состава Шерловогорского ГОКа были выведены на самостоятельный баланс теплоэлектростанция и автохозяйство с расширением зоны их хозяйственной деятельности, включая и Харанор. С финансовой точки зрения ГОКу это было невыгодно, поскольку тепло, электричество и услуги по автоперевозкам он стал получать по более высоким тарифам. Однако была отмечена выгода для Борзинского района и всей Читинской области в результате многого, но для отчетности очень важного, роста валового продукта.

Шерловогорский опыт сформировал также мое понимание производственных связей как совокупности технологических и социально-экономических отношений, позволил сделать вывод о необходимости соблюдения принципа эквивалентности внутри- и межрегионального товарообмена, что могло бы снять с предприятий добывающей промышленности знак ущербности.

Другой пример – Хапчерангинский горно-обогатительный комбинат. Хапчеранга расположена в Кыринском районе Забайкальского края в 380 км от Читы по автодороге и 326 км от ближайшей ж.д. ст. Дарасун. ГОК работал с 1933 г. и выпускал оловянные и свинцово-цинковые концентраты. Впервые на комбинате я был в январе 1962 г. с целью оценить Хапчерангу как базу освоения ближайшего Тарбальджейского месторождения олова штокверкового типа. Это было актуально, так как запасы оловянных руд на основном руднике заканчивались. Там я отметил для себя, что на одной обогатительной фабрике имеются две секции: по олову и полиметаллам. На фабрику привозились руды с прииска Былыра Курултыкинского полиметаллического месторождения, Харатуйского месторождения олово-полиметаллических руд, Букукинского оло-

вянного месторождения. Это служило примером организации районного метода освоения месторождений полезных ископаемых (одна фабрика и несколько рудников и приисков).

Работники комбината мне показались людьми интересными. Они были как бы и рабочими, и крестьянами. Несмотря на запрет содержать скот в поселках городского типа и малых городах, установленный по инициативе Н.С. Хрущева, здесь каждый имел свой дом-хозяйство с коровой, теленком, свиньями и курами; обрабатывали огород до 20 соток, охотились на косуль. Поэтому-то и питались хорошо, особенно в сравнении с читинцами.

Когда вначале 1970-х гг. развернулось строительство крупного Ново-Широкинского полиметаллического комбината, на заседании облисполкома рассматривался вопрос о его продовольственном обеспечении. Памятуя об опыте Хапчеранги, я предложил построить в 500 м от предполагаемого поселка частные фермы, закрепленные за отдельно взятой семьей. Сам же поселок (по идее) должен быть чистым. Предложение не было принято. Но на заседании присутствовал представитель Забайкальского военного округа. Ему такое совмещение «города и деревни» понравилось. В одном из гарнизонов военные его осуществили.

Если многие предприятия горнорудной промышленности в Забайкалье в 1970 – 1980 гг. шли к финалу, то в Коми – только начинали проектироваться. Сотрудники отдела экономики Коми филиала АН СССР участвовали в предпроектных разработках и экспертизе технико-экономических обоснований строительства объектов боксито-глинозёмного и нефтетитанового комбинатов. Один из положительных результатов такого рода работ заключался в том, что бокситы, титан, каменную соль и ряд других полезных ископаемых удалось включить в Тимано-Печорский комплекс, который первоначально в Госплане СССР задумывался только как топливно-энергетический.

1.2. Опыт изучения интегральных экономических систем

Тимано-Печорский ТПК

Практика государственного управления взяла от науки о ТПК лишь идею взаимоувязки строящихся предприятий, как правило, на вновь осваиваемых территориях, не связывая ее с районированием. Так появились в решениях съездов КПСС указания на необходимость формирования единичных ТПК, в том числе Тимано-Печор-

ского. Признаюсь, я не сразу уяснил различие классических (по Колосовскому) и программно-целевых (по Бандману) ТПК. Поэтому придерживался точки зрения, что Тимано-Печорский комплекс надо рассматривать в границах Коми республики и Ненецкого автономного округа. Госплан СССР его очертил в рамках северных территорий республики и всего округа.

Отказаться от своей позиции меня побудили два обстоятельства: крутая политизация решений хозяйственных проблем и соответствующее выхолащивание сути производственного комплексирования; убедительная позиция сибирских экономистов и географов по поводу целесообразности программирования и моделирования ТПК как крупных межотраслевых инвестиционных проектов. Тимано-Печорский ТПК удалось вывести на рельсы программного решения задач синхронного строительства (реконструкции) конкретных объектов. Именно под них и была создана новая для нашей страны структура территориального управления – Администрация Программы развития экономики Республики Коми. Участвуя в ее обосновании, я изучил и предложил использовать опыт программы «Теннеси» (США), из которого вытекало, что Администрация должна быть одновременно государственной (для этого создали Коллегию) и коммерческой (данную функцию выполняла Дирекция). Как сейчас мне представляется, это был один из первых опытов частно-государственного партнёрства, теория которого разработана несколько лет спустя [Романова, 2007].

В перечень объектов, подлежащих проектированию, строительству или реконструкции, входили: бокситовый рудник и глиноземный завод, комплекс по производству титановых концентратов и пигментного диоксида титана, Серёговский соляной завод, марганцевый рудник, газо-химический комплекс по производству полиэтилена, производство промышленных масел на базе тяжелой нефти Яреги, реконструкция Ухтинского НПЗ, железная дорога Карпогоры-Вендинга (новый участок «Белкомура»). До 30% средств использовалось на социальные объекты и производство товаров народного потребления. В перечень были включены Кардиологический центр, гормолзавод в Сыктывкаре, птицефабрика в Ухте и комплексная застройка сел и деревень.

Администрация Программы сыграла огромную роль в деле социально-экономического развития Республики Коми. Она функционировала как институт государственно-частного партнёрства с

ориентацией на решение актуальных задач. В 2003 г. ее «закрыли». В принципе орган управления целевой программой должен функционировать лишь во время ее реализации, но не исключается и формирование новых программных задач. Перевести Программу в область решения научно-технического и инновационного развития в то время не удалось.

Административно-экономические районы

Ежегодные экспедиционные поездки по Читинской области в 1961–1975 гг., сбор и обработка первичных материалов статистики и отчетности предприятий, беседы с руководителями районов и поселений приводили к одной простой мысли – о первостепенном значении «малых дел». Следовало бы навести порядок в использовании пастбищ так, чтобы они естественно восстанавливались; отремонтировать старые, правильно разместить и построить новые кошары; наряду с крупными мясокомбинатами (Борзинским, Читинским, Улан-Удинским), организовать переработку мяса на малых предприятиях; проводить мелиорацию земель в соответствии с климатическими условиями (осенние и весенние поливы); использовать лед в качестве строительного и теплоизоляционного материала); освоить с учетом современной агротехники местный опыт земледелия, в том числе выращивания картофеля и овощей, ведения промыслов; оптимизировать территориальную структуру и организацию геологоразведки; скоординировать сельскохозяйственные и горнорудные предприятия, а также войсковые части по поводу развития совместных подсобных агрохозяйств. Целесообразность такой координации относится также к развитию райцентров, которые в силу финансовой слабости отставали от центральных усадеб совхозов и колхозов; к дорожному строительству, учреждениям образования, здравоохранения и культуры. Особое внимание сотрудники Читинской лаборатории Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР обращали на санаторно-курортное хозяйство, в то время в большей мере «полудикое», но имеющее огромный потенциал развития в качестве отрасли межрегиональной специализации.

Когда же начинали писать генеральные схемы развития и размещения производительных сил, то «малые дела» как бы забывались. На первый план выдвигалось что-то грандиозное, например, «Забайкалье – второй Урал!». Генеральная идея, в частности, заключалась в формировании нового промышленного комплекса на «спинах трех китов»: Удокана (медь), Кручины (титаномагнетиты)

и Березовки (железные руды). Место их стыковки было определено на одной из лучших в Восточной Сибири Нерчинской промышленной площадке, которую оберегали от других производств ради будущей великой стройки.

До сих пор этот проект не осуществлен... Его пример, а также опыт строительства БАМа, говорят о том, что гипотетическое необходимо вписывать в ткань текущей жизни с ее организационными, экономическими, экологическими и социальными ограничениями. В этом отношении более удачными оказались реализованные предложения науки о размещении в Чите камвольно-суконного комбината и авто-сборочного завода, Гусиноозёрской и Харанорской ГРЭС.

Идея комплексности, если она трактуется как реализация любой потенциальной возможности по принципу «чем больше, тем лучше», может в итоге оказаться бесполезной или даже вредной. Комплексность – это соответствие между функцией хозяйственной системы и ее структурой. У района функция всегда двойка: внешняя, порождаемая географическим разделением труда, и внутренняя, обусловленная потребностями проживающих здесь людей. Функциональная роль Забайкалья была сформулирована следующим образом: местное сырьё – база для специализации, вывоз высокотранспортабельной продукции – движущий момент ее совершенствования; эквивалентный межрайонный товарообмен – экономическое условие социального благополучия.

Чтобы правильно судить об эквивалентности обмена, надо рассматривать весь товарооборот в стоимостном выражении. Для этого необходим соответствующий источник информации и таковым оказались банковская статистика и отчётность. Мне удалось обработать платёжные документы Читинского областного отделения Государственного банка СССР и получить сведения за 1966 г. о движении безналичного оборота денег по всем видам экономической деятельности, включая транспорт, строительство и социальную сферу, а также саму финансовую систему. Территориальный аспект анализа заключался в выделении ареалов хозяйства вокруг конкретного отделения банка и установлении связей данного ареала со всеми контрагентами страны; последние были сгруппированы по областям, краям и республикам и далее по крупным экономическим районам.

Установлено, что в стоимостном выражении межрегиональные связи получают существенно иное измерение в сравнении с данными транспортной статистики, территориальная структура свя-

зей смещается в сторону западных регионов обрабатывающей промышленности (по ввозу) и дальневосточных, потребляющих продукцию забайкальского овцеводства (по вывозу); в территориально-отраслевой структуре связей заметней стали проявляться проектные и строительно-монтажные работы, услуги культуры (по ввозу), транзитный транспорт и курортное хозяйство (по вывозу). Сделан вывод о нарушении принципа эквивалентности товарообмена, при котором регионы добывающей промышленности находились в угнетённом состоянии. При условии же эквивалентности товарообмена уровень социально-экономического развития Забайкалья мог бы быть повышен, по крайней мере, до среднего по стране.

В изучении стоимостных отношений особое внимание мы обратили на региональный хозрасчет, разговоры о котором начались в 1998 г. Как это у нас часто бывает, хорошая идея губится на корню неправильным ее толкованием. Всю систему регионального счетоводства стали выдавать за хозяйственный расчет, субъектами которого являются, якобы, области, края, республики, как всеохватывающие хозяйственные комплексы. Те из них, чей денежный поток по линии «регион – центр – регион» является положительным, стали считаться донорами; остальные – реципиентами. Ничего конструктивного для практики управления из этого не получилось, хотя в научном плане были и положительные результаты.

У меня еще в читинский период сложилось убеждение о том, что областные районы могли бы иметь дополнительный стимул к социально-экономическому развитию при предоставлении облисполкомам (совминам) материальных и финансовых ресурсов в «собственное» распоряжение (за рамками государственного плана). Некоторые проблески такого подхода наблюдались; например, сверхплановые сельхозпродукты разрешалось продавать на местном рынке без централизованного регулирования; особые льготы были установлены для регионов, если они участвовали в пограничной торговле с другими странами. С таких позиций нами оценивалась возможность регионального хозрасчета и в 1990-е гг., но уже с учетом рыночных отношений. Региональный хозрасчет распространяется на хозяйственную деятельность региональных правительств (или их представителей) на базе субфедеральной собственности и муниципалитетов на базе собственности муниципальной. Правда, идея регионального хозрасчета была уже искажена настолько, что

на данную позицию никто не обратил внимания. Однако практика экономического управления движется как раз в этом направлении.

В настоящее время взаимоотношения между регионами и Центром деформированы разногласиями и/или сговором московских, питерских и местных политических элит, бюджетной недостаточностью территорий, отлучением их от природно-ресурсных доходов. В межбюджетных отношениях главное значение должны иметь не конъюнктурные колебания и приспособление к ним, а правила и нормы классического экономического федерализма.

Приведённые сюжеты о вхождении автора в тематику территориального развития отражают относительно простые, но весьма характерные процессы взаимоувязки различных аспектов хозяйственной деятельности с учётом её местных условий. Сопряжённость природных, технологических, экономических и социальных начал хозяйства может найти отражение в весьма оригинальных решениях в области совершенствования функционирования и развития территориально-хозяйственных систем.

Глава 2. ПРАКТИКА, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Практика

Практика – материальная и духовная деятельность человека и общества. Она, как категория, философами и социологами освещена достаточно полно, что служит надёжной основой для анализа конкретных практик, в том числе экономико-географической [Практика и познание, 1973; Преображенский, 1968; Сочава, 1976]. Для последней наиболее важное значение имеет положение о бесконечном многообразии отношений людей с природой и друг с другом в рамках определенных пространственно-временных комбинаций. Это с самого начала является отражением потребности человека в пространственной ориентации, измерении площадей и расстояний, открытии новых земель и ресурсов жизнедеятельности, создании комфортной среды обитания.

Расширение и углубление географического разделения общественного труда порождает новые потребности и интересы, в том числе по преодолению пространственных разрывов между производством и потреблением товаров. Уплотнение расселения населения и хозяйства способствует появлению такой потребности, как охрана окружающей природы и расширение социальных функций географической среды.

Вначале 1960-х гг. активно дискутировался вопрос о позиционировании научного работника относительно практики и о роли субъективного фактора в объективном отражении действительности. В естественных науках речь шла, например, о зависимости научного результата от положения исследователя в технологии эксперимента и его приборного оснащения. В общественных – о позиции научного работника относительно реально происходящих социальных и экономических процессов: должен ли он быть их активным участником или же пассивным наблюдателем «ради чистоты картины происходящего»?

Активная позиция в нашей стране поощрялась, но не была бескомпромиссной. Автор неоднократно сталкивался с ситуацией,

когда научные сотрудники привлекались к составлению предплановых и предпроектных документов ради того, чтобы облегчить труд самих плановиков и проектантов. Быть только поставщиком первичной научной информации и даже научно-аналитических материалов опасно для формирования творческого характера труда исследователя. Совмещение поисковых исследований, зачастую обусловленное логикой развития самой науки, и непосредственного участия научных работников в разработке практических проектов должно опираться на принципы разделения функций теории и практики.

Экономико-географическая практика выступает в виде конкретных направлений деятельности: гео- и региональной политики, районирования, территориального планирования, региональной и муниципальной статистики, геоинформатики и картографии, районного и ландшафтного проектирования, географической и экологической экспертизы.

Всё, что территориально планируется, проектируется и осуществляется, тоже относится к экономико-географической практике. Люди этого могут и не осознавать, но на самом деле, когда они занимаются благоустройством территорий, согласованием своих планов с другими, распределением общих ресурсов и тому подобными видами работ, они занимаются экономико-географической практикой. Из наиболее значимых для территориального развития практик отметим геологоразведку, недропользование, землеустройство, лесоустройство, водопользование, мелиорацию, создание инфраструктурных объектов. Такого рода практики основываются на знаниях земледения, инженерной геологии, гидрологии, агрономии, архитектуры, экономической климатологии, региональной экономики и других наук. Хотелось бы особое внимание обратить на такое выражение экономико-географической практики, как геокультура, что содержательно проанализировано *Б.М. Ишмуратовым* [2009].

Из перечисленных видов практик выделим экспертизу. Она представляет собой вид проверочной деятельности, которая имеет конкретное научное содержание, логику, систему понятий и методов. Как показали *К.П. Космачёв* [1981] и *Т.Е. Дмитриева* [1991], географическая экспертиза направлена на улучшение качества информации о территории и видах деятельности, на приведение в соответствие принимаемых решений с данной информацией. Значительное место в ней занимает оценивание достоверности простран-

ственной дифференциации норм и нормативов жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности. Нередко одно и то же – корчевание, отгонное животноводство, мелиорацию и многие другие виды работ – в конкретных местах имеют совершенно особую технологию исполнения, но в инструкциях и других документах фиксируются одинаковыми нормами и нормативами. Их анализ необходим для совершенствования самой социально-экономической географии, как научной дисциплины, и практики территориальной организации общества.

Вновь актуализируется значение геопланировки. Этот вид экономико-географической деятельности, по сути, является проектированием территориально-хозяйственных систем (ТХС). При разработке схем территориального планирования, генпланов городов и других населённых пунктов, планов застроек необходимо сопряжено учитывать все более или менее значимые характеристики территории – от геологии до этнокультуры. Такое осуществляется далеко не всегда, поэтому специалисты критически относятся к современной организации градостроительной политики.

Объединить указанные виды практик в единую систему можно только на основе теории социально-экономической географии и региональной экономики. Однако будем иметь в виду, что нередко наука начинает оперировать понятиями, выведенными в основном из ранее полученных теоретических знаний в отрыве от реальной жизни, и этот отрыв на определенных этапах исследовательского процесса, с точки зрения гносеологии, выглядит вполне обоснованным. Но научные понятия и сама практика «шагают» параллельно друг другу без видимых противоречий лишь «до поры до времени». Потом конструкция из уже готовых теорий и стереотипов под влиянием изменяющейся действительности рушится. Приходится создавать новую теорию.

2.2. Теория и ключевые понятия

Теория – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на научное объяснение каких-либо явлений и процессов. Это высшая форма организации научного знания, программирования практической деятельности и выработки познавательных норм. Философско-методологическая трактовка теории позволяет сделать три вывода, существенных для раскрытия нашей темы:

- теория – единственная составная часть науки, которая противопоставлена практике (теория и практика – единство противоположностей);
- теория создает идеальный образ реального мира, практика – сам реальный мир;
- теорию с практикой соединяют три вида методологий: фундаментальных исследований, прикладных исследований и самой практики (рис.1).

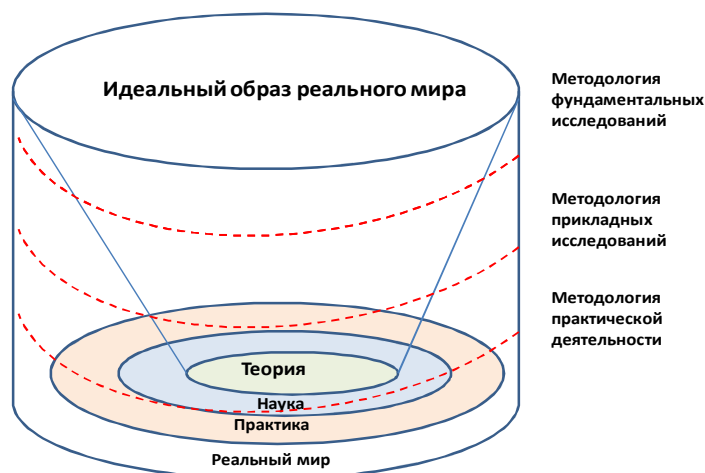

Рис.1. Практика, наука, теория, методология (схема взаимодействия).

Все общественные науки включают в аппарат своих исследований **идеальное состояние изучаемых объектов**, отталкиваясь от философского понимания идеала, как прообраза будущего, ощущаемого способами мышления и активной преобразовательной деятельностью человека. Как правило, за исходные принимаются позиции трех крупнейших философов: И. Канта, который идеал трактовал в качестве внутренней цели («нет цели – нет идеала») и общей идеи регулятивного порядка; Г. Гегеля, уделяющего больше внимания идеалу, как созерцательному образу цели; К. Маркса, который подчеркивал целеустремленность людей к такому идеалу, в рамках которого существующие противоречия антагонистического характера представляются преодоленными.

Теоретическая география даёт представление об идеальных образах территориальных систем «природа – население – хозяйство». *Б.Б. Родман* [2007, с.129] отмечает: «Идеальный объект научной теории не содержится готовым в реальном мире, а создаётся учёными путём отбора некоторых черт изучаемой действительности. Названия идеальных объектов фигурируют в законах науки в качестве субъектов и предикатов. Степень зрелости науки определяется её способностью формировать идеальные объекты. Переход от идеальных объектов к реальным и обратно ТГ (теоретическая география – В.Л.) представляет как трансформацию территориальных сетей. Занимаясь идеальными объектами, ТГ способствует повышению теоретического уровня географических наук». В географии идеал означает определенное представление о гармонично организованной территории как базе жизнедеятельности людей. Гармония достигается за счет объективных факторов – источников и движущих сил развития общества, и субъективных – целенаправленной деятельности людей по реализации своих потребностей и интересов. Идеал задает вектор прогнозирования будущего и предопределяет целеустремленность в познании закономерностей социального развития.

Экономическая наука также занимается идеальными объектами, отбирая лучшее из существующего в системах собственности, производства и потребления, доходов и расходов, ценообразования и налогообложения, социальной защиты и т.д. С применением метода сравнения реального с идеальным (лучшим из существующего) *С. Роузфилд* [2004], например, написал книгу «Сравнительная экономика стран мира: культура, богатство и власть в XXI веке». В наших оценках уровней социальной комфортности районов и городов Республики Коми использован метод расчёта по базе «идеальной территориально-хозяйственной системы», в которой собраны наилучшие достижения в тех или иных местах республики: детская и общая смертность – минимальны; обеспеченность предприятиями бытового обслуживания, жильём, детскими дошкольными учреждениями – наибольшая; душевое производство товаров народного потребления, заработная плата – самые высокие в республике и т.д.

География – наука о структуре, функционировании и развитии геосистем. Социально-экономическая география изучает общественные геосистемы, поэтому её всё чаще стали обозначать под названием «общественная география». Региональная экономика –

наука о механизмах формирования и развития территориальных хозяйственных систем. Географический фактор она рассматривает под углом зрения совершенствования общественных форм организации производства, раскрывая, как территория влияет на концентрацию и комбинирование элементов производительных сил, специализацию и интеграцию регионов. Зона перекрытия этих наук – *хозяйство* (природно-социально-техническая система) и *хозяйствование* (воспроизводство природно-ресурсного и человеческого потенциалов, необходимых благ и условий жизнедеятельности).

Предметная сущность общественной географии заключается в геосистемности, а региональной экономики – в системности механизмов рационального ведения хозяйства. При изучении проблем пространственного развития генерируются знания и других наук, среди которых следует подчеркнуть значение философии и социологии, а в части методов – математики и статистики.

Теоретические позиции научного работника наиболее чётко прослеживаются в том, как он определяет ключевые понятия предмета своего исследования. С учётом рекомендаций Э.Б. Алаева [1983] по формированию понятийного аппарата социально-экономической географии попытаемся сформулировать некоторые понятия относительно территориального развития.

Территория

Это понятие имеет множество определений. Для понимания специфики территориального развития достаточно трёх:

- пространственный базис деятельности;
- место размещения природных, человеческих и других ресурсов;
- особая социально-экономическая реальность, отличающаяся своими функциями от отраслей и предприятий.

Но, если учитывать не только экономико-географические, но и политические, и правовые аспекты территориальности, то следует подчеркнуть следующее. Для государства территория – определённая часть земной поверхности, находящаяся под его суверенитетом; отделяется государственной границей; включает сушу, внутренние воды, недра, территориальные воды и воздушное пространство над ними. Здесь ключевое слово «суверенитет». Для административно-территориального образования (в том числе – субъекта Федерации) территория – это площадь (пространство) юрисдикции регионального правительства и региональных структур центрального (федер-

рального) правительства, закрепляющей ограниченную экономическую автономию данного образования. На этом уровне ключевым является понятие «территория юрисдикции». Для предприятия территория (земля) является экономическим активом, учтённым в его уставном фонде. Здесь ключевое значение имеет «фонд», который оценивается, амортизируется и воспроизводится. Для человека территория – это место жительства, один из основных источников жизнедеятельности. Территория, вовлечённая в хозяйственный оборот, для всех указанных субъектов является богатством (имуществом). Но ошибочно было бы территорию ставить лишь в рамки национального богатства и имущественных отношений. Необходима и другая фундаментальность. Например, *Б.М. Ишмуратов* [2009] её (фундаментальность) выразил таким неординарным понятием, как «территориализация» – процесс формирования сущностных характеристик конкретного объекта под влиянием его местоположения в системе других природных и социальных данностей. *В.С. Бочко* [2010] рассмотрел территорию как среду развёртывания системы знаний людей и их нравственно-культурных ценностей.

Применительно к нашей теме можно сказать, что для государства основное – это территориальная целостность и единство социально-экономического пространства. Поэтому свой объект изучения – Север – мы в первую очередь представляем его значением в сохранении национальной безопасности России. Ресурсы Севера целесообразно сначала направить на формирование внутророссийского рынка, а уже потом – на экспорт. Они не должны служить фактором раскола территории России по мировым экономическим «блокам». Россия сама для себя является мировым геоэкономическим пространством. В развитии же её регионов главным является территориальная связность всех факторов и условий жизнедеятельности; муниципальных и других локальных образований – обустройство места жительства.

Хозяйство

Его следует представить, прежде всего, как природно-социально-экономическую систему воспроизводства условий жизни людей; процесс их жизнедеятельности; материальный и духовный мир человечества. Столь возвышенное определение хозяйства вытекает из философского объяснения его сущности.

Отметим вклад двух авторов фундаментальных трудов в философию и теорию хозяйства – *С.Н. Булгакова* [1990] и *Ю.М. Осипова*

нова [1990]. Оба философа хозяйственный процесс рассматривают на основе взаимоувязки всех сторон жизнедеятельности в рамках единой природно-социальной среды; у них сама жизнь есть процесс, прежде всего, хозяйственный – не ради накопления богатства в его унитарной форме, а ради совершенствования материального и духовного мира человека, его Культуры. На этом сходство позиций указанных авторов, пожалуй, заканчивается. С.Н. Булгаков далее идёт по пути теологии (в философии хозяйства он раскрывает онтологическую и космологическую стороны христианства) с весьма полезными установками на понимание вселенской сути потребления, производства и всего хозяйственного оборота; Ю.М.Осипов – по пути реальной (и релятивистской) философии хозяйства на основе равенства его объективных и субъективных начал.

Нельзя не отметить, что действительность мы зачастую трактуем, как нам хочется, зависимо от того, к какой философии мы адаптированы. Например, можно не соглашаться с С.Н. Булгаковым, что Земля и Человечество едины и объединены они Мировой Душой, но нельзя не признать наличия самого единства.³ Так, природные силы и производственные технологии сливаются в сельском хозяйстве или производство является аналогом природных процессов (металлургия, химия, биотехнология, бионика и т.п.). Признаем также значение философии хозяйства по Булгакову в объяснении специфических черт домоводства, вызванных ментальностью определённых групп людей⁴. Здесь уместно привести цитату из «Философии хозяйства» Ю.М. Осипова [1990, с.6]: «Хозяйство – явление культуры, её часть, это знание и действие, но, в то же вре-

³ В. Катасонов [2012] в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова больше находит положительных суждений о философском взгляде на мир через призму хозяйства и о человечестве как субъекте хозяйства, но отмечает и «зablуждения», обусловленные чрезмерной софиологией и её потусторонним изображением.

⁴ А.Е. Левинтов в переписке с автором на эту тему привёл такой пример: «...структура хозяйства (двора и дома) староверов-беспоповцев Горного Алтая (Верхний и Нижний Уймон) и староверов-липован на Дунае (Вилково-Киля-Приморское) диаметрально противоположны не по природно-климатическим условиям, а по мировоззрению – для первых мир объят Антихристом, а для вторых – пронизан Христом». Влияние традиций и ментальности на хозяйственный уклад в Республике Коми можно заметить у коми, коми-ижемцев, усть-цилемских старообрядцев, русских переселенцев, вольно-поселенцев (ссылно-расконвоированных) [Конаков, 1996]. Обратим также внимание на смешение типов домохозяйств в системе полиэтнического природопользования [Задорожный и др., 2010].

мя, осознание, осознание человеком самого себя как человека хозяйствующего».

Единство хозяйства и культуры наиболее убедительно показывают этнографы, в том числе применительно к хозяйству малочисленных народов Севера. Четыре сферы культуры – производственная, жизнеобеспечения, соционормативная и гуманитарная – лежат в основе хозяйствования человека, не отделяющего себя от природы [Головнёв, 1995]. Культура устанавливает ценности, которые дополняют и корректируют рыночные отношения в направлении гармоничного общественного развития, что в свою очередь определяет основное содержание территориального управления [Пчеллинец, 2004].

Не следует отказываться и от привычных характеристик хозяйства, например от его трактовки, как народного. *Хозяйство объективно становится народным, когда общественное разделение труда охватывает воспроизводство всех духовных и материальных благ в рамках страны или отдельной территориальной единицы, созданной на национально-политической основе.* Народное хозяйство вырастает из натурального и развивается как товарное на базе рыночных и нерыночных отношений и государственного регулирования. Для него характерно наличие разнообразных форм собственности, развитые производственно-экономические и торговые связи, разветвленная сеть финансовых и банковских учреждений, торговых и фондовых бирж.

Важное значение сохраняет научно-прикладное объяснение народного хозяйства: способ организации производства, совокупность видов экономической деятельности, способ самоопределения хозяйствующих субъектов, движение от одной хозяйственной ситуации к другой и т.д. Анализ хозяйства имеет весьма разнообразные типологические основания: собственность, формы организации производства, структуру производства, принадлежность к месту (городское, сельское), положение в системе воспроизводства, положение в секторах экономики, выделяемых в национальных счетах. Этот ряд оснований можно продолжить. Обратим внимание лишь на то, что может дополнить традиционные исследования хозяйства и сделать их более территориальными.

Это относится к рассмотрению хозяйства с точки зрения общественных отношений: социальных (человек – коллектив – территориальная общность людей), производственных (предприятие –

узел – район – территориально-производственный комплекс) и др. С точки зрения роли отдельных отраслей народного хозяйства в системе территориального разделения труда выделяются отрасли специализации, вспомогательные и обслуживающие. Материально-технические элементы вспомогательных и обслуживающих отраслей общего назначения образуют инфраструктуру – производственную и социальную.

Новые подходы к развертыванию хозяйственной структуры связаны с постепенным усложнением частных процессов и их интеграцией. Такой подход выражен, например, в схеме «место – человек – семья – домохозяйство – коллективное (общественное) хозяйство – предприятие – предпринимательство – культура – общность людей» [Левинтов, 1991]. Это, пожалуй, ближе стоит к определению хозяйства как природно-социальной системы. Кроме того, данная схема четко фиксирует положение домохозяйств – исходной единицы в территориальной структуре хозяйства.

Именно домохозяйство, как показали сначала А.В.Чаянов [1989,1991], а затем Б. Хамори [1991] и В.В. Пацюрковский [2010], связывает все социальные и экономические структуры, равно как и само связано со всем внешним миром.⁵ Рядом с домохозяйством стоят семейное хозяйство, малое производство, «вторая экономика» (совместительство, работа на дому и т.п.) и некоторые другие виды эксплоярной экономики, которую Т. Шанин [1990] трактует, как не уместяющуюся в схему двух полюсов – планового и рыночного хозяйств, находящуюся на обочине крупной индустрии, но вместе с тем имеющую собственные основания и хорошие перспективы развития. В.Л. Макаров [2010] рассмотрел различные типы смешанных экономик, что наводит на мысль о правомерности понятия «местная экономика» (экономика домохозяйств + общин + муниципалитетов), как особого типа эксплоярности. Важно подчеркнуть, что и домохозяйство, и указанные виды смешанной экономики играют существенную роль в территориальном развитии, особенно локальных систем.

⁵ В многообразии социальных и экономических связей домашних хозяйств А.В. Чаянов [1989,с. 414-442] видел *отличие хозяйства от производства*. Первое по содержанию многократно богаче второго в социальном плане как образ жизни, в экономическом как ядро торговых отношений (от хозяйства Сидора Карпова, затерявшегося в пермских лесах, до Лондонской биржи).

Существующее ныне «вялотекущее» состояние местной (общинной и муниципальной) экономики в значительной мере обусловлено слабым развитием институтов её организации. На территориальное развитие выделяется мало средств ещё и потому, что они не востребованы. Просто отсутствует соответствующий порядок востребования. Пока видны лишь первые «ростки» организации такого рода порядка в виде территориальных обществ самоуправления (ТОС). По-видимому, можно ожидать появления и других форм территориально-корпоративной деятельности.

В составе хозяйства особое место занимают банки, страховые и инвестиционные компании, фондовые и товарные биржи. Анализ размещения и типология финансово-банковских учреждений и их систем представляются весьма полезными во многих отношениях: для полноты структурных характеристик хозяйства, выявления процессов локализации капитала и т.д. В деятельности перечисленных учреждений, как инфраструктуры района, проявляется мера соответствия друг другу всех сфер экономики региона или муниципалитета (не проигрывают ли они в силу отставания развития финансового и банковского хозяйства?; правильно ли размещены соответствующие учреждения относительно расселения населения и концентрации промышленности?). Банковская система наиболее чутко реагирует на процессы освоения новых районов; она имеет собственное экономическое пространство, интегрирующее свойства демографических и производственных систем.

Финансы, кредит и денежное обращение по своей природе территориальны. Почти во всех работах экономистов, занимающихся данной темой, можно встретить интересные суждения по поводу уровня локализации финансовых и банковских оборотов, а также оборачиваемости наличных денег, взаимосвязи между природно-ресурсным, производственным потенциалом районов, городов и их финансами. *В.С. Немчинов* [1962], *В. Белкин* и *В. Ивантер* [1971], *Б.Л. Исаев* [1973] непосредственно связывали это направление исследовательской и практической работы с оптимизацией географического размещения производительных сил страны и территориально-экономических связей, с распределением компетенций в системе управления экономикой. По мере совершенствования социально-экономических отношений усиливаются и взаимосвязи между финансами и территориальным развитием, что наиболее полно отражается в региональных балансах финансовых ресурсов, а также в

типологии районов и крупных городов относительно ввоза и вывоза капитала.

Банковская статистика и отчетность содержат богатые сведения о межрайонных и внутрирайонных экономических связях. Их источником служат строение безналичных оборотов между клиентами банка, шкала документооборота (в днях), взаимные межфилиальные расчеты, реестры поступления денег, табулограммы, транспорт межобластного и внутриобластного оборота, паспорт по учетно-операционной, бюджетной и статистической работе отделения (агентства) банка и др. На основании первичных документов месячной, квартальной и годовой отчетности можно анализировать территориальную и производственную структуру экономических связей, экономическую удаленность и экономическое тяготение конкретных хозяйственных ареалов, обслуживаемых банком, составлять оригинальные карты, отражающие «пространство – время» [Лаженцев, 1972а].

Ранее мы обращали внимание географов на теневые стороны использования данных банковско-финансовой системы и видели их в возможном отрыве анализа денежных перечислений от материальных процессов и от производственной специализации районов. Теперь ситуация изменилась, и следует указать на опасность утраты интереса к банковской и финансовой статистике в связи, во-первых, с некоторым улучшением общей статистики, которая стала разрабатывать блок информации по межрегиональному товарообмену в рублях с указанием ввоза и вывоза, импорта и экспорта почти по всем видам продукции, а также сведения о сальдо национального дохода в разрезе республик, областей и краев (это большое достижение и значительный импульс для углубления экономико-географического анализа); во-вторых, с ужесточением режима секретности в банковском деле, утратой регламента отчетности банков, доступности для научного анализа; в-третьих, с рассредоточением денежных перечислений по множеству банков. Однако необходимость привлечения банковских материалов в систему экономико-географического анализа не отпала.

Деньги – это не тень товара, их движение обусловлено не только продуктообменом, но и чисто финансовыми и кредитными операциями, переводами денег населением и т.д. При развитых формах товарно-денежных отношений деньги – тот же товар, имеющий самостоятельное значение, в том числе в межрайонных и

межгосударственных отношениях. Такого рода самостоятельность имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Она может стимулировать производство (через эмиссию денег в ограниченных размерах ради повышения инвестиционной активности) или разрушать его, когда эти размеры никак не связаны с реальной экономикой.

Финансово-банковский аппарат территориального развития в настоящее время еще не совершенен. Региональные правительства и муниципалитеты не являются пока активными клиентами банков. Можно предположить, что сама жизнь заставит повысить уровень такой активности, но для этого территориальное развитие должно рассматриваться как неотъемлемая часть общего хозяйственного процесса.

Территориально-хозяйственная система (ТХС)

ТХС мы определяем как совокупность распорядительных центров и их ресурсов, объединённых общими интересами местоположения и совместной деятельностью по созданию благоприятных условий для реализации данных интересов. Предпосылки формирования и развития ТХС заключены в общественном характере хозяйства.

Территориально - хозяйственные системы многообразны, но в основе всех их видов лежат взаимосвязи между природой, населением и хозяйством. Для научного объяснения их сути используются различные обозначения: метасоциальная конструкция [Олдак, 1989], геотрион [Матрусов, 1995], территориальная формация [Панасюк, 2005].

Лишь низовые ТХС в принципе могут достичь полного организационного единства и быть субъектом права – хозяйствующей единицей. У большинства других ТХС правосубъектность ограничена отдельными направлениями деятельности и это даёт возможность в полной мере сохранить экономическую самостоятельность первичных звеньев системы. Однако необходимо принять во внимание, что самостоятельность субъектов хозяйствования, безусловно, соответствует условиям рыночной экономики, но весьма значительная часть социально-экономической деятельности в рамки рынка не укладывается. Поэтому с переходом от низовых к более высоким уровням ТХС возвышается роль организации интеграционных процессов.

Территориальная интеграция объективно обусловлена общественными отношениями, в первую очередь технологическими, ко-

торые представляют способ соединения людей в организационных формах труда и быта. Это происходит не только в рамках конкретного производства, но и в более широких социально-экономических системах, в том числе и территориальных. Благодаря интеграции, отдельные элементы хозяйства становятся производительными силами с общей технологической структурой.

Таким же образом ТХС можно рассматривать со стороны экономических и социальных отношений, поскольку только системный подход к организации хозяйства делает возможным компромисс между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Какие бы аспекты формирования и развития ТХС мы не взяли (экологические, информационные, правовые, культурологические, политические и т.д.), везде требуется согласование потребностей и интересов отдельных групп населения, соединённых в территориальную общность.

Автор полагает, что в тематике территориального развития главное место занимают пять видов «идеальных» ТХС, в состав которых входят объекты природы, социумов, расселения населения, производства и управления:

- 1) место – семья – дом – домохозяйство – домовладение;
- 2) местность – община – поселение – предприятие – сход;
- 3) физико-географический округ – территориальная общность людей – куст поселений – хозяйственный узел – муниципалитет;
- 4) физико-географическая провинция – население – район расселения – территориально-хозяйственный комплекс – региональное правительство;
- 5) физико-географическая область – население – зона расселения – крупный экономический район – структуры управления делегированных полномочий.

Каждый уровень ТХС имеет собственные свойства и качества, но вместе с тем, и такие характеристики, которые целесообразно учитывать как общие ориентиры конструирования желаемых состояний указанных систем. Из общего выделим наиболее существенное.

Социальная комфортность означает приоритет общественной составляющей развития, т.е. условия жизни не только отдельно взятого человека и его семьи, но и других малых и больших социумов. Это находит отражение как в традиционных показателях в об-

ласти демографии, уровня потребления, социальной инфраструктуры, состояния окружающей среды, но и для нас относительно новых – социальная стратификация, депривация, люмпенизация, социальная напряженность и т.п.

Полиструктурность отражает многообразие социально-экономических отношений. Она может быть представлена в разных направлениях, например, в атрибутивном – совокупность подсистем природы, производства, расселения населения; функциональном – совокупность технологических, экономических, социальных, экологических и информационных подсистем; в аспекте сопряжения – наложение на общую картографическую основу пространств разных видов деятельности и т.д. Существует множество структур у одной и той же системы и множество проявлений одной и той же структуры [Понятие..., 1999].

Проблемная ориентированность обусловлена стремлением людей к преодолению трудностей на пути достижения поставленной цели. Известно, что правильно поставленная проблема предопределяет успех исследовательской и управленческой работы. В этой связи заметим: проблема возникает лишь на грани знания и незнания и формулируется как существенный вопрос, не имеющий пока однозначного ответа, и она решается только через расширение круга знания. В общественных науках проблема рассматривается как неудовлетворительное состояние целеустремлённых систем, раскрывается и адресуется конкретным распорядительным центрам [Акофф Эмери, 1974].

Если следовать приведенной выше схеме исследовательского процесса (от теории к практике), то можно установить *три этапа решения одной и той же проблемы: научно-поисковый, научно-прикладной и организационно-экономический*. В.С.Преображенский [1972] обозначил такого рода этапность, как «жизнь» проблемы. Не обязательно «проблемное поле» формировать в рамках всех трех этапов, но научным работникам часто приходится это делать, чтобы выйти на практическое решение сложных вопросов организации хозяйства и управления.

Устойчивость – главный результат усложнения социально-экономической системы, одно из самых противоречивых ее свойств. Желаемое состояние динамической устойчивости в принципе недостижимо; интерес же представляет прогнозирование условий безопасного развития и упреждающих действий. В этой связи заметим,

что предкризисные и посткризисные мероприятия по обеспечению относительной устойчивости имеют разное содержание. В первом случае речь идет о конструктивной реакции на предстоящее, во втором – о реакции на случившееся, о ликвидации последствий спада и стагнации.

Саморазвитие опирается на способность социальной системы к самоорганизации и саморегуляции. Но это не полная автономизация, не изоляция, не сепаратизм. Территориальная система любого ранга включена в народное хозяйство страны и выстраивает с ней отношения субординации и координации. Здесь «само» относится, прежде всего, к активной позиции региональных правительств, муниципалитетов, общин и домохозяйств в развитии социально-экономических отношений.

Перечисленное может быть конкретизировано применительно к специфическим свойствам ТХС: 1) неоднородность; 2) упорядоченность размеров и форм размещенных объектов; 3) географическая целостность; 4) закономерность географических событий во времени; 5) изменчивость; 6) непрерывность и дискретность; 7) связь с окружающей средой (воспроизводство географических ресурсов); 8) реакция на внешние воздействия [*Прогнозирование...*, 1990].

В связи с активизацией исследований в области пространственной экономики особое внимание обращается на северную периферию. Для нее характерны очаговость и дисперсность размещения производства и расселения населения, «пространственная эксклюзия», т.е. исключение определенной территории из нормальных условий жизнедеятельности, ее выпадение из-за недостаточности территориального капитала из социально-экономических связей и процессов регионального развития [*Дмитриева, 2009*]. Отсюда вытекают «наказы на будущее»: противостоять нежелательной деформации пространства, предпринимать меры по его реставрации и модернизации, включать периферию в область инновационного развития.

Методологический интерес в схеме, отражающей иерархию ТХС, представляет вопрос: с чего начинать анализ территориальной структуры хозяйства?

Первичной единицей и точкой отсчета при планировании в нашей работе является домохозяйство (семья). Этот выбор находится в русле решения сверхзадачи внутренней политики России – сбережение населения, а также трактовки самого района как разви-

вающегося населения с мотивированным поведением и ориентацией на естественноисторическую целесообразность. От того какой будет семья и как будет организовано домохозяйство, зависит состояние локальных и региональных хозяйственных систем, а в итоге – всей страны. Движение от желаемого (нормативно устанавливаемого) состояния первичной единицы общества к системе определенного иерархического уровня является многомерным и требует соизмерения ресурсов развития всех участников территориального развития.

Территориальное хозяйствование

Деятельность человека, общностей людей, органов местного и регионального управления по поводу формирования и рационального использования личной, общинной, муниципальной и субфедеральной собственности с выгодой для общества в целом мы называем территориальным хозяйствованием [Лаженцев, 1996]. Перечисленные виды собственности (кроме личной) правомерно обозначить одним понятием – «региональная собственность», которое ранее было подробно рассмотрено Т.Е. Дмитриевой [Лаженцев, Дмитриева, 1993], а также И.И. Сиговым [2001]. Из зарубежных авторов более близок нашим взглядам на общественный характер территориального развития Уолтер Дж. Хикл, который полагает, что консолидация людей на основе общих выгод от природопользования и справедливого их распределения (он приводит пример Аляски) может разрешить социальные и геополитические конфликты, минуя войну [Хикл, 2004].

Е.Г. Анимица с соавторами [2005, с.30] по этому поводу высказались предельно ясно: «Регион как экономический субъект рынка должен обладать не только территориальной общностью, единством воспроизводственных процессов, но и как экономический субъект возможностями самостоятельного осуществления хозяйственной деятельности. В частности, он должен владеть имуществом, дающим возможность получения доходов от ведения хозяйственной деятельности, полномочиями по поводу получаемых доходов».

В территориальном хозяйствовании субъектом рыночной и других форм экономики выступает население, которое вместе с властью определяет мероприятия в области формирования и использования земельных угодий, других природных ресурсов, имущественных комплексов. Такая деятельность опосредуется движением денежных средств, операциями аренды, лицензирования, купли-

продажи, финансирования, кредитования и т.п. Развитие территориального хозяйствования связано с повышением роли природно-ресурсной ренты в общественном воспроизводстве и созданием на ее основе условий устойчивого развития [Крюков, Токарев, 2007, с.461-558]. Всё это служит основанием рассматривать территориальное хозяйствование в рамках деятельности местных сообществ, своего рода социальных корпораций.

В научном объяснении механизмов и инструментов территориального хозяйствования автор придерживается логической схемы, устроенной по принципу матрёшки [Лаженцев, 1996]:

- механизм хозяйства (источники и движущие силы развития: географическое разделение труда, наука, региональные и местные интересы и потребности);
- механизм хозяйствования (территориально-хозяйственные отношения: по поводу региональной собственности, межхозяйственного взаимодействия, межрегиональной интеграции);
- механизм управления хозяйством (регламенты, структуры, стандарты, информационные системы, оргструктуры, законы, нормы и нормативы, инструкции, экономические регуляторы).

Методологический вывод из представленной схемы такой: прежде чем оперировать ценами, налогами, тарифами и пр., необходимо разобраться в сути социально-экономических процессов, таких как районообразование, внутри- и межрегиональные отношения, саморазвитие и т.п. Именно от источников и движущих сил развития следует двигаться в сторону экономических регламентов и стимулов, а не наоборот.

Территориальное развитие

Совместное рассмотрение ключевых понятий (территория, хозяйство, территориально-хозяйственная система, территориальное хозяйствование) позволяет территориальное развитие трактовать как прогрессивно направленное изменение пространственной структуры производительных сил; процесс сбалансированного и эффективного использования природно-ресурсного, материально-технического и человеческого потенциалов; формирование и качественное преобразование территориально-хозяйственных систем.

С позиции социально-экономической географии территориальное развитие является процессом освоения и обживания земель

(территорий) с последующим совершенствованием структурно-функциональных характеристик хозяйства; одновременно это – формирование территориальных общностей людей (социумов), имеющих общие интересы по воспроизводству природного и человеческого потенциалов, и других условий жизнедеятельности; это – переход территории из «не района» в район.

Хозяйственное освоение территории в историческом аспекте представляет:

- проникновение – спонтанное и постепенное продвижение людей в новые места с целью получения ресурсов жизни, достаточных для ее воспроизводства;
- переселение – организованный и скоротечный переезд людей на новое место жительства с целью получения выгод и свобод;
- передислокация – перевод производства в другие точки размещения в силу истощения ресурсов прежних мест;
- экономическая интервенция – организованный захват территорий и их ресурсов с целью присоединения либо к мировому, либо к национальному рынку, либо – включения в корпоративную базу производства, а чаще – всего перечисленного.

Научное объяснение полноты освоения территорий происходит с учётом характеристик вовлекаемых в хозяйство ресурсов: полное, локальное, выборочное. Как правило, даётся и характеристика пространственных конфигураций освоения: очаговой, линейной, сплошной, мелко- или крупнодисперсной и др. Далее следует выбор технологических способов освоения: вахтовый, экспедиционный, районный, линейный, узловый. Всё это достаточно полно представлено в анализе опыта и научном объяснении пионерного освоения тайги [Космачёв, 1974], «волновых» процессов освоения территории [Никульников, 1982], географических основ освоения [Михайлов, 1982] и ряде других экономико-географических работ⁶.

⁶ Исторические аспекты освоения северных предуральных территорий изложены в частности в работах А.В. Головнёва [1995], П.Ю. Павлова [2008], О.Н. Трапезниковой [2007], Н.П. Юшкина [2008]. С.В. Голикова [2012, с.9] подчёркивает значение не только материального, но и духовного содержания освоения: «Территория становится своей при возникновении представлений о ней, при появлении наряду с реальной средой, так называемой когнитивной среды».

Хозяйственное освоение территории становится устойчивым, если оно одновременно идет и как её *обживание (там, где это возможно), т.е. не столько ради производства и прибыли, сколько ради системного воспроизводства самой жизни*. Обживание означает:

- формирование и развитие домохозяйств;
- планировку и обустройство селитебных территорий;
- землеустройство и дорожное строительство;
- создание социальной и рыночной инфраструктуры;
- воспроизводство природно-ресурсного потенциала;
- воспроизводство человеческого потенциала;
- управляемая экономическая и социальная кооперация.

В социально-экономической географии и региональной экономике сформировано относительно целостное представление о моделях освоения и использования территории и ресурсов, о процессах их «встраивания» в структуру общественного развития. Но более полное научное объяснение территориального развития базируется на общих философских подходах к понятию *«развитие»*: смена состояний, структурное и организационное усложнение, целенаправленная и управляемая эволюция, искусственно-естественный процесс, система воздействий на естественные процессы, возрастание способностей и потенциалов.

В итоге «территориальное развитие» мы рассматриваем в двух аспектах: со стороны объективных процессов формирования и развития ТХС и со стороны субъективной деятельности субъектов управления и хозяйствования (Дмитриева, Лаженцев, 2010; Лаженцев, 2013а).

2.3. Методология перехода от теории к практике

Технология научного обоснования

Любое исследование проходит через определённые стадии получения и использования знаний: обращение, ознакомление, непосредственное использование, его воспроизводство и, наконец, производство нового знания. То же можно сказать и о стадиях изучения: наблюдение, научное объяснение и конструирование (в широком понимании этого слова). Наблюдение должно вызвать удивление и сомнение, научное объяснение – сформировать идею и вокруг нее «проблемное поле», конструирование – создать способ ре-

шения проблем через достраивание недостающих звеньев существующего или построение чего-то совершенно нового.

Социально-экономическая география (впрочем, как и другие науки) использует философские, общенаучные и конкретные научные знания.

Философия помогает уяснить сущностные характеристики организации хозяйства, вытекающие из естественноисторических процессов развития производительных сил и производственных отношений, из взаимосвязи природы и общества. Еще раз обратим внимание на то, что философские основания научной деятельности в нашей стране и за рубежом разработаны достаточно полно. Поэтому философию приходится держать в поле зрения по всем ее аспектам, особенно в части теории познания сложного, синергетики и объяснений содержания междисциплинарных, полидисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Общенаучный подход к изучению «своего» объекта как раз и предполагает интеграцию знаний и методик разных наук для понимания и конструктивного выражения организации хозяйственной деятельности. Синтез научных знаний конкретных наук оказывается особенно полезным, если они являются смежными: экономика, социально-экономическая география, экономическая социология, демография и др. Важно также найти рациональное звено в разнообразных методах измерений и оценок на основе математики, статистики, эконометрики и картографии. В связи с этим заметим, что дискуссии о «чистоте» предметов смежных наук редко бывают продуктивными. Примеры борьбы районного направления в географии против отраслевого и статистического, споры о сущности единой географии, о схожести и различиях экономической географии и региональной экономики не внесли каких-либо заметных новаций в исследовательский процесс географов и экономистов. Междисциплинарность – имманентное свойство наук, поэтому пересечение их по объекту и предмету неизбежно. Поиск «места под солнцем» отдельно взятой науки целесообразно заменить поиском взаимодополняемости при рассмотрении конкретной проблемы. Каждый раз приходится выбирать определённые аспекты наук, их сильные стороны, чтобы системно формировать образы будущего и решать поставленные задачи.

Фундаментальные и прикладные исследования

Фундаментальным считается изучение объективных законов развития природы и общества без изначального приложения его результатов к каким-либо практическим задачам. Прикладные исследования проводятся в аспекте строгой нацеленности их на практику, на решение конкретной народнохозяйственной проблемы. Вопрос о таком разделении не прост. При его рассмотрении возможны различные точки зрения. Но в любом случае желательно иметь представление о том, как теоретическое знание становится прикладным, а затем – составной частью самой практики. Наша позиция заключается в целесообразности особой структурной организации исследовательской деятельности.

На уровне фундаментального исследования происходит:

- объективизация – научное объяснение содержания объекта исследования;
- систематизация – расположение свойств, качеств и отношений изучаемого объекта в определенном порядке;
- структуризация – аналитическое разделение объекта на части и последующая их группировка по существенным основаниям.

Прикладное исследование включает:

- трансформацию – приспособление теории к практическим нуждам;
- актуализацию – выбор наиболее значимых для практики результатов НИР;
- выявление структур-аттракторов – ведущих факторов перспективного развития изучаемого объекта.

Переход от прикладного исследования к практике осуществляется в последовательности:

- субъективизация – формулировка отношения лица, принимающего решение, ко вновь полученным знаниям;
- организация – ранжирование и последовательность практических действий в направлении достижения поставленных целей;
- формирование оргструктур и институтов – управление процессом освоения нового знания.

Из сказанного необходимо учитывать опасность утрированной простоты в понимании взаимосвязи между наукой и практикой. Наука обращается к практике на основе теории, практика к науке –

на основе опыта. На стыке возникает особого рода методология получения рецептурного знания о том, как переходить от теории к практической деятельности и как из практики извлекать теоретические знания (табл. 1).

Таблица 1

*Формирование и развитие
территориально-хозяйственных систем (ТХС):
от науки к практике*

Фундаментальные исследования	Формирование идеального образа ТХС	Систематизация свойств и качеств ТХС	Структуризация ТХС
Прикладные исследования	Трансформация научных знаний для практического использования	Актуализация проблем территориального развития	Выделение ключевых факторов развития ТХС (структур-аттракторов)
Практика	Региональная политика и предпочтения в территориальной организации хозяйства	Стратегическое планирование	Формулировка заданий оргструктурам управления
Экономико-географическая деятельность	Генерация научных знаний и практического опыта для совершенствования территориальной организации хозяйства	Включение проблем территориального развития в систему документов стратегического планирования	Формулировка заданий на научно-исследовательские и проектные работы в области территориального развития

Предложенная схема исследовательской работы представляет лишь формальные рамки. Многое зависит от насыщения ее содержательными, творческими элементами, используемыми в зависимости от мировоззрения научного работника, его теоретического credo, сопричастности к определенной научной школе и т.п. Такого рода зависимость можно заметить уже в том, как происходит выбор

ценности и цели. Ценностные ориентиры желательно зафиксировать в явном виде, скажем, установление «золотой середины» между экономической эффективностью и социальной справедливостью, устойчивое развитие хозяйственных систем, снижение уровня бедности, равновесие в стоимостных и ценовых пропорциях расширенного воспроизводства и т.п.

Методология научной работы и практики имеет некоторые общие основания. Но мы рассматриваем вопрос об их взаимосвязи, поэтому важно подчеркнуть наличие у практики собственной методологии. Ориентация лишь на т.н. здравый смысл чаще всего не дает положительного результата

Результативность научной работы во многом зависит от правильного построения системы показателей тех или иных процессов. Первоначально надо понять, какие показатели достоверно отражают территориальное развитие? Предварительное обдумывание показателей делает сбор информации, необходимой для решения проблемы, творческим процессом. Ясно, что информация должна соответствовать генеральной идее исследования, поэтому данные статистики, отчетности предприятий и учреждений, нормативы и законы, научно-аналитические обзоры, литературные источники должны пройти проверку на достоверность.

Актуальность этого вопроса усиливается общим критическим отношением к существующей практике использования статистических данных, ярко выраженным в Докладе Комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса [Доклад..., 2010]. Например, такой показатель, как ВВП (ВРП), для сравнительной экономики правомерно считается малопригодным, хотя объём хозяйственного оборота он фиксирует более или менее достоверно. То же относится и к муниципальному валовому продукту (МВП), который не отражает результатов хозяйственной деятельности самих муниципалитетов, а лишь фиксирует размещение объёмов экономики [Колечков, 2011].

Для анализа и планирования территориального развития, на наш взгляд, сначала целесообразно пользоваться натуральными показателями, сведёнными в систему балансов земли, воды, электричества, тепла, трудовых и других ресурсов, а также отражающими пропускную способность транспорта и связи. К показателям территориального развития следует отнести природные (геологический, биоклиматический, ассимиляционный) и адаптационный по-

тенциалы, расчёт которых поможет сравнить возможную и фактическую продуктивность хозяйств, связанных с природопользованием. Только определённая комбинация натуральных и стоимостных показателей может отразить реальные процессы территориального развития.

Нельзя приписывать показателю того, чего он не отражает. Требуется целенаправленная мыслительная деятельность по преобразованию информационных материалов в действительные показатели. В изучении хозяйственных систем такое преобразование можно обозначить как движение *от состава к структуре, от состояния к функционированию, от роста к развитию* [Лаженцев, 2006].

В контексте нашей темы укажем на актуальность выбора показателей, отражающих структуру хозяйственных систем, их функционирование и развитие.

Для структурных характеристик система показателей строится, как правило, по принципу матрицы, где территориальные объекты (подлежащее) раскрываются через их свойства и отношения (сказуемое). Такую систему показателей П.Я. Бакланов [2007] применил в теоретическом анализе территориальной структуры производства с выделением линейно-узловых систем. Как один из наиболее ярких примеров изучения структурных показателей отметим работу Л.И. Василевского и П.М. Поляна [1987, с. 256]. В ней Л.И. Василевский предложил формулы «географизированной» статистики как выражение дисперсии, среднеквадратического отклонения, вариации и концентрации.

Функционирование изучается и регулируется с помощью показателей интенсивности, синхронности, производительности, эффективности и многих других – всех тех, которые, по идее В.М. Четыркина [1967], отражают ритмы и режимы деятельности района. Ритмы и режимы производственных процессов, интенсивность технологических, экономических и финансовых связей и отношений – это именно то, что наиболее верно отражает состояние хозяйства и хозяйствования. Их изучение способствует выявлению тех резервов, мобилизация которых во многом зависит от деятельности самих районов и муниципалитетов.

Набор показателей функционирования хозяйственных систем, доступных для практического анализа, еще невелик и не систематизирован. Некоторые ценные показатели используются редко. К таким, например, относятся циклы воспроизводства природно-ресур-

сного и человеческого потенциалов, скорость движения и время в пути, оборачиваемость оборотных средств, скорость расчетов, оборачиваемость наличных денег и другие, тесно связанные с местными условиями производства, со специализацией и территориально-экономическими отношениями регионов. Показатели, в которых отражается продолжительность хозяйственных, финансовых и кредитных процессов, имеют в настоящее время особое значение для характеристики функционирования ТХС.

Выделить в «чистом виде» показатели развития территориальных систем весьма трудно. Не случайно большинство показателей, используемых под названием «развитие», собственно к развитию не относятся, а отражают, скорее всего, «рост». Развитие же производительных сил (по большому счёту) характеризуется сменой технико-экономических укладов [Глазьев, 2011].

В нашей работе [Лаженцев, 1990] сделана попытка выразить «развитие» через динамику энергетики и транспорта. Установлено, что в условиях стабильной экономики с повышением топливно-энергетического коэффициента в 1,5 раза сама энергетика производства качественно меняется. Показано также, что «прохождение» транспортной сети через определённые стадии (строительство транзитной магистрали – ответвления от неё («усы») – «кольцевание» дорог – полимагистрализация – сверхмагистрализация) соответствует этапам развития всего экономического района.

2.4. Научные теории применительно к тематике территориального развития

С переосмыслением существующих и разработкой новых географических и экономических теорий тематика территориального развития получает импульсы к теоретическому и практическому совершенствованию. В первую очередь следовало бы учесть теории «функции места», «линейно-узловых и сетевых структур», «центр – периферия», «районообразования», «геосистемного подхода», «пространственного развития».

Функция места

Как показали *А.А. Минц* и *В.С. Преображенский* [1970, с.120, 123], «...место, т.е. некоторая часть географического пространства, несёт (или может нести) определённую функцию в жизни (деятельности) общества и, следовательно, удовлетворяет (может удовлетворять) определённую потребность общества

(части общества, человека) (Курсив наш – В.Л.)... Любой подход к размещению тех или иных проявлений общественной деятельности может быть сведён к приданию некоторым местам разного масштаба (от конкретной площадки до крупной части страны или даже региона мира) определённых функций разной степени агрегированности (от единичного строительного объекта до совокупности производительных сил)». Д. Харвей [1974, с.419] полагает: «Города, районы, системы коммуникаций и т.п. – все они могут получить объяснение с помощью ссылки на их функции». Конечно, функциональный подход в географии не является всеобъясняющим, но ему справедливо отводится одно из основных мест.

Природные и исторически приобретённые свойства и качества конкретных территорий надо ценить как экономическое и социальное благо. Но его использование предполагает понимание диалектики как природы, так и общественных потребностей. Ошибочно считать, что природой каждому месту определена одна функция: «одно место – одна функция». Смена функции места происходит в связи с первичным освоением территорий и последующим их экономическим развитием. Характер смены функций зависит, главным образом, от возвышения общественных потребностей и научно-технического прогресса.

На первый взгляд такая трактовка функции места кажется аксиоматичной. Однако надо учесть коллизии, возникающие в борьбе за место, благоприятное для развития многих видов деятельности и всё возрастающие затраты на инженерную и институциональную подготовку их дислокации. Конкуренция за места предполагает наличие «третьего суда», роль которого выполняют институты территориального планирования и районного проектирования. Их значение в реализации теории функции места географы подчёркивали неоднократно, предлагая при этом определённые модели использования территории [Миц, Петрякова, 1973]. Но именно данная роль во многом утрачена. Поэтому мы наблюдаем крайние проявления неисполнения указанной теории: потерю сельскохозяйственных угодий, опустынивание площадей лесных рубок, утрату городских лесонасаждений и дворовых площадок, повсеместное захламление мусорными свалками. В значительной мере это обусловлено высокой степенью «дикости» рынка земли, характерного для России периода революционного реформирования (1992-2000 гг.), а также непониманием социальных функций природы.

В связи с ограниченностью функционально пригодных территорий практическая актуальность теории функции места в настоящее время возрастает. При этом надо всё же вновь вернуться к приоритету природных свойств и качеств территорий и самих объектов размещения. А.М. Трофимов и Б.Б. Родоман обратили внимание на высказывание Аристотеля, которое, как нам кажется, образно, но достаточно чётко отражает смысл природных предпосылок размещения объектов: «...если тело находится в месте, свойственном ему по природе, то оно будет неподвижно; но если оно находится в месте, не свойственном его природе, то оно будет двигаться из места, где оно оказалось, к месту, указанному самой природой». (Цит. по Родоману [2007, с.78]).

Лирическую и вместе с тем не лишённую практицизма окраску функции места придаёт красота. А.Е. Левинтов [2007,с. 21] приводит такой исторический пример: «Акинфий Демидов, плывя по уральским рекам и увидев красивое лесистое место, посылал туда рудознатцев – нет ли там какой руды. И, если руда находилась, строил город и при нём металлургический завод. Так возникла система городов – металлургических центров Урала: Кыштым, Златоуст, Миасс, Ивдель, Челябин и множество других. Главным критерием выбора места была всё-таки красота места, его эстетичность».

Ещё более показательный пример – деятельность Национального треста в Англии. Т. Шанин [1990,с.115] в интервью журналу «Вопросы философии» рассказал: «Эта организация является крупнейшим землевладельцем в Англии. На деньги сотен тысяч своих членов она выкупает все красивые уголки в стране. Я тоже её член, и все мы хотим сохранить красоту. Мы уже вложили миллиарды в то, чтобы выкупить красивые земли у их владельцев, чтобы они не могли их использовать для получения дохода. И одновременно – у государства, которое озабочено тем, где строить объекты министерства обороны. На землях Национального треста всё должно оставаться без изменений: нельзя ничего строить без особого разрешения, нельзя ничего разрушать, нельзя даже спилить хотя бы одно дерево. Между прочим, это весьма обширные земли, если вы поедете по Англии, то увидите, что практически каждый красивый уголок земли принадлежит Национальному тресту. Всё управляется демократически выбранным органом. Этическое, эстетическое и экономическое (а это огромные средства) здесь тесно переплетены и действуют не по принципам капитализма. Но это не попадает и под государствен-

ность, и даже под эксплоярность (вне плана и вне рынка – В.Л.). Здесь действует, если хотите, четвёртый принцип «Мы хотим красивой Англии».

Понять данное природой и уже сформированное предназначение места, значит избежать ненужных затрат по его перепрофилированию.

Линейно-узловые структуры

Линейно-узловые структуры – это теоретическое представление географов и экономистов о формах размещения производства и населения в виде территориальных сетей или экономических ландшафтов. Такие представления сформировались сначала в немецкой школе экономической географии (А.Вебер, В. Кристаллер, А. Лёш, И. Тюнен), а затем в американской (В. Бунге, П. Хаггетт и др.) и российской (П.Я.Бакланов, В.Н. Бугроменко, Г.А. Гольц, Б.Б. Родоман, С.А. Тархов и др.). В них отражена «борьба» двух начал в территориальном устройстве общества: уплотнения и расширения, которые в свою очередь проявляются как результат действия силы экономического тяготения в пространстве. Это нашло отражение в таких теориях, как «полюса роста», «диффузия нововведений», «комплексные транспортные системы» и многих других. Здесь широко используются аналогии с физическими процессами в области термодинамики, гравитации, гидрологии и др., что иногда бывает полезно для уяснения общих основ формирования пространств разных видов. Примером такой полезности является «закон прируслового вала» В. Бунге [1967]: как река создаёт себе препятствия в виде наносов песка, которые она «вынуждена» обходить, создавая меандры, так и в дорожном деле наступает такой момент, когда затраты на ремонт возрастают, как вал, обойти который дешевле строительством новой дороги.

Последние обобщения теории линейно-узловых структур отражены в книге польского географа-экономиста Р. Доманьски [2010]. Изучая перемещения людей, материальных ценностей и информации, он пришёл к выводу, что в наибольшей степени приближения к действительности теоретическая система приобретает форму анизотропной структуры, когда свойства неравных объектов территориально-хозяйственной системы зависят от направления движения экономических потоков внутри данной системы [с.37-44] (рис. 2).

В тематике территориального развития перечисленные концепции мы учитываем с определённых позиций, а именно – терри-

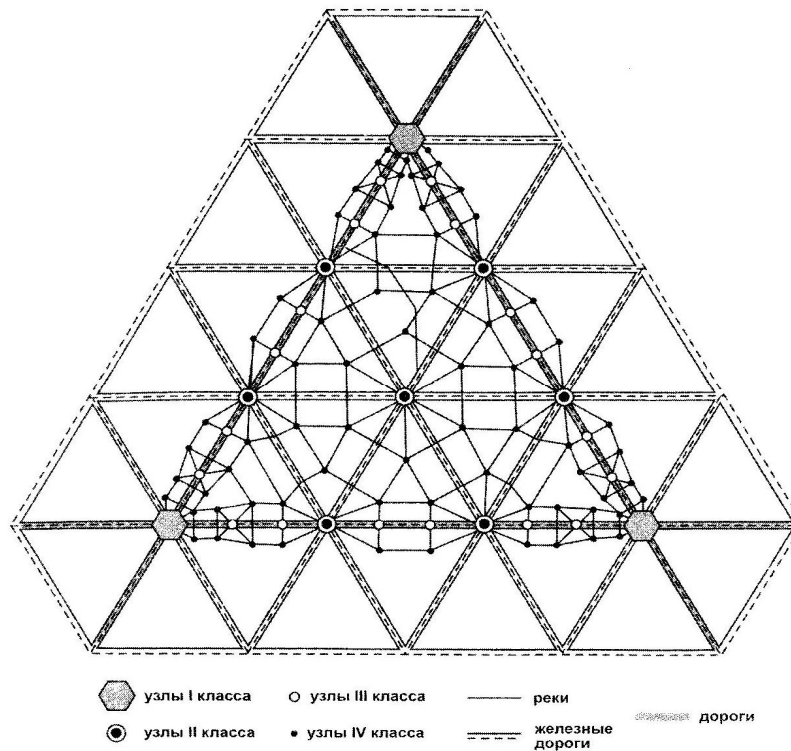

Рис.2. Анизотропная модель комплекса коммуникационных сетей [Доманьски, 2010, с.41].

ториальная связность элементов производительных сил и факторов производства в значительной мере предопределяет характер их концентрации или деконцентрации, а также конфигурацию экономического пространства. Более того, свойства и качества территории существенно влияют на меру концентрации и оценку её экономического эффекта, на выбор норм и правил экономического поведения хозяйствующих субъектов, вынужденных считаться с ресурсно-экологическими и социально-инфраструктурными ограничениями отдельных мест.

С развитием транспорта и средств связи и по мере возрастания значения социальных услуг и необходимости их скоростной доставки, в том числе в глубинные районы, теории линейно-узловых структур становятся всё более конструктивными, они увязываются с параметрами агломерирования, охраной окружающей сре-

ды и идей формирования экологического каркаса, а в итоге – с общими основами размещения производительных сил.

Центр – периферия

Эта теория освещает этапы территориального развития, проблемы генерации и «волнового» распространения нововведений, неравномерности развития (прогресс на одних территориях и отсталость на других), внутреннего колониализма (что свойственно России как большой стране). В её рамках рассматриваются вопросы преодоления негативного синдрома периферийности и поиска путей приобщения экономически удалённых территорий к научно-техническому прогрессу. Теоретическая конструкция «центр – периферия» включает также систему мирохозяйственных связей между развитыми, развивающимися и слаборазвитыми странами.

О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш [1991] полагают: без развитого центра нет развитой периферии. Такая позиция правомерна, поскольку она отражает объективный географический процесс локализации источников прогресса в городах и их районообразующую роль. Такой же позиции придерживался В.А. Пуляркин [2005, с.36-53], исследователь сельских цивилизаций; однако он отмечал высокую историческую роль сельской местности в развитии мировой культуры.⁷ Связь по линии «центр – периферия», по мнению А.Н. Пилясова [2009], тогда плодотворна, когда центры способны предоставлять услуги периферийным сообществам, что не всегда бывает; более того, многие городские поселения, не выполняющие эту миссию, сами являются периферией; в ряде мест, особенно северных, периферийность обуславливает специфическую модель экономики с приоритетами некоммерческой деятельности. Т.Е. Дмитриева [2007] периферию рассматривает с позиций несамостоятельности управления и неспособности к восприятию нововведений (инноваций).

Пониманию специфики жизни периферии способствует её типология. Р. Доманьски [2010, с. 270-274] со ссылкой на Д. Фридмана пишет о четырёх типах периферии в зависимости от их исто-

⁷ В.А. Пуляркин писал: «Грубое членение территории любой страны на центр и периферию для географа всегда будет недостаточным, а дальнейшие шаги в этом направлении пока ещё не могут базироваться на надёжных критериях» [2005, с.46]. Он привёл пример Шри-Ланки, территория которого, хотя и небольшая, но весьма сложно устроена: ядро – внутренняя периферия – внешняя периферия – окраинная периферия – субъядро.

рии и потенциала развития: 1) переходные периферии *входящие*, т.е. заселённые территории, имеющие возможность роста и привлекающие мигрантов, а также капитал; 2) переходные периферии *отходящие*, с приходящим в упадок хозяйством и усиленной эмиграцией; 3) сырьевые зоны, т.е. *вновь заселённые* территории с возможностью роста, опирающегося на экспорт сырья; 4) зоны сельскохозяйственной *колонизации*. Самостоятельность управления, способность к инновациям в каждом типе периферии проявляются по-особому.

Периферия относительно центра на определённых этапах развития общества и при определённых условиях может играть и роль ведущего (или, во всяком случае, равного с центром) звена, если на её посмотреть в аспекте село-городской системы расселения. В.В. Пацюрковский [2010, с.8] акцентирует внимание на том, что «...город и село должны быть признаны в качестве извечных форм человеческих поселений, которые в своей совокупности составляют село-городской континуум (непрерывная совокупность – В.Л.). При этом именно село, а ещё точнее жизнь многопоколенной семьи на земле в индивидуальном жилище усадебного типа максимально соответствует первичным потребностям людей, высокому качеству их жизни и демографическому развитию». Такая трактовка позиции села служит основанием для вывода: ***без развитой периферии центр рано или поздно также попадёт в ущербное положение.***

Пока же периферия имеет особую социальную стратификацию (бедные без богатых, женихи без невест, дети без пап и мам при бабушках, больные без здоровых...), дисперсное или линейное расселение населения, транспортную удаленность, чрезмерно усеченную социальную инфраструктуру и прочий негатив. Отрицательные моменты периферии крайне чувствительны в глубинной местности – российской глубинке. Крайность здесь проявляется в том, что глубинка «выпадает» из зоны влияния центра. Городские поселения на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке находятся далеко друг от друга, а потому на огромных территориях нашей страны связь по линии «центр – периферия» исчезает; в виде исторического реликта остаётся социально-экономический анклав со своими источниками и условиями развития, мобилизация которых крайне затруднена.

Порой кажется, что реальная жизнь полностью переместилась в города и их ближайшее окружение. И все же, зацепки для преодоления плотно спрессованных и трудно решаемых проблем

периферийной жизни имеются. Они заложены в потенциальных возможностях местного самоуправления, включающих деловую активность, общественные, организационные и личные связи. Муниципалитеты и местные сообщества могут стать реальной силой, если они образуют своего рода корпорацию – субъект, хозяйствующий на основе коллективной (общественной) собственности. Ее создание – дело непростое. Поэтому автор и его коллеги, изучая регионы Севера России, делают попытку охватить по возможности большую часть аспектов сельского, промыслового, лесного хозяйства, составляющего экономическую базу местных сообществ. Основным при этом становится вопрос институализации – правового оформления методов и норм капитализации земли и природных богатств и перевода природного капитала в финансовый ресурс местного самоуправления. В этой связи еще раз заметим, что исторический опыт землепользования в северной зоне свидетельствует не только о трудностях почвенного и биоклиматического характера, но в большей мере – социально-политических, нередко насаждаемых искусственно.

Понимание периферийности как косности, невосприимчивости к инновациям, ущербности в силу транспортно-экономической оторванности справедливо лишь частично. Главное заключается в том, что периферия является не изолированным, но особым человеческим миром со своим укладом жизни. На ней сформировались историко-географические ядра – относительно крупные территориальные общности людей, прародина многих этносов, включая старожильческое русское население. Из первого понимания вытекают суждения о необходимости поддержать, подтянуть и выровнять, а если не получается, то сселить или переселить. Из второго – уяснить и систематизировать внутренние источники развития местных сообществ.

Зачастую истина скрыта в деталях. Каждая из них «проливает свет» на причинно-следственные связи локального характера, все вместе – на генеральные направления решения узловых проблем. Так, чрезмерно высокая доля в продовольственном балансе страны импорта разрушает естественноисторические связи между городом и деревней (центром и периферией). Изоляция последней приводит к натурализации сельского хозяйства, возвращению к примитивным способам выживания. Городские товары становятся все менее доступными сельским предпринимателям из-за ценовых перекосов. Однако устранение подобного рода внешних диспропорций вовсе

не гарантирует успех в деле организации экономически эффективных хозяйств на периферии. Надо учесть и степень её внутренней готовности к активной деятельности. А здесь уже появляются особые детали: привычка к сложившемуся соотношению собственных и субсидированных доходов; низкий уровень образования, физического и морального здоровья; отсутствие (как правило) лидера, разлад в характерных для села (поселка) отношениях товарищества и т.п. Решение одной задачи связано с десятком других. Местная специфика теперь уже проявляется не столько в природных различиях и особенностях земли и биоресурсов, сколько в многообразии первопричин социально-экономического характера; у каждого места (может быть – типа места) есть свое звено, потянув за которое можно сделать попытку вытащить всю цепь.

Разнообразие «начал» особенно ярко проявилось в ходе изучения традиционных хозяйств коренных малочисленных народов Севера, а также старожильческого русского населения. В адаптации к сложившейся социально-экономической ситуации кольских саамов немаловажную роль играет их этнокультурное единство с саамами северной Скандинавии; ненцев – кооперация по поводу переработки продуктов оленеводства и рыболовства, снятие торгового эмбарго на экспорт пантового сырья северного оленя, обустройство факторий, а также – охота на волков; таймырских долган, ненцев, нганасанов, эвенков и энцев – сохранение этносоциальных особенностей в системе оленеводства, рыболовства и охоты; народностей Дальнего Востока (чукчей, эскимосов, коряков и др.) – включение их в индустриальный морской промысел, плодово-ягодное хозяйство и в сферу туризма.

Но данная специфика играет существенную роль только в системе устойчивых политико-экономических и правовых отношений местных сообществ с государством и крупными производственными структурами. Не случайно теория «центр – периферия» в последние годы актуализируется через изучение проблем неоиндустриализации и перехода к постиндустриальному этапу развития.

Районообразование и районирование

Научное объяснение образования районов заключается в следующем:

- производительные силы обладают свойствами локализации, регионализации и глобализации, что проявляется как объективный закон общественного развития;

- естественноисторические процессы взаимодействия природы и общества приводят к образованию территориальных систем различных видов: производственных, транспортных, экистических (расселение населения), сферы услуг, природно-экологических и др.;
- данные системы составляют ячейки территориальной структуры народного хозяйства, которые обладают как общими, так и специфическими свойствами;
- по мере развития производительных сил и производственных отношений усиливается согласованное развитие указанных систем, каждая из которых специфична, но взаимосвязана и соразмерна с другими;
- такая соразмерность и взаимосвязь в наибольшей мере проявляется в рамках крупного (основного) экономического района;
- крупный (основной) экономический район – большая система, фундаментальная региональная структура, имеющая определенную меру хозяйственной самодостаточности и обладающая потенциалом самоорганизации, самоуправления, целенаправленности и целесообразности поведения;
- в системе государственного стратегического планирования главную роль играют крупные экономические районы, в территориальном устройстве – экономические подрайоны (районы областного типа), в формировании социальных сообществ – экономические микрорайоны.

Весьма важно учитывать не только объективные, но и субъективные факторы районообразования, т.е. саму хозяйственную деятельность. Район не только выявляется, но и конструируется (достраивается). Районообразование можно рассматривать как объективный процесс территориального развития, а конструирование территориально-хозяйственных систем – как экономико-географическую деятельность. Примеры деятельностного подхода к территориальной организации общества наиболее полно отражены в монографии *Б.С. Хорева* [1981]: целевая ориентация, программный подход, организация управления комплексным развитием, региональная политика и др.

Верхний (макро) уровень районообразования теоретически совпадает с «моделью» производственно-территориального сочетания [*Колосовский*, 2006, с.88-121], «региональным стандартом» [*Зи-*

мин, 1993] или «идеальным образом района» [Дмитриева, Лаженцев, 2010]. В границах такого стандартного района производительные силы приобретают общественный характер. Происходит наиболее полное согласование природно-ресурсной, производственной, расселенческой, инфраструктурной и административной (управленческой) подсистем.

В этой связи Н.Н. Колосовский обращал внимание на масштаб хозяйства и территории. «Рассматривать данную территорию как особый экономический район целесообразно только в том случае, если продукция района по ее объему или значению является существенной в общем балансе страны. Поэтому не всякая территория, обладающая своим особым экономико-географическим обликом, может рассматриваться как экономический район» [Колосовский, 2006, с.70]. Н.Н. Колосовский, как и многие другие экономисты и географы социалистической ориентации, полагал, что ведущие задания государственного плана являются основным фактором формирования районов. Плановый подход не исключается и при рыночной экономике с учетом фирменных стратегий и пониманием высокой роли региональных правительств в обеспечении устойчивого социально-экологического развития.

Районообразование является процессом общественным, человеческим. В нём в равной мере проявляются как объективные, так и субъективные начала. Неслучайно многие географы и экономисты районообразование связывают, прежде всего, с формированием территориальных общностей людей, а район представляют как развивающееся население⁸.

Генерация научных знаний о процессах районообразования и их использование в практике территориального планирования выражается в экономическом районировании – поиске сетки районов страны, оптимальной для размещения производительных сил и формирования территориально-производственных комплексов. Экономическое районирование является процедурой структуризации процесса районообразования [Бакланов, 2007, с.219].

⁸ Имеются в виду работы А.А. Анохина, А.А. Долинина, Т.И. Заславской, Л.Я. Зиминой, Б.М. Ишмурадова, М.Н. Межевича, О.С. Пчелинцева, Ю.Г. Саушкина. В них обоснован приоритет социологического подхода к проблематике территориального развития, что служит основанием рассматривать саму концепцию территориального планирования прежде всего в рамках взаимосвязей по линии «человек – район» [Лаженцев, 1990].

Районирование многие науки используют в качестве метода систематизации (таксонирования). Районы выделяются по наличию какого-либо признака и степени его проявления. Этот метод позволяет выявить пространственные закономерности развития геологических, биологических, социальных и других структур.

Районирование понимается и как интродукция растений, например, районирование различных сортов пшеницы. В экономике такой подход к районированию не применяется. Вместе с тем, он возможен и для ряда видов экономической деятельности полезен, когда ставится задача продвижения их в новые места.

Геосистемный подход

Комплексный подход к изучению природы В.Б. Сочава [1978] обобщил в виде учения о геосистемах, которое концептуально соотносится с территориальным развитием, а именно: ТХС включают и природные, и социально-экономические объекты и процессы. Природные геосистемы В.Б. Сочава [с.14] кратко определил как «земные пространства всех размерностей, где отдельные компоненты природы находятся в системной связи друг с другом, и как определённая цельность взаимодействуют с космической сферой и с человеческим обществом» (Курсив наш – В.Л.).

Конечно, и ранее в изучении природы применялся системный подход. Так, Д.Л. Арманд [1982] отмечал, что уже в начале 1970-х гг. понятие «геосистема» стало общеупотребляемым, зачастую без особого смыслового значения. Смысловую нагрузку геосистема приобретает (по замыслу В.Б. Сочавы), когда она имеет внутренние метаболические характеристики и конструктивно обозначенную внешнюю связь с общественными системами, например, с территориально-производственными комплексами. При этом В.Б. Сочава полагал, что природа и общество изучаются относительно автономно, в том числе и по причине нецелесообразности усложнения интеграции природы, населения и хозяйства, перегруженности показателями такого рода полисистем.

Напомню, что в те годы лишь пробивала себе дорогу «... область нерасчленённой географии, существующей наряду с физической, экономической географией и географией населения» [Арманд, 1975, с.4]. Наиболее существенный вклад в научное объяснение «нерасчленённой», единой географии внесли В.А. Анучин, Н.Н. Баранский, Л.Н. Гумилёв, Ю.Г. Саушкин, В.М. Четыркин. Однако, несмотря на высокий авторитет этих ученых, вопрос о нерасчленё-

ности (единстве) географии до сих пор остаётся открытым, но становится всё более актуальным в связи с тематикой устойчивого развития.

Первоначально отметим, что однопорядковая таксономия разнокачественных систем служит предпосылкой их согласованного существования. *Физическая география и социально-экономическая география имеют собственные таксономические объекты, однако их сопряженное ранжирование позволяет усилить целенаправленность территориального планирования на взаимосвязь природы, населения и хозяйства.* Вместе с тем, нельзя не признать правомерным постулат системного анализа, что между частями целого не существует жесткой детерминации.

Ссылаясь на Н. Винера, В.Б. Сочава, развил мысль о том, что «связи внутри организации не должны быть абсолютно устойчивыми, т.е. строгая определенность одних частей не должна служить препятствием изменению других, с которыми они образуют единую конструкцию» [с.29]. Степень свободы природных и общественных геосистем предопределяется их внутренними закономерностями развития; взаимоувязка же строится на учете глубины проникновения природного в социальное.

В.Б. Сочава различал геосистемы планетарной, региональной и топологической размерности. Основная единица первой – физико-географическая область (~2 млн. км²), второй – физико-географическая провинция (~60 тыс. км²), третьей – макрогеохора, округ (~7 тыс. км²); их вертикальная мощность – от нескольких десятков метров на топоуровне до 8-17 км на уровне планетарных геосистем. Размерность определяет очень многие свойства геосистем, например, «метаболизм фации (топогеосистема – В.Л.) глубоко отличен от регионального круговорота материи и энергии, а тем более от обмена в планетарном масштабе...» [с.31]. Аналогично – размерность общественных геосистем тесно связана с их ролью в организации социально-экономического пространства. Гипотетически можно представить макроуровень в виде крупного экономического района (~280-300 тыс.км²), мезоуровень – экономического подрайона (~30-35 тыс.км²) и микроуровень – локальной хозяйственной системы (~ от 80 до 8 тыс. км²).

Взаимоувязка природных и общественных систем примерно одинаковой размерности методологически вполне правомерна. Наш опыт сравнения количественных измерений физико-географических

провинций с характеристиками хозяйства показал возможность и полезность расчетов природных и природно-ресурсных потенциалов, их ввода в оценку условий экономической деятельности. Установлено, что определенному иерархическому уровню интегрального районирования соответствует масштаб операционных единиц природопользования и ранг распорядительных центров [Лаженцев, 2003, с.48-54].

В территориальном развитии главным условием реализации теории геосистем является соблюдение сбалансированности внутри **природно-ресурсных циклов**, основой которых является обмен веществ между обществом и природой (по *Комару* [1975]). В их моделировании геосистемность учитывается путём последовательного определения значений естественных сил природы в общественных производительных силах. Это центральный вопрос оценки природно-ресурсных потенциалов. Его рассмотрение начинается с определения «чисто» **природного потенциала**, представляющего взаимообусловленное состояние и взаимодействие тел, элементов и сил природы (как бы первый этаж геосистемы). Например, геологический (минералообразующий) потенциал измеряется показателями плотности пород, сейсмической скорости, магнитной восприимчивости, энергетического сопротивления, температурного режима и другими показателями. Их можно обозначить как показатели-причины. Через них выявляются показатели-следствия – плотность локальных структур, их насыщенность, запасы по категориям и др. Аналогичным образом анализируются биоклиматический, физиолого-климатический и другие природные потенциалы.

Переход к оценке непосредственно **природно-ресурсного потенциала** предполагает выделение и измерение естественных ресурсов, освоение которых технически возможно и экономически целесообразно. Здесь вступают в силу процедуры оценивания и показатели экономической эффективности.

Геосистемный подход нацеливает на уяснение взаимосвязей между природными и природно-ресурсными потенциалами. Однако заметим, что перевод показателей из одной системы в другую является сложной операцией. Пока преобладают оценки единичного ресурса, в то время как необходимо переходить к оценке их территориальных сочетаний. Более того, возникает потребность в совместной оценке не только природных ресурсов, но и природных условий. В организации хозяйства ресурсы и условия выступают как

единое целое. Они совокупно реализуются в хозяйственном механизме через рентные отношения.

Учет интегральных свойств природы и природно-ресурсных потенциалов осуществляется с помощью природно-хозяйственного районирования (второй этаж геосистем). Такие районы выделяются по собственным основаниям – тип хозяйственной деятельности, расселение населения, транспортная сеть и т.п., но с обязательной координацией их границ с границами природно-ресурсных и хозяйственных комплексов.

Момент перехода от природного к социальному всегда опосредован управлением. Его иерархическому уровню должен соответствовать и масштаб операционных единиц природопользования. С переходом от одного масштаба к другому меняются формы и методы организации природно-ресурсной деятельности. Введение в формирование и освоение ресурсов организационного начала надстраивает геосистемы третьим этажом – управленческим, что придает им законченный вид. Появляется возможность моделировать *природно-хозяйственные системы* с параметрами, заданными как самой природой, так и общественными потребностями, и на этой основе принимать управленческие решения. Примером такого моделирования является работа [Оптимальное..., 1980], в которой оптимальное управление в системе природопользования подкрепляется математическими методами программирования. Примерно в таком же методологическом ключе изучены территориальные природно-хозяйственные комплексы Восточного Забайкалья [Котельников, 2002].

Территория и природные ресурсы, в конечном счёте, должны рассматриваться в качестве экономических активов и совокупно отражаться в специальных формах учёта национального богатства и основных фондов конкретного предприятия. Включённые в определённые природные условия, они получают рентную оценку, положительную или отрицательную. В этом заключается усиление экономического аспекта исследований проблем управления воспроизводством природно-ресурсных потенциалов конкретных территорий. Сочетание географических и экономических подходов к тематике территориального развития позволяет более убедительно показать противоречия и кризисы существующего общественного строя, в малой степени учитывающего природную составляющую мировой, национальной и региональной экономик [Никольский, 2004].

В нашей работе территориальное развитие рассматривается на примерах северных хозяйственных систем. Поэтому считаем уместным подчеркнуть специфику таёжных и тундровых геосистем. «Тайга – особая категория геосистем, отличающаяся относительно высоким (в расчёте на единицу площади) запасом фитомассы, но слабым её воспроизводством, связанным с относительно суровыми климатическими условиями. Для тайги как объекта освоения характерна повышенная насыщенность биологическими (прежде всего лесными) и водными ресурсами, образующими в совокупности с минеральными богатствами специфические территориальные сочетания природных ресурсов» [Космачёв, 1974, с.3]. Тундру можно определить также как особую категорию геосистем, но в основном безлесных, со средним и низким запасом фитомассы и весьма низким её воспроизводством. Для тундры характерны крайне суровые климатические условия, заболоченность территории, наличие специфически ценных для животного мира, для промыслов и оленеводства биоценозов и высокая насыщенность минерально-сырьевыми ресурсами. Показатели устойчивости таёжных и тундровых геосистем существенно различаются. «Если принять интенсивность биологического поглощения химических элементов в тундре за 1, то в таёжной зоне она по магнию, фосфору и азоту увеличивается в 2-3,2 раза; кальцию и сере – более чем в 4 раза. Аналогичные параметры имеет и коэффициент биохимической активности» [Тихонова, 2004, с.81].

Сохранение геосистем тайги и тундры с учетом их экологической ценности и потенциалов воспроизводства – необходимое условие существования Земли как планеты людей.

Пространственное развитие

Его теория с помощью междисциплинарного синтеза представляет многогранность форм материального и духовного мира и соответствующие этому многообразию измерения расстояний, плотности, разобщённости, сопряжённости, проницаемости и других параметров жизнедеятельности⁹. Исследователи экономики всё

⁹ С точки зрения математической географии «...пространство может рассматриваться как некоторая абсолютная реальность, развивающаяся по законам, объясняющим наблюдаемые явления через «материализацию» геометрических соотношений. Такая материализация, с учётом сквозного характера системных законов, охватывающих и пространственные явления, возможна при любой системной теории, поэтому нельзя говорить о чисто *пространственных явлениях*. Рассуждая о

чаще стали обращаться к таким понятиям, как «единое экономическое пространство», «приватизированное пространство», «пространственное поведение», измерять экономико-географическое положение изокостами, изохронами и т.п. методами картографии.

Географы, экономисты и представители других наук откликнулись на инициативу *А.Г. Гранберга* [2009] по развёртыванию исследований в рамках данной тематики (См., например, статьи в журнале «Экономист» *С.Ю. Глазьева, П.А. Минакира, Г.Г. Фетисова* [2011]). Вместе с тем, понятно, что лишь привычные трактовки «пространства» нового результата, адекватного смыслу междисциплинарности, могут и не дать. Даже география, если она в качестве своего предмета рассматривает пространство, попадает в ложное положение беспредметности. Но и другие науки роль пространства нередко утрируют, как будто оно и есть всё сущее. В этой связи уместна цитата из *С.Н. Булгакова* [1990, с.14]: жизнь «...вневременна и внепространственна, ибо хотя и выражается в пространственных и временных явлениях, но никогда не исчерпывается в них, а их собою обосновывает. Не жизнь существует в пространстве и времени, но пространственность и временность суть формы проявления жизни».

Опасения насчёт абсолютизации пространства несколько снижаются, когда обычное его восприятие дополняется новыми взглядами, что, например, продемонстрировано *А.Н. Пилясовым* [2011] в анализе работ лауреата Нобелевской премии (2008) Пола Кругмана. В качестве центрального поставлен вопрос: от чего возникает эффект возрастающей отдачи в условиях несовершенной конкуренции, высокой мобильности не только факторов производства, но и организационных структур управления, усиления попутного эффекта от одного вида деятельности для ряда других видов (эффект экстернализации), противоречивости агломерационных процессов, взаимообусловленности размещения объектов и субъектов хозяйственной деятельности (эффект каузальной причинности),

пространственных системах, правильнее выделять те качества реальных объектов, которые в первую очередь характеризуются основными свойствами пространства: размерностью, протяжённостью, упорядоченностью, матрируемостью, связностью, непрерывностью, кривизной и формой. Все они передаются в теории методами векторного и тензорного исчислений. Векторные поля электромагнитных взаимодействий и тензорные поля гравитационных сил дополняют картину мира новой системной интерпретацией в виде теории пространственных систем [Черкашин, 1997, с.296].

неравномерности развития стран и регионов и смены среди них лидера? Ответ – от новых форм проявления пространственно-временных отношений в материальном и духовном мире: высокая мобильность людей, большие скорости передвижения, моментальная передача информации, расширение круга сопряжения различных видов деятельности и т.д.

Новизна социально-экономических процессов и явлений так впечатляет, что некоторые географы-экономисты стали трактовать свою науку, как новую [Куричев, 2011]. На самом деле изменилась не наука, а ситуация в обществе: решающую роль теперь играет концентрация не производства, а знаний и инноваций, специализация на основе исторических приобретений, комбинирование возможностей, кооперирование в рамках кластеров, интеграция как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности; огромную роль стали играть людские, денежные и информационные потоки. Но всё это, как подчеркнул *П.Я. Бакланов* [2012], изучает та же социально-экономическая (общественная) география с учётом достижений её «классических» школ.

Выше перечисленные теории (функция места, линейно-узловые структуры и др.), связанные с тематикой территориального развития, были разработаны до всеохватывающего интереса к пространству. Тем не менее, все они включали «пространство» как своё ключевое понятие. Поэтому следовало бы уяснить, в чём заключается приращение знания, когда в пространственной парадигме интегрируется всё ранее приобретённое географией и региональной экономикой? По-видимому, суть этого вопроса заключается не в повторении пройденного (хотя повторение под определённым углом зрения бывает порой полезным), а в привнесении в общество нового восприятия окружающего нас мира.

Если автор правильно понял пространственную парадигму в изложении зарубежных географов, экономистов и социологов, а также представленную в обобщениях, выполненными коллегами (наиболее полными и глубокими являются работы *Т.Е. Дмитриевой* [2011] и *Ю.Г. Лавриковой* [2008]), то можно предположить, что суть современного толкования пространства почти полностью связана с его социологизацией – формированием нового пространственного сознания и вовлечением нашей деятельности в социопропространственную диалектику.

Б.Верлен [2001], профессор Института географии Иенского университета (Германия), пишет о таком пространстве, которое соотносится с общественным сознанием, социальной стратификацией и кластеризацией, поведением в пространстве (бихевиористика), духовным развитием и т.п. В общем виде пространство рассматривается как пространство социального действия, условий действия и система координат, заданных спецификой деятельности и ориентирующих поведение субъекта. **Какая деятельность, такое и пространство.** Вместе с тем, традиционный подход к пространственному развитию России, основанный на фиксации различий в уровнях социально-экономического состояния её регионов и их не однородности по инновационному потенциалу, правомерно сохраняет своё значение в качестве информационной базы для региональной политики [Зубаревич, 2010].

Пространственное развитие и территориальное развитие соотносятся как общее и часть, но именно та часть, которая обеспечивает «привязку» пространства к механизмам устойчивого развития геосистем.

Ни одна из перечисленных теорий не обнаруживает себя как отдельно взятая; их «привязка к месту» всегда представляет комбинацию многих теоретических представлений и тех реалий, которые в данное время мы находим в природе и обществе.

Глава 3. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ (ТХС)

Пять уровней ТХС, которые выше показаны в виде идеальных (раздел 2.2.), объединим в две группы: локальные и региональные. Это соответствует логике геосистемного подхода к изучению территориальной организации общества, а также структуре и функциям местного самоуправления и государственного управления. Ключевыми единицами учёта и планирования в локальных системах являются домохозяйства, общины и муниципалитеты; в региональных – районы областного ранга (регионы – субъекты Федерации) и крупные экономические районы. Выделим в отдельную группу территориально-производственные системы, которые зачастую до статуса хозяйственных «не дотягивают» из-за отсутствия органа управления и ограниченного круга решаемых задач.

В нашем анализе ТХС учтена северная специфика их структуры, формирования и развития. Через отражение этой специфики мы хотели бы выразить общую мысль о том, что реальное никогда не совпадает с идеальным, но последнее, тем не менее, необходимо как мера успеха в достижении поставленных целей. Второе замечание: теория территориального развития, как специфического вида хозяйствования, выступает в роли «рамочного условия» и не более того; все его детали, даже самые существенные, определяются региональными и местными условиями жизнедеятельности. Следуя *С.Н. Булгакову* [1990,с.227], можно сказать: теория помогает ориентироваться в вопросах практического характера, но не даёт указаний в конкретной форме.

3.1. Локальные ТХС

Домохозяйство

В статистике домохозяйство и домашнее хозяйство рассматриваются как синонимы. Хотя в научной литературе встречается суждение об их различии – первое имеет более широкий политико-экономический и правовой смысл, чем второе. В контексте нашей работы эти различия не являются существенными. Будем придержи-

живаться следующего определения: *«Домашнее хозяйство представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства. Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно»* [Доходы..., 2012, с.10].

Научный интерес к домохозяйствам в России появился достаточно давно, начиная с М.В. Ломоносова и особенно заметно – в конце XIX в.; в западноевропейских странах – ещё раньше, в начале XVIII в. Именно наука побудила государственную статистику многих стран к организации наблюдений за домашними хозяйствами.

Признанными в этом разделе экономики являются научные и организационные заслуги А.В. Чаянова [1989; 1991]. На основе его исследований ЦСУ России в 1919 г. разработало методику сбора данных по домашним хозяйствам крестьян с охватом всего хозяйственного оборота: семья и сезонные рабочие, предприятия, рабочие дни, землепользование, посев и сбор хлебов, сенокос, усадьба, работы на усадьбе, лесное хозяйство, скотоводство и птицеводство, учёт домашних работ, имущество, оборот материалов, продовольственные нормы семьи, торговля, денежный баланс и многое другое. А.В. Чаянов создал теорию и статистику крестьянского хозяйства, определил будущее его развития в рамках сельской кооперации, фермерства и крупных аграрных предприятий. Однако этой научной базой государство не воспользовалось. Более того, Александр Васильевич Чаянов был репрессирован и в 1937 г. расстрелян; сотни тысяч крестьян были «раскулачены».¹⁰

¹⁰ Уникальный исторический материал по «раскулачиванию» представлен в приложении к газете «Республика» (Коми) «Дым Отечества» за 26 января 2013 г. Это акт описи имущества Маркова Андрея Евсеевича, составленный 22 февраля 1930 г. (деревня Чернутаево Удорского района Коми области). В описи 191 наименование имущества на общую сумму 2880 руб. 20 копеек. По нашему пересчёту на современные цены – как минимум, 1600 тыс. руб., в том числе: недвижимость – 560, домашние животные – 420, орудия труда – 125, домашняя утварь – 56, одежда, обувь и заготовки для их изготовления – 225, запасы продовольствия, сена и соломы – 86, денег (серебряные и золотые монеты) – 110, другое – 18 тыс. рублей. Земля в описи не указана. М.А. Евсеев считался рядовым крестьянином. Автор комментария данной описи Анна Сивкова пишет: «Ко многим умозаключениям, выводам подводит этот документ. Пожалуй, один из самых важных из них: крестьянский труд в личных хозяйствах до революции даже на севере обеспечивал доста-

С развитием общества меняется набор показателей наблюдений за домохозяйствами, правда, иногда теряются некоторые важные характеристики самого общества. Так, с самого начала наблюдений большое внимание обращалось на связь домашних хозяйств с окружающей территорией и системой землепользования, на их экономический оборот в рамках местных рынков. Теперь этого нет, а потому домохозяйства не имеют «официальных» характеристик своего размещения. Конечно, и в настоящее время выборочные обследования бюджетов домашних хозяйств, представленные в статистических сборниках [*Доходы...*, 2012; *Бюджеты...*, 2011 и др.], отражают весьма значимый спектр общественных процессов и аспектов личной жизни: размер и состав самих домохозяйств, размер и структура располагаемых ими ресурсов и расходов на конечное потребление, жилищные условия и наличие предметов длительного пользования, доступность социальных услуг, финансовое положение и др. Показатели дифференцированы по социальным группам населения, месту жительства (городские и сельские поселения), по субъектам Российской Федерации. Однако на основе этого многообразия сведений уяснить территориальные аспекты функционирования домашних хозяйств весьма трудно. Например, в отношении «этнического» домостроя, хозяйств усадебного типа, загородных домов и участков.

И всё же, обратим внимание на то, что современная статистика позволяет представить *состояние домохозяйств, как существенный признак территориальных различий в социально-экономическом облике России.*

Ситуация 2010-2011 гг. по данному признаку характеризуется следующим образом. В России числится 54 561 тыс. частных домохозяйств, в том числе 41 240 тыс. (75,6%) в городских населённых пунктах, 13 321 тыс. (24,4%) – в сельских. Домохозяйства состоят из одного человека – 25,7%, двух – 28,5%, трёх – 22,5%, четырёх – 14,5%, пяти и более человек – 8,8%; средний размер частного домохозяйства – 2,6 чел., городского – 2,5, сельского – 2,8 чел. Сельская местность в значительной мере утратила прежние ориентиры на большие семьи, но всё ещё в этом плане положительно отличается от города: 13,2 против 7,3% домохозяйств, состоящих из пяти и бо-

ток. Эта неизбежность сельского бытия и была подорвана разграблением хозяйств таких домохозяев и работяг, как Андрей Евсеевич Марков из удорского села Чернутаево».

лее человек. Самые людные домохозяйства характерны для республик Северо-Кавказского федерального округа, а также сельских территорий других республик и автономных округов.

Экономисты и социологи, целенаправленно изучающие домашние хозяйства [Занятость..., 1999; Кулькова..., 2011; Муханова..., 2013; Пацюрковский, 2010 и др.], отмечают, что этот вид хозяйств является основным звеном общественного воспроизводственного процесса. Действительно, объём располагаемых ими ресурсов составляет 77% от ВВП; немаловажно и то, что экономика домохозяйств в определённой мере является инструментом социальной и региональной политики.

Иллюстрацией политико-экономического аспекта служит соотношение фактического конечного потребления домохозяйств и ВРП (на душу населения) на территории субъектов Российской Федерации, например, в Республике Коми – 0,58, Вологодской области – 0,62, Чеченской Республике – 1,0, Республике Дагестан – 1,47 (в среднем по России – 0,74). Такое соотношение свидетельствует о перетоке денежных средств с северных и ряда других регионов в федеральный бюджет, а через него в регионы Северного Кавказа.

Часть денежных доходов населения не проходит через домашние хозяйства, что вполне естественно, если принять во внимание налогообложение, централизованные социальные услуги, денежные переводы и другие каналы движения финансовых ресурсов. В Российской Федерации среднедушевой денежный доход в 2010 г. превышал объём располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства в 1,3 раза. Этот показатель в северных регионах с относительно высокими доходами, но и весьма большими удельными расходами, составляет от 1,1 (Карелия) до 1,8 (Чукотка) раза. Но в России есть регионы, где ресурсы домашних хозяйств превышают среднедушевые денежные доходы: Владимирская, Тверская и Кировская области, Удмуртская и Чувашская республики. Здесь существенную роль в формировании ресурсов играют натуральные поступления от личных подсобных хозяйств, вместе с тем большое значение имеют и государственные субсидии.

Отметим и другие важные характеристики домохозяйств:

- городские домохозяйства в 1,5 раза богаче сельских. При этом социальное расслоение в городе выражено в большей мере, чем на селе (по располагаемым ресурсам в расчёте на одного человека крайние децильные группы домохозяйств различаются в го-

родских поселениях в 11-12 раз, сельских – 9-10 раз; десятая группа сельских домохозяйств беднее аналогичной городской в 1,7 раза, первая – в 1,5 раза¹¹;

- в общей сумме расходов на конечное потребление питание составляет в городских поселениях 33, в сельских – 44%; у бедных городских – 47, у бедных сельских – 59%;

- на одного члена домохозяйства сумма привлечённых средств и израсходованных сбережений в структуре располагаемых ресурсов в городе больше, чем на селе в 1,25 раза (соответственно, 10 и 8%); в городе богатые домохозяйства используют кредиты и собственные сбережения на сумму в 400 раз больше, чем бедные; на селе – 135 раз;

- расходы на конечное потребление в домохозяйствах, главы которых заняты финансовой деятельностью, в 2,2 раза выше, чем в домохозяйствах, главы которых заняты сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством.

Дифференциация сельских домохозяйств в теоретическом плане проходит по их типам – потребительскому и товарному. В этой связи приведём некоторые результаты обследований домашних хозяйств в Республике Коми, выполненных *А.А. Максимовым* [2011], в том числе с точки зрения альтернативных форм занятости и доходов. Данные опроса в девяти деревнях показали, что 22% из общего числа домохозяйств получают от занятости в личном подворье, охоты и рыболовства, сбора грибов и ягод и прочих не основных видов занятости дополнительный денежный доход более 20% от суммы всех среднемесячных доходов (самообеспечение продуктами – около 1000, от продажи своей продукции – 300, ягод и грибов – ещё 300; итого – 1600 руб.). Сбор грибов и ягод как весьма доходный товарный промысел отмечен и у соседа республики – Коми-Пермяцкого автономного округа [*Нефедова*, 2003, с. 279].

¹¹ Более детальные исследования проблемы бедности домохозяйств в России с учётом её структурной и региональной специфики показывают: за период с 1994 г. по 2009 г. уровень абсолютной бедности сократился с 50 до 22%, уровень же относительной бедности остался прежним, что говорит о роли субъективного фактора в подобного рода оценках. Доли городских и сельских бедных (по итогам данного исследования) в последние годы сравнялись [*Соболева* и др., 2013].

Альтернативные доходы помогают выживать, но не решают проблему бедности на селе. Вместе с тем, в личных подсобных хозяйствах производится около 40% продукции сельского хозяйства республики. При условии надлежащей технической оснащённости, экономического стимулирования по правилам, установленным для фермерских хозяйств, свободного выхода на рынок (в рамках потребкооперации, но без посредников-перекупщиков) они могли бы существенно способствовать продовольственной безопасности, в первую очередь в части обеспечения населения экологически чистыми продуктами. Однако научной организацией личных подсобных хозяйств, включая и дачные, на государственном уровне управления никто не занимается.

Перечисленные сведения ещё раз иллюстрируют уже известные моменты социальной несправедливости относительно сельских жителей. Это стало столь привычным, что сами сельчане оценивают «идеальный образ» своего благополучия по уровню денежных средств в 1,5 раза ниже, чем горожане. При этом располагаемые ресурсы домашних хозяйств, как в городской, так и в сельской местности, меньше объёма денежных средств, необходимых для того, «чтобы жить хорошо» (по оценке самих домохозяйств), в 2,6 раза (табл.2).

Таблица 2

Российская Федерация: уровень необходимых домохозяйствам денежных средств, чтобы жить очень хорошо, хорошо или удовлетворительно (в среднем на члена домохозяйства в месяц), руб. [Доходы..., 2012, с.199]

Уровень денежных средств, необходимых для того, чтобы жить:	Все домашние хозяйства		Домашние хозяйства			
	2010 г.	2011 г.	в городской местности		в сельской местности	
			2010 г.	2011 г.	2010 г.	2011 г.
Очень хорошо	69840	76529	79080	84885	45243	53156
Хорошо	39539	43317	44437	47604	26482	31498
Удовлетворительно	22438	24794	25312	27272	14762	17932
Справочно: располагаемые ресурсы	14633	16597	16265	18291	10129	11746

Таблица 3

Регионы Севера: уровень денежных средств, чтобы жить очень хорошо, хорошо или удовлетворительно; в среднем на члена домохозяйства в месяц, руб. (оценка в 2011 г.)
[Доходы..., 2012, с.207-208]

Регионы Севера	Уровень денежных средств, необходимый для того, чтобы жить:			Справочно: располагаемые ресурсы
	очень хорошо	хорошо	удовлетворительно	
Республика Карелия	93 464	49 033	23 368	16 863
Республика Коми	59 523	36 093	20 336	20 326
Архангельская область	67 479	35 412	19 437	20 029
В том числе Ненецкий авт. округ	42 336	33 537	25 453	20 244
Мурманская область	83 654	48 118	28 296	26 350
Ханты-Мансийский авт. округ	88 553	45 827	23 230	27 061
Ямало-Ненецкий авт. округ	76 165	50 260	30 759	33 708
Республика Саха (Якутия)	69 371	36 922	19 607	23 150
Камчатский край	140 065	79 323	41 917	33 016
Магаданская область	84 932	54 323	34 921	22 392
Сахалинская область	92 022	57 579	33 931	21 753
Чукотский авт. округ	113 700	65 502	37 595	20 294

Данный факт нельзя объяснить только экологическими преимуществами сельской жизни, не имеющими денежного эквивалента; основная его причина – незнание сравнительной экономики и заведомое занижение собственного статуса.

Региональный аспект такого рода оценок в контексте нашего анализа примечателен тем, что домохозяйства одной группы северных регионов (республик Коми и Саха (Якутия), Архангельской и Мурманской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) менее притязательны в понимании границ своего благополучия (табл.3). Разрыв между «что хотим» и «что имеем», по позиции «хорошая жизнь», здесь составляет 1,5-1,8 раза;

другой группы (Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей) – 2,4–2,6, т.е. так же, как и в среднем по домохозяйствам России; третьей (Республики Карелия и Чукотского автономного округа) – 2,9 и 3,2 раза – заметно выше среднероссийского, что предположительно можно объяснить привычкой сравниваться с уровнями жизни, соответственно, в Финляндии и на Аляске. В этой связи надо заметить: зарубежный Север во многих отношениях и, прежде всего, в социальном, организован лучше, чем российский. Однако, это не значит, что северные субъекты РФ должны действовать «под западную копируку». Не корректно ставить задачу, например, Карелии или Коми быть такими же, как Финляндия, а Чукотке – как Аляска. Они могут быть хуже или лучше только посредством национальной экономики и политики. Какова Россия, таков и её Север.

Когда мы стремимся получить экономико-географическую картину домашних хозяйств по основанию желаемого и реального, то необходимо иметь в виду общий фон их состояния: от 40 до 50% домашних хозяйств регионов России не могут позволить покупку товаров длительного пользования; от 21 до 27% – затрудняются покупать одежду и оплачивать услуги ЖКХ; лишь 2-2,5% домохозяйств имеют средств достаточно, чтобы купить всё, что считают нужным. Даже в экономически развитой Свердловской области почти половина домохозяйств получает помощь со стороны родственников, государства и общественных организаций [Кулькова, 2011, с.75]. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на положительную динамику. Так, в Республике Коми за период 2006 – 2010 гг. обеспеченность домохозяйств товарами длительного пользования возросла: по числу микроволновых печей в 1,6, компьютеров – 1,9, мобильных телефонов – 1,5, легковых автомобилей – 1,8 раза; снизилось число домохозяйств, сообщивших о затруднениях в приобретении продуктов питания с 5 до 2%, покупке одежды и оплате жилищно-коммунальных услуг – с 33 до 29%. Что же касается статистических данных по росту располагаемых ресурсов и расходов на конечное потребление в денежном выражении более, чем в два раза, то к ним необходимо относиться критически по причине роста цен и тарифов.

Самым ярким признаком территориальных различий в уровне и качестве жизни являются жилищные условия домохозяйств. На Севере они должны быть лучше, чем в других природных зонах, если, конечно, следовать гуманитарным принципам его освоения и

заселения (без «балков», барачков и «хрущёвок»), но с домами северного типа высокого уровня комфорта). Однако такое встречается крайне редко, а потому жилищные условия здесь, как правило, хуже, чем в среднем по России и её южных регионах (табл.4; рис.3).

Таблица 4

*Регионы Севера: оценка показателей, характеризующих жилищные условия домашних хозяйств (по пятибалльной шкале)
расчеты автора по [Доходы..., 2012, с.149, 150 – 165, 166]*

Регионы Севера	По размеру площади занимаемого жилья	По степени удовлетворенности своими жилищными условиями
Российская Федерация	3,24	3,36
Республика Карелия	3,20	3,14
Республика Коми	3,19	3,44
Архангельская область	3,21	3,29
В том числе Ненецкий АО	2,94	3,51
Мурманская область	3,43	3,39
Ханты-Мансийский АО	2,90	3,38
Ямало-Ненецкий АО	2,49	3,49
Республика Саха (Якутия)	3,12	3,34
Камчатский край	3,28	3,07
Магаданская область	3,54	3,27
Сахалинская область	3,26	3,25
Чукотский АО	3,32	3,52
Для сравнения: Регионы Северо-Кавказского федерального округа	3,36	3,45

Правда, и в данном случае прослеживается более низкая притязательность северян в оценке своих жилищных условий, что частично связано с ориентацией на высокий заработок и последующую покупку квартиры или дома в центральной части России. По другим показателям обустройства домохозяйств, например, наличие товаров длительного пользования, заметных отклонений от среднего российского уровня не наблюдается. Более того, по такому показателю, как «интернет» северные регионы занимают более высокие

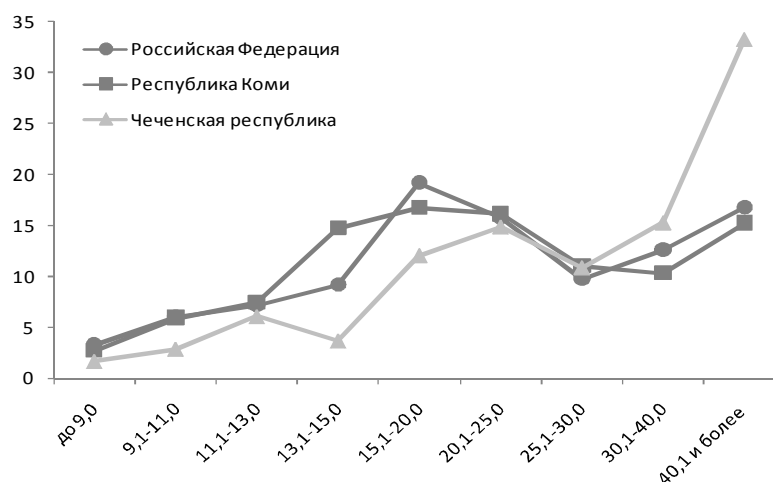

Рис.3. Распределение домашних хозяйств по среднему размеру общей (полезной) площади жилья, % (2011 г.). Составлено по [Доходы..., 2012, с.149-152].

позиции. Данный факт весьма примечателен, поскольку именно интернет в условиях транспортной удалённости приобщает Север к общей сети информационных и социальных услуг.

Если вернуться к основному замыслу освещения тематики территориального развития – формирование и совершенствование территориально-хозяйственных систем; деятельность по использованию потенциалов их развития – то сами **домашние хозяйства по возможности надо представить как территориальную систему**. Сделать это можно только применительно к конкретным местам с учётом их функций и природных характеристик. Опираясь не только на обследования бюджетов домохозяйств, но и на другие источники информации [Регионы..., 2011; Российские..., 2008], сделаем выборку признаков такого рода системности.

Прежде всего, отметим, что домохозяйство играет роль «якоря» в оседлом образе жизни; чем оно крепче, тем труднее покинуть привычное место жительства. По расчётам автора, имущество «идеального» домохозяйства (четыре человека, 100 кв. м жилья, машина, гараж, дача, основные предметы длительного пользования, современная мебель и домашняя утварь) в ценах марта 2013 г. в Сыктывкаре ориентировочно стоило 7,5-8,0 млн. руб. Фактически, в расчёте на среднестатистическое домохозяйство из четырёх человек, 4,5-5,0

млн. руб. При переезде, как минимум, треть указанной стоимости теряется. Потерять 1,5 млн. руб. семья может и согласится, но 2,5-3,0 – согласятся далеко не все.¹²

Жизнедеятельность домохозяйств в современных условиях базируется на централизованном снабжении водой, электричеством, источниками тепла и газа, а если учесть и личные автомобили, то и бензином. Ежегодно централизованно в жилищный сектор экономики страны направляется более 500 млн. Гкал тепловой энергии. Но три обстоятельства обуславливают постепенный отход от централизации: возрастающие технические возможности автономизации процессов обеспечения домохозяйств теплом и горячей водой; чрезмерно высокий темп роста тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства; удаленность многих сельских поселений от централизованных источников воды, тепла и газа. Уже в настоящее время использование в домашних условиях теплогенерирующих установок для населения становится дешевле по сравнению с централизованным снабжением горячей водой. По оценке специалистов, 330 млн. Гкал поступает в домохозяйства от индивидуальных источников тепла [*Некрасов и др. ...*, 2012].¹³ Индивидуальны-

¹² В некоторых регионах Дальнего Востока число собственных легковых автомобилей на тысячу человек населения выше, чем в среднем по России (283,3 в 2010 г.): Камчатском крае – 372,3, Приморском крае – 304,2; в Магаданской области – 270,0, т.е. столько же, как и в Свердловской – 275,4. Автомобилизация Дальнего Востока связана в значительной мере с поставками машин из Японии. При выезде, например, с Камчатки или из Магадана на новое место жительства взять машину с собой практически невозможно, продать на месте можно только в полценны. Это в какой-то мере сдерживает миграцию населения, хотя незначительно, поскольку условия жизни, не закрепляющие население в указанных регионах, оказывают более сильное влияние на решение «уехать или остаться». Подобные коллизии возникают в связи с проблемами рынка жилья. Так, из-за спада жилищного строительства цены на квартиры в г. Сыктывкаре в 2013 г. составили 65 тыс. руб. за квадратный метр (четвёртое место в России после Москвы, Санкт-Петербурга и Сочи). «Продать и уехать», так же как и «приехать и купить» стало весьма проблематично.

¹³ Даже производственные предприятия в местах чрезмерно высокой цены централизованного электро- и теплоснабжения ставят собственные модульные ТЭЦ, считая их более надёжными и экономически эффективными. К тому же предприятия и домохозяйства принуждаются к оплате потерь тепла в сетях, которые составляют 25% от объёма его подачи [*Семикашев...*, 2010, с.73]. В результате «потребление тепла домохозяйствами от систем централизованного теплоснабжения за период 1990-2007 гг. возросло всего на 5%. За тот же период рост производства и потребления тепла в сфере децентрализованного теплоснабжения составил более 60% и продолжает динамично увеличиваться [Там же, с. 79].

ми водонагревателями оборудованы почти 30% домохозяйств, 22 – в городах и 48% – в сельской местности.

Разнонаправленные тенденции централизации и децентрализации энергообеспечения домохозяйств затрагивают основы не только топливно-энергетического комплекса, но и всей экономики. Ещё десять лет назад *А.С. Некрасов* и *В.В. Семикашев* [2005] поставили вопрос: как в социально-экономических условиях развития России будет формироваться структура использования конечных видов энергии? Они показали, что главным из условий является очевидное несоответствие между высокой стоимостью энергии и топлива, предоставляемых домохозяйствам, и относительно низким уровнем среднедушевых доходов большинства населения страны. В последующие годы данный разрыв увеличился и теперь он представляет реальную угрозу экономической безопасности населения. Вместе с тем, ухудшилась экономика централизованного теплоснабжения, что также восполняется за счёт роста тарифов; увеличился расход сетевого и сжиженного газа, что и актуализировало проблему газоснабжения.

Применительно к энергетике и другим услугам ЖКХ вопрос о ценах и тарифах чаще всего рассматривается в плане оптимизации общих расходов домохозяйств: чем меньше расходов в этой части, тем больше денег остаётся на образование, лечение, культуру и пр. Однако в равной мере оптимизацию можно рассматривать и в обратном порядке: чем лучше организовано продовольственное обеспечение, образование, здравоохранение и культура, тем больше средств останется на непосредственное обустройство домохозяйств с использованием энергосберегающих технологий. Качественная вода и энергия – базовые составляющие домохозяйств; они не должны оцениваться по остаточному принципу.

Суть проблемы энергетики домохозяйств заключается в том, что отсутствует возможность объективного измерения действительных объёмов и цен предоставляемых энергетических услуг [*Некрасов, Семикашев, 2005, с. 44*], как, впрочем, водоснабжения и других услуг ЖКХ.

Географическое положение регионов, в том числе северное, безусловно, влияет на формирование условий функционирования домохозяйств, хотя бы из-за разной продолжительности отопительного сезона (на северных и арктических территориях от 225 до 350 дней). Но в большей мере такое влияние опосредовано в технологи-

ческой и пространственной организации источников энергоснабжения. Так, верхняя планка уровня тарифов на электроэнергию в 2009 г. была установлена в Мурманской области (здесь высокий уровень централизации и плотности потребления) – 1,19 руб./кВтч, Магаданской – 2,90, Чукотском АО (изолированные энергоузлы с маломощными станциями) – 8,53 руб./кВтч. В таких перепадах «заложены» и различия в энергетической политике региональных правительств [Чайка, 2010].

Домашние хозяйства можно рассматривать в качестве территориальных систем не только по их связям с окружающей сетевой инфраструктурой, но и по «привязке» к месту расположения. Это находит отражение (заметим – неадекватное) в платежах за капитальный и текущий ремонт зданий, коммуникаций и тротуаров, благоустройство дворовых территорий. Они нормированы, но в какой мере (?) – населению об этом неизвестно. По косвенным данным можно судить, что на благоустройство одного квадратного метра дворовых территорий в Республике Коми (по справкам муниципалитетов) в 2012 г. потрачено 1100 руб. Такое в принципе невозможно, хотя бы потому, что большая часть площади между домами заставлена личными автомобилями, а объём работы «горзеленстроев» ничтожен. Домохозяйства же окружающую их территорию уже отвыкли считать своей, даже те места, которые ещё можно благоустроить.

Территориальность домохозяйств наиболее наглядно видна в системе землепользования. В Республике Коми из 365 тыс. домохозяйств 168 тыс. (46%) имеют в пользовании земельный участок, в том числе 106 тыс. (29%) – в собственности. Из 168 тыс. домохозяйств-землепользователей 86 тыс. являются городскими; из 106 тыс. собственников земли, примерно, 25 тыс. также относятся к городским домохозяйствам. Цена земельных участков под строительство частных домов (коттеджей) в пригороде Сыктывкара – от 25 до 50 тыс. руб. за одну сотку; в местах с инженерным обустройством – до 110 тыс. руб.

При таком характере территориального обустройства «прикреплять» людей к постоянному месту жительства посредством роста благосостояния домохозяйств и расширения их инфраструктуры более надёжно и гуманно, чем простым ростом номинальных доходов, повышением районных коэффициентов и стажевых надбавок к заработной плате, а тем более – административными мерами.

Таблица 5

Социально-демографические характеристики домохозяйств относительно производства и покупки картофеля и овощей, по социологическим опросам в Самаре, Кемерово, Люберцах и Сыктывкаре [Ярошенко, 1999. С. 162,164]

Показатели	Производители	Покупатели	Смешанный тип	Все домохозяйства
Среднее число человек в домохозяйстве, чел.	2,9	2,5	2,8	2,7
Медианный возраст главы домохозяйства, лет	49,5	51,4	45,0	48,5
Медианный возраст всех членов домохозяйства, лет	42,0	44,7	39,0	41,6
Доля глав домохозяйств с незаконченным средним образованием, %	19,0	21,0	14,0	17,2
Структура семьи, %:				
Одиночки	14,1	45,4	40,4	100,0
Неполные семьи	14,1	42,5	43,4	100,0
Супружеские пары без детей	22,9	28,5	48,6	100,0
Супружеские пары с детьми до 18 лет	18,8	27,0	54,2	100,0
Расширенные семьи	18,9	31,6	49,5	100,0
Остальные	14,9	42,9	42,2	100,0
Доля домохозяйств, где есть хотя бы один, кто провёл детство на селе, %	37	20	33	29
Число случаев N	732	1372	1900	4004

Домохозяйство рассматривается также и со стороны социально значимой домашней экономики. Установлены значительные перетоки ресурсов в сферу домашнего производства. Одни полагают, что это явление есть способ выживания семей, другие видят в нём некую инновацию в социальной структуре хозяйственных систем. Автору трудно об этом судить; не исключается совмещение данных оценок. Но поскольку социологи стали характеризовать домохозяйства в аспекте производства и потребления, то этим можно воспользоваться для более полного представления об этой первичной единице территориально-хозяйственных систем.

В табл.5 показаны городские домохозяйства, полностью производящие или покупающие картофель и овощи. Между «производителями» и «покупателями» нет больших различий по возрастным и образовательным характеристикам, но они заметны по сельской родословной; память детства о работе на земле закрепляется и в последующие годы жизни в городе.

Были времена, когда домохозяйство воспринималось не только материально, но и духовно. На тему *«дом и душа»* написаны прекрасные литературные произведения, раскрывающие связь человека со своим домом и местом жительства как второй своей плотью.¹⁴ Чтобы человек вернулся к дому не только как жилплощади, но и своему родному месту, необходимы определённые условия домостроения и домовладения, причастности к благоустройству территории и родового наследования.

Территориальная община

Общение людей по поводу формирования условий и правил жизни является их естественным состоянием. Они объединяются для защиты своих интересов, выработки норм социального и экономического поведения в большей мере на основе бытового права, в меньшей – права, установленного властью. Особый вид территориальных отношений складывается в общинах.

¹⁴ Такая связь имела нередко трагический поворот. Например, при создании Рыбинского водохранилища был затоплен г. Молога, имевший 7 тыс. жителей, 900 домов, в том числе 100 каменных, шесть церквей, 200 магазинов и лавок. Переселение началось весной 1937 г. и длилось четыре года. В ходе переселения погибло около 300 чел., из них 294 отказались покинуть свои дома (Интернет: Молога – город. Википедия).

В качестве базового примем следующее определение: «Община, группа людей, проживающих в пределах населённого пункта (села, деревни, города) и связанных общими хозяйственными, политическими, духовными интересами. Важнейшая характеристика общины – наличие у каждого из её членов сознания своей принадлежности к определённому, отличному от других, коллективу. Община – одна из форм самоорганизации общества» [Община..., 2013]. Данное определение автор выбрал потому, что оно естественным образом соотносится с местом хозяйственной деятельности, его функциями и таким понятием, давно используемым в социально-экономической географии, как территориальная общность людей. Общину в предложенной трактовке можно рассматривать в качестве института именно территориального развития и тем самым отстраниться от религиозных, национальных, клановых и тому подобных её проявлений. Для нас важно, что исторически родовая община трансформировалась в территориальную (соседскую) на основе связей по поводу совместного природопользования и ряда этических функций, в том числе содержания в порядке места жительства, воспитания детей, творчества, народных обычаев и др. Важное значение автор придаёт также научному объяснению феномена устойчивости общины как социального организма.

Ю.М. Осипов [1990, с.86,87] полагает, что «община может существовать сколь угодно долго,... если сохраняется общинное равновесие между индивидуальными и общественными началами.... Если такого равновесия нет, то община «теряется»... Равновесие... может поддерживаться при определённых количественных параметрах (имеется в виду размер самой общины – В.Л)...мера общины достаточно узка. Индивид должен «видеть» общину, а община – индивида, Рост числа членов создаёт угрозу «размывания» как общественного, так индивидуального начал, затрудняет их реализацию, препятствует их совмещению и «протеканию». Качество здесь весьма зависит от количества... Община создаёт дополнительные механизмы организации, выделяя из себя и удерживая в себе особые институты (вождей, советы старейшин, дружины, знахарей), способные обеспечить равновесие системы на новом уровне, смягчая и ликвидируя раздражающее неравновесие. Такие институты выполняют посредническую роль во взаимодействии индивидуального и общественного начал, ведут к разрешению, возникающему между ними неразрешимого противоречия. Община как бы пе-

редаёт указанным институтам-посредникам часть своей организационной энергии и силы, рассматривая их как необходимый элемент системы своей организации... Противоречие между специальными управляющими институтами и общиной... может, в случае обострения, разрешиться отрицанием самой общины, вызвать переход к новой – необщинной – общественной организации. Такая необщинная организация, возникшая посредством отрицания общины, с помощью выделенных из общины специальных управляющих институтов, есть не что иное, как организация *государственная*.

Весьма примечательной является структурно-динамическая характеристика общин северных народностей. А.В. Головнёв [1995, с.52-61] их представил как своеобразные хозяйственные объединения, которые изменяются численно в зависимости от типа «кормящего ландшафта» и сезонных видов хозяйственной деятельности. Например, *тундро-оленьеводческие общины* в начале летнего полугодия состоят из двух-трёх семей, совместно содержащих оленей в период отёла и последующих касланий (кочевье оленьего стада – В.Л.); на июль – август такие объединения преобразовываются в коллективы из 3-12 семей для окарауливания стад; к осени они распадаются на группы из одной – двух семей, направляющиеся в разные стороны для зимнего выпаса оленей; *лесотундровые промысловые общины* с побочным оленеводством и передачей оленей на летний выпас тундровым пастухам функционирует как артели из семи-десяти семей; в зимнее полугодие они распадаются на группы по одной-две семьи (жизнь в одном чуме) или по три-четыре и более (жизнь в одном стойбище) и т.д. А.В. Головнёв показал, что такого рода общины устойчивы, но «усилие по сохранению способно до неузнаваемости изменить сохраняемое».

Столь пространное цитирование из «философии хозяйства» и «этнического хозяйства» не случайно. Дело в том, что во многих регионах России в настоящее время идёт активная работа по организации *территориального общественного самоуправления* (ТОС). Следовало бы понять: ТОС – это и есть община или же оно (самоуправление), может быть, не ведая о том, приобретает форму указанных институтов-посредников; насколько данная форма самоуправления соответствует общинному содержанию организации людей и достаточно ли она отдалена от государства, чтобы ТОС получили статус самостоятельного социального института?

Как отмечают правоведы, законодательная норма в отношении ТОС расплывчата как раз в части его соотношения с органами власти, прежде всего, с муниципальными. Проекция общинного условия **«сохранение равновесия между общественным и индивидуальным»** на существующую ныне социальную разобщённость людей также высвечивает факт неопределённости в соотношении самой общины (желаемой, но пока виртуальной системы) и ТОС. Такого рода неопределённости могут быть «терпимы», если новые структуры территориального самоуправления будут стремиться к восстановлению исторически сложившихся черт общины с учётом современных тенденций социальной стратификации общества и домохозяйств, пространственной организации и этических норм жизнедеятельности. Возникает необходимость в обратном процессе, когда ТОС (или другие структуры самоорганизации) будут передавать свои силы и энергию возрождающимся общинам. Мере сил и энергии не следует преувеличивать, а потому численные и топологические параметры ТОС желательно ограничить общинной нормой «быть на виду».

Когда-то община формировалась спонтанно как следствие и фактор совместного труда, поэтому она до сих пор в научном плане рассматривается в идеальном образе – **в качестве экономической кооперации (корпорации), осуществляющей хозяйственную деятельность с использованием товарно-денежных отношений.** Если этот образ взять за экономическую основу современных ТОС, то они, во-первых, должны быть юридическими лицами, во-вторых, обладать собственностью, соединяющей домохозяйства по поводу их соседского взаиморасположения, в-третьих, в минимальных размерах осуществлять хозяйственную деятельность, строго соответствующую своему предназначению территориального развития. Своеобразной собственностью является «приватизированное пространство», т.е. очерченное границами и нанесённое на карту место деятельности ТОС. В состав собственности могут быть включены междомовые (межусадебные) участки земли, уголья общего пользования, детские, спортивные и автомобильные площадки, общественные здания (клуб культуры, библиотека и т.п.), хозяйственный инвентарь, склад его хранения, местные достопримечательности, денежные средства (паевые взносы, гранты, спонсорские поступления, муниципальная помощь...) и пр. Основные виды деятельности: планировка и благоустройство территории, ландшафтная архитек-

тура, охрана окружающей среды, в том числе утилизация мусора, субботники, культурные и спортивные мероприятия, защита прав членов общины, рассмотрение спорных вопросов, в ряде мест (там, где возможно и целесообразно) – создание своих управляющих и обслуживающих компаний в сфере ЖКХ, договорные отношения с муниципалитетом и предприятиями по поводу выше перечисленного.

Проблемы и опыт создания ТОС в Республике Коми показала М.В. Кузьбожева [*Формирование...*, 2012; *Кузьбожева*, 2013]. Её материалы и суждения представляют научный и практический интерес ещё и потому, что она сама является активным конструктором ТОС с пониманием как общих тенденций российского движения в сторону самоорганизации людей, так и его северной специфики. Прежде всего, было отмечено, что в республике нет должной реакции на возможности, открываемые федеральным и региональным законодательством в области местного самоуправления, хотя ряд других регионов, в том числе и соседей, в этом направлении работают более или менее успешно. Такое нельзя объяснить этническими особенностями, поскольку общность «ближнего круга» исторически присуща финно-угорскому миру, как, впрочем, и укоренённым на Севере славянам. Социологи и в настоящее время фиксируют социально-психологическую готовность живущих в республике к территориальному общественному самоуправлению [*Финно-угорские...*, 2008].

По нашему мнению, запоздалая реакция обусловлена двумя обстоятельствами: более глубоким кризисом сельского хозяйства и лесной промышленности «северной глубинки», когда локальная (соседская) общность не давала никаких преимуществ в трудоустройстве, получении хотя бы минимального дохода и в спасении от социального пессимизма; затянувшимся во времени периодом организации местного самоуправления на уровне муниципалитетов, которые были ориентированы на ответственность за все социальные аспекты местной жизни при отсутствии на то финансовых и материально-технических ресурсов; они и сейчас, когда ТОС находятся в стартовой позиции, видят в них не более, чем объект прямого управления и единицу отчётности.

М.В. Кузьбожева правильно считает, что муниципалитеты в организации ТОС должны играть роль «механизма запуска», побуждая соседскую общину к инициативе самодеятельности и оказывая

им информационную, методическую и материальную помощь, проводя конкурсы на лучший ТОС. С учётом данной позиции она, как депутат Совета МО МР «Сыктывдинский», разработала технологическую карту процедуры создания ТОС, включив в неё 16 шагов по направлениям: алгоритм действия, результат действия и пример удачного действия. Ключевые шаги: опрос общественного мнения по созданию ТОС, установление его границ, собрание граждан, разработка и принятие Устава ТОС, регистрация ТОС как юридического лица (на первых порах возможен вариант без образования юридического лица).

Примерно такой схемы действий придерживается Ленский район Архангельской области [*Долгосрочная...*, 2010]. Здесь в 2010 г. деятельностью ТОС было охвачено 3 050 чел. – 20% населения района; в среднем по 300 человек на одно ТОС. Самоуправление нацелено на благоустройство территории, организацию досуга жителей, реализацию конкретных проектов, участие в законотворческой деятельности.

В создании городских ТОС примером считается г. Пермь, где существует 70 таких организаций [*Касимов, 2013*]. Они отслеживают протестные или созидательные инициативы жителей, занимаются бизнесом для обеспечения ресурсами общественных инициатив, являются передаточным информационным звеном между администрацией района и жителями, мобилизуют жителей во время выборов. Однако главное пока упущено. По мнению М.Б. Касимова, следовало бы больше внимания уделять согласованиям ряда решений муниципалитетов с жителями локальных территорий, например, при переводе жилых помещений в нежилые, при отводе земельных участков под строительство, приватизации социально значимых для данной территории объектов, приёмке вновь построенных объектов и ремонтных работ, выборе управляющих компаний ЖКХ, принятии градостроительных решений, утверждений планов социально-экономического развития территории; необходимо определить принципы финансирования полномочий ТОС. Пока не сформулирована позиция ТОС относительно товариществ собственников жилья (ТСЖ), как впрочем, не решены и многие другие задачи организационного характера.

Общины (в наших примерах в виде ТОС) в сельской местности и городах имеют существенные различия. В первом случае объединяются домохозяйства, «прикреплённые» к земле и с учётом ка-

честв этой земли; во втором – отдельные люди (население микрорайона), «оторванные» от природы. Противоречие городской жизни, взятой в аспекте территориального развития, достаточно чётко сформулировал *Г.М. Ланно* [2012, с.11]: «Города стремятся сохранить старину и не могут отказаться от внедрения нового, которое старину вытесняет, динамизм сочетается с инерционностью. Забота об экологическом благополучии уживается с одновременным наращиванием вредных выбросов и стоков промышленности, загрязнений от автомобильного транспорта. При очевидной заинтересованности в благоприятном природном окружении природа постоянно оттесняется, угнетается как в городе, так и в пригородной зоне». Данное противоречие во всё большей мере становится фактором оттеснения не только природы, но и самих людей, массово перемещающихся в пригородные зоны. Пример г.Перми показывает, что пригородные ГОС более эффективны, чем внутригородские с плотной застройкой многоэтажными домами без привычного для человека жизненного пространства.

Методологическая увязка сельской общины с городской обозначена *Р.Доманьски* [2010, с. 45] следующим образом: «Пространственное планирование городов почерпнуло из социологии идею сельской общины. Урбанисты рассматривают в соседской единице способ оздоровления общественных отношений в крупных городах, в которых встречаются различные патологии. Они считают, что такого оздоровления можно достичь воссозданием соседских связей. В отсутствие таких связей они усматривают причину многих социальных патологий и стремятся создать пространственные условия, благоприятствующие преобразованию скопления людей, живущих друг с другом бок о бок, в группы людей, взаимодействующих в обществе. Такие условия должны создаваться, прежде всего, в жилищных комплексах на окраинах городов, поскольку, принимая во внимание небольшие масштабы, такие комплексы больше всего подходят на роль соседской единицы. Умело организованные в пространстве, эти комплексы создавали бы здоровые ячейки более крупного городского организма. Одновременно они должны быть способны развивать и общественные связи». Вместе с тем *Р. Доманьски* фиксирует и противоречивую реакцию на территориальное соседство в условиях города, где социальная психология укоренила анонимность и личные свободы. Это – то самое «тонкое» соотношение индивидуального и общественного, на необходимость которого

указал Ю.М. Осипов. И всё же, несмотря на противоречивость соседской общины в городе, стремление к благоустройству должно придать городскому району «вид федерации маленьких городков» [Доманьски, 2010, с. 45].

В освещении тематики территориального развития в сельской местности для автора большое значение имеет опыт работы Коми регионального некоммерческого фонда «Серебряная тайга». Одна из задач сотрудников фонда (П. Маевски, Ю.А. Паутов, В.Т. Семяшкина и др.) – показать возможности интеграции сельской общины и кооперативных предприятий вокруг экономической стабилизации на основе устойчивого использования природных ресурсов. Примеры разработки и реализации проектов в части лесопользования и рыболовства в Прилузском и Удорском районах Республики Коми подтверждают, что такая интеграция экономически результативна и социально полезна.

Но полезность связи социального и производственного не означает её обязательность и это надо подчеркнуть в связи с исторической памятью о сельской общине, как форме землевладения, основе сельского и сопутствующих видов хозяйств. Мы говорим не о «русской общине», когда-то существовавшей и подчинявшей себе крестьян, а о соседской, в которой объединение ресурсов не относится ко всему спектру товарного производства. Речь идёт не об общине, которая должна бы заменить колхозы и совхозы (в современных условиях это уже невозможно). Поэтому и определять перспективы новой общины желательно, исходя из потребностей и возможностей объединения лишь незначительной части ресурсов домохозяйств. Вместе с тем, ради социологического интереса, отметим различие ситуаций в сельских регионах. В одних, чем быстрее избавились от колхозов и совхозов, тем свободнее стал выбор той или иной формы общины [Нефедова, 2003, с.347 - 359], в других, например, Ленском районе Архангельской области, людей сближает «держание за совхоз» [Угрюмов, 2005, с. 60].

Сверяя философское описание условий существования общины, теоретико-методологические подходы к городской общине, структурно-динамические характеристики общин северных малочисленных народов, и практический опыт организации и функционирования ГОС, отметим три важных совпадения: соблюдение правила оптимального сочетания индивидуального и общественного; установление границ общины по правилу «быть на виду»; отдале-

ние от государства с целью сохранения общественного лица и развития самодеятельности. Именно при таких условиях община может стать активным субъектом территориального развития.

Муниципалитет

Муниципалитет (муниципальное образование) – самоуправляемая административно-территориальная единица, одна из исторически сложившихся форм территориальной организации жизни людей и местного хозяйства. Обычно рассматривается с двух сторон: как орган местного самоуправления (власть) и как то, что подлежит управлению – поселение, район, округ.

Поселение – один или несколько населённых пунктов, близко расположенных относительно друг друга и имеющих один юридический адрес.

Муниципальный район – несколько поселений или поселений и межселенных территорий. Поскольку поселения, входящие в муниципальный район, сами являются муниципалитетами, постольку району отведена роль распорядительного центра по вопросам местного значения межпоселенческого характера. Основное внимание сосредоточено на линейных объектах: дорогах, распределительных линиях электропередач, газораспределительной системе, водопроводах и др., а также объектам – площадям: лесным, водным, сельскохозяйственным, особо охраняемым, рекреациям и т.п. Вместе с тем, действительность такова, что бедный муниципальный район вынужден заниматься делами ещё более бедных поселений и в такой своеобразной форме проявлять единство своего пространства.

Городской округ – городское поселение, которое не входит в состав муниципального района, но выполняет те же функции, что и район, но без управления межселенными территориями. В округ, кроме города-центра, другие городские и сельские поселения входят точечно, а потому значительные по площади территории остаются как бы ничейными. На картах административного деления северных регионов они «отмечены» белыми пятнами.¹⁵ Поселения, включенные в состав городского округа, не имеют собственного бюджета, а живут по смете, как составной части окружного бюджета.

¹⁵ Это, конечно, «неправильная география», хотя бы потому, что природа не терпит пустых мест, а тем более, потому, что размерность физико-географических районов как раз соответствует ресурсоёмкости средних и больших городов. К тому же понятие «городской округ» здесь не приведено в соответствие с понятием «город республиканского (областного) значения с прилегающей территорией».

та. Хорошо это или плохо, трудно определить, так как существующий ныне объём низовых бюджетов мало чем отличается от упомянутых смет.

В отличие от домохозяйства и общины, муниципальное образование является институтом административно-территориального устройства государства, а потому и действует в рамках норм, устанавливаемых государством. Выше показан рост активности субъектов РФ и муниципалитетов в деле создания ТОС, что (как и многое другое) происходит по указанию федеральных органов власти. Это неплохо, но было бы ещё лучше, если данные указания органично совпадали с инициативой «низов». По-видимому, определённый симбиоз государственности и самоуправления в рамках районных и окружных муниципалитетов необходим и является их внутренней характерной чертой. Что же касается небольших поселений, то в них желаемо преобладание начал непосредственного самоуправления.

В принципе государственное управление пронизывает все слои административно-территориального устройства страны: от президента до почтальона и участкового полицейского. Насыщенность присутствия государства, если идти сверху вниз, уменьшается, но никогда не сводится на нет. Пересечение государственных и самоуправленческих начал в развитии российских муниципальных образований обусловлено также длительной историей централизованного и нормированного распределения социальных благ. Ограничить централизацию лишь уровнем муниципалитетов нельзя, поскольку сами блага имеют сложное иерархическое строение, что видно в территориальной организации здравоохранения, образования, культуры, транспорта и связи. Централизация их отдельных направлений происходит и на локальном, и на региональном, и на национальном уровнях. Вместе с тем, исторические корни имеет и стремление местных социумов к относительной хозяйственной самостоятельности, поддерживаемое коллективизмом как имманентным свойством людей. ***Если для устойчивого бытия общины необходима дозированная пропорция индивидуального и общественного, то муниципальное образование существует при определённом соотношении общественного и государственного.***

Поэтому полное отделение (отсечение) районного и окружного управления и даже поселенческого от вертикали государственной власти неправомерно, да и технически невозможно, поскольку гра-

жданин подчиняется одновременно властям всей её иерархии, начиная с места жительства (прописки), низовой административно-территориальной единицы до центрального (федерального) правительства. Демократизация же общества (власть народа) предполагает, что наряду с вертикалью государственного управления, подотчётного народу, выстраивается снизу вверх вертикаль самоуправления самого народа. Именно в этом направлении и развёртывается схема самоуправления (координационные советы ТООС, содружество территориальных общин и объединений, региональные ассоциации «Совет муниципальных образований», Общероссийский конгресс муниципальных образований, Всероссийский совет местного самоуправления).

Примерно к 2003 г. позиции всех видов и уровней власти России относительно содержания и территориальных границ местного самоуправления были определены¹⁶ и синтезированы в Федеральном законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В ходе обсуждения проекта данного закона и в последующем особое внимание обращалось на вопрос об экономической самоорганизации муниципальных образований. Речь шла о том, что экономическую основу местного самоуправления неправомерно ограничивать муниципальной собственностью, средствами местного бюджета, различными имущественными правами и нематериальными активами.

«В муниципальных образованиях нужно создать относительно локальную, но достаточно целостную и устойчивую систему «производство – социальное потребление». Главная цель – всестороннее развитие населения. Чем рациональнее выбираются пути для достижения этой цели, тем эффективнее будет эта территориальная экономическая система.

¹⁶ О том, как формировались данные позиции и о степени их реализации в указанном законе, подробно изложил А.Н. Швецов [*Лексин, Швецов, 2012, с.528-615*] с указанием на противоречивость положения муниципального образования в системе административно-территориального устройства власти и субъектно-экономических отношений по поводу производства и предоставления населению общественных благ. В части тематики территориального развития нам представляется существенным вывод о том, что при установлении географических границ муниципалитетов необходимо исходить из их финансово-экономической дееспособности, природно-ресурсных и социально-экономических потенциалов её роста, не ограничиваясь законодательными нормами по численности населения и «пешеходной доступности» социальных учреждений.

Производственно-социальный комплекс муниципального образования по сути является неформальным сообществом товаропроизводителей и потребителей. В нём будет успешно реализоваться новая форма корпоративной собственности, ликвидирующая антагонистические противоречия между частной и общественной её формами на основе их добровольного и равноправного объединения. В нынешних условиях, когда из-за ошибок при проведении приватизации собственность на многие объекты местного хозяйства оказалась в руках малых и зачастую несостоятельных предпринимателей и владельцев, целесообразно осуществить её эффективное обобществление, но на корпоративных условиях. Это позволит определить базовое соотношение между производством, измеряемым валовым муниципальным продуктом, и социальным потреблением, определяемым конечным потреблением; создать новые механизмы саморазвития по результатам труда. В качестве критерия оценки деятельности этого сообщества следует использовать «показатель валового муниципального продукта (в расчёте на душу населения)» [Макаров, Глазырин, 2003, с. 55, 56].

Указанные положения о муниципальном образовании как производственно-социальном комплексе, корпоративной собственности, механизмах саморазвития и валовом муниципальном продукте имеют для теории и практики территориального развития исключительное значение, а потому требуют дополнительного научного объяснения.

Свою позицию относительно валового муниципального продукта автор уже определил, рассматривая вопрос о достоверности экономических показателей (раздел 2.3). Ещё раз подчеркнём, что кроме объёма экономической деятельности и её неравномерного размещения этот показатель ничего другого не отражает и не может служить мерой территориальной связности товаропроизводителей и потребителей. Последнее возможно, если валовой муниципальный продукт рассчитывать по итогам деятельности служб муниципалитета и его казённых предприятий, т.е. создать систему муниципальных счетов, условно обособленную от государственной системы национального счетоводства. Но и это имеет смысл при условии более широкого развёртывания коммерческой деятельности муниципалитета на основе его (муниципальной) собственности, которая должна быть заметно увеличена в части имущества, включая зем-

лю, леса, водоёмы, здания и сооружения, информационные и другие комплексы.

Все основные фонды, находящиеся на территории муниципалитета, не могут быть объектом корпоративной собственности. Корпоративность в данном случае правомерно соотносить с населением как специфическим хозяйствующим субъектом и той собственностью, которая считается общественной.

Проблемы территориального развития на уровне муниципального образования связаны преимущественно с неудовлетворительным состоянием именно местного хозяйства и с недостаточной чёткой фиксацией его особенностей. *Е.Г. Анимица* [2007] полагает, что необходимо учитывать следующее: пространственную локализацию предоставляемых муниципалитетом общественных благ, которые не могут храниться впрок, передаваться или перепродаваться; использование для их производства в основном местных ресурсов; обязательность предоставления населению стандартного набора социальных услуг бесплатно или по доступным ценам.

Местная экономика нацелена не на прибыль, а на рост ресурсов коллективного пользования и предоставление качественных социальных услуг; она играет также роль амортизатора роста цен и тарифов на социально значимые товары и услуги. Она не может быть полностью погружена в рыночные отношения. Имея в виду отмеченное нами выше разнообразие экономик, в том числе эксплоярных (не рыночных и не плановых), согласимся с *Е.Г. Анимицей* также и в том, что муниципальный сектор хозяйственной деятельности на современном этапе представляет собой полуэкономику и полухозяйство. Муниципалитет (как хозяйствующий субъект) вступает в экономические отношения с другими субъектами: домашними хозяйствами, общинами, предприятиями, органами государственной власти.

Эти отношения характеризуют муниципальное образование как систему лишь в аспекте их целенаправленности на улучшение условий жизнедеятельности населения. Муниципалитет не только вынужден, но и обязан на договорной основе привлекать предприятия всех форм собственности к решению вопросов местного значения (электро-, тепло-, газо- и водоснабжение, дорожная и транспортная деятельность, предоставление услуг связи, строительство и ремонт жилья, библиотечное дело и культура, утилизация отходов, благоустройство территорий, общественная безопасность и др.).

Выполнение данной обязанности связано также с формированием общих условий лицензирования некоторых видов хозяйственной деятельности, необходимых для гармоничного территориального развития, прежде всего в области жилищно-коммунального хозяйства, строительства, природопользования и охраны окружающей среды. В развитии такого рода отношений и предприятие, и муниципалитет могут исходить и из собственной выгоды, полагая, что условия жизни работников предприятия в конечном счёте влияют на производительность их труда и рост заработной платы, что, в свою очередь, увеличивает налоговую базу формирования местного бюджета; стимулирование местной властью среднего и малого бизнеса повышает уровень занятости трудоспособного населения и, соответственно, общие доходы домохозяйств и муниципалитетов.

Понимание муниципального образования в качестве «производственно-социального комплекса» имеет некоторый «реликтовый» оттенок. В период ускоренной индустриализации и освоения экономически удалённых территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока предприятия, посёлки и города создавались как единое целое, соподчинённое с производственным управлением. В составе администраций средних и крупных предприятий были отделы или другие структурные подразделения по жилищно-коммунальному хозяйству, бытовому обслуживанию, общественному питанию, рабочему снабжению, культуре, здравоохранению и спорту, а в некоторых местах и по подсобному сельскому хозяйству. Это отложилось в памяти людей как особая форма социальной корпоративности; иногда думается, что к ней можно прибегнуть в случае крайней необходимости.

Реальные же рыночные отношения подталкивают руководителей предприятий к выводу со своего баланса почти непрофильных активов и предложению их муниципалитетам в качестве основы организации среднего и малого бизнеса. Такую тенденцию нельзя игнорировать или противостоять ей, а потому усложнение отношений муниципалитетов с другими распорядительными центрами целесообразно воспринимать как должное.

Из данного объяснения вытекает, что суть вопроса об экономической самоорганизации муниципального образования всё же в большей мере заключается именно в объёмах и качестве его собственности, полноте местного бюджета, в развитии форм и методов

территориального хозяйствования¹⁷. Всё остальное, в том числе и отношения с предприятиями, непосредственно к самоорганизации не относится, а входит в систему внешней координации.

Проблематика финансово-экономической дееспособности муниципалитетов актуализируется в связи с усложнением структуры и ростом качества социальных благ. Примером тому служит создание в окружных и районных муниципальных образованиях многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг. Эта работа базируется на достижениях науки в области информационных технологий территориального управления [Швецов, 2012, с. 111-197], на ФЗ № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (2010 г.), общих методических рекомендациях и типовых регламентах [Методические..., 2012]. Такие центры по замыслу являются своеобразным «узлом связи», организованным по принципу «одного окна» оказания определённого набора услуг по социальному развитию,

¹⁷ Значительные резервы роста муниципальной собственности заключены в рациональном распределении земель с учётом их функциональной принадлежности. По данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии на 01.01.2010 г. 1 576,3 млн. га (92,2 % земельного фонда РФ) находилось в государственной и муниципальной собственности, в том числе – разграниченной – 356,2 млн. га (22,6%). **В составе разграниченного земельного фонда государственной и муниципальной собственности 97,3% приходилось на федеральную собственность, 2,0 – на собственность субъектов Федерации и лишь 0,7% - на муниципальную.** Муниципальные образования могли бы пополнить свой земельный фонд за счет расширения зон сельских и городских лесов ради их хозяйственного использования в рамках местной экономики, а также путём обобществления тех частных земельных паёв, которые длительное время не вовлекаются в хозяйственный оборот. Это, прежде всего, относится к сельскохозяйственным угодьям крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей и других юридических лиц. Наиболее проблемными оказались городские и сельские леса. На примере Республики Коми видно (Газета «Республика» от 18. 12. 2012 г.), что ими надо управлять, но чтобы вступить в права собственника (согласно Лесному кодексу), муниципалитеты должны провести межевание лесов, регистрацию права собственности, лесоустроительные работы, разработать лесохозяйственные регламенты и положения о порядке распоряжения лесами, утвердить ставки платы, исполнять обязанности по лесному контролю и осуществлять меры пожарной безопасности. Реализация этого порядка стоит немалых денег, например, разработка лесохозяйственного регламента – от 600 тыс. до 1 млн. руб.; межевание городских лесов Сыктывкара (5 тыс. га) – 20 млн. руб. Будущую же материальную выгоду от этих лесов определить весьма трудно; можно было бы принять во внимание их экологическую и рекреационную пользу, однако в бюджете на такого рода территориальное хозяйство средства не предусмотрены.

пенсионному обеспечению, записи актов гражданского состояния, занятости населения, жилищно-коммунальному хозяйству, медико-социальной экспертизы, банковским, почтовым, нотариальным и юридическим операциям. Здесь не только экономится время заявителей, но и преодолевается психологический барьер боязни отторжения человеческой озабоченности сложившимися обстоятельствами жизни.¹⁸ И всё это должно быть объединено в единую региональную сеть с подключением к ней удалённых от райцентров сёл и деревень, в которых функция филиалов многофункциональных центров может быть возложена на местные администрации, библиотеки, дома культуры, почтовые отделения; в ряде мест придётся использовать передвижные установки предоставления услуг. Предполагается двухуровневая модель финансирования создания и деятельности таких центров: бюджет региона и бюджеты муниципальных образований. С технологией софинансирования из федерального бюджета власти пока не определились.

Другое направление территориального развития в границах муниципальных образований, которое сопряжено с ростом затрат, до сих пор не предусматриваемых в сметах и бюджетах, связано с инженерно-геологическим, геофизическим и медико-биологическим мониторингом проблемных земельных участков селитебной и промышленной местности. Многие объекты, жилые и производственные комплексы построены без должного учёта метаболизма фаций, урочищ и других физико-географических единиц. Со временем они как бы заново оживают, активизируя тектонику, гидродинамику, эрозию и другие процессы угрожающего характера. Рекультивация больших по площади свалок нередко проводилась и проводится под дачное строительство без учёта последующего загнивания остатков биохимических веществ и ртутных испарений. Государственные службы контроля реагируют на соответствующие чрезвычайные ситуации, когда они уже случились; постоянный же мониторинг и

¹⁸ Из материалов Межведомственной комиссии по вопросам развития государственного и муниципального управления в Республике Коми: в 2010 г. в Сыктывкаре, Княжпогостском, Прилузском и Усть-Вымском районах проанализировано 350 услуг, из которых 124 являются государственными и 226 муниципальными. Уровень удовлетворённости процедурой их предоставления составляет в сельской местности 62, в городе – 54%. Почти 40% опрошенных предпочитают с жалобами никуда не обращаться.

предотвращение угроз – дело муниципалитетов, но для этого нужны средства.¹⁹

3.2. Региональные ТХС

Областной район. Пример Республики Коми

Областной район – административно-территориальная единица страны, обладающая социальными и экономическими ресурсами, достаточными для выполнения государственных функций и оказания почти полного набора социальных услуг населению.

А.А. Недешев [1975] изучил типологические черты экономического района областного ранга и показал основания для его рассмотрения в качестве устойчивой единицы территориальной организации общества. Автор воспринял это положение с убеждением, что какие бы перестройки в системе районирования страны не происходили, областной район (область, край, республика) должен быть сохранён. Именно в его границах решается значительная и строго определённая часть общей проблемы территориального развития – преодоление препятствий к формированию и устойчивому развитию территориальных общностей людей на основе геосистемного устройства хозяйства.

¹⁹ В нашей стране проведены научные исследования по вопросам укрепления местных бюджетов и других источников доходов муниципальных образований. Отправная посылка: нельзя признать существующую ныне бедность местных бюджетов и их постоянный и повсеместный (за малым исключением) дефицит нормальным; такое состояние противоречит принципам и нормам экономического федерализма; оно может трактоваться не как вынужденное, а как искусственно создаваемое ради непомерного возвышения роли федеральной власти. Доказана возможность расширения источников налогообложения, закреплённых за органами местного самоуправления, более справедливого распределения регулируемых налогов, пополнения источников формирования региональных фондов поддержки поселений, совершенствования смет доходов и расходов отдельных населённых пунктов в составе городских округов. Эти вопросы регулярно рассматриваются и с практической точки зрения, например, в журнале «Муниципалитет». Опыт их изучения в Республике Коми представлен в работах ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН [*Потенциал...*, 2008] с идеей трансформации природного капитала в финансовый и социальный и Сыктывкарского ГУ [*Чужмарова, 2009*] с выводом о необходимости реформирования налогообложения недвижимости и некоторых других объектов в пользу местных бюджетов. Укреплению бюджетов поселений в связи со всем спектром развития локальных систем посвящены исследования Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда) [*Экономика сельского района...*, 2007].

Областной район есть результат синтеза многих географических и социально-экономических процессов: общественного разделения труда и товарного обмена между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней, центром и периферией; борьбы между городами за функцию центрального места и властные полномочия над округой; уплотнения экономического пространства и создания плацдарма для экономической и политической экспансии; сосредоточения образования, науки и культуры. Расположение городов-центров районов областного ранга к настоящему времени уже определилось, сформировалось пространство экономического тяготения к ним; абсолютное большинство из них не имеют конкурентов с претензией на такой же статус. Изменения границ областей, краёв и республик происходят очень редко и касаются не более чем одного – двух муниципальных районов. Существенно и то, что у людей сложилось самоопределение по принадлежности их к конкретной земле (вятской, ярославской, рязанской, забайкальской и т.д.). Общественные потребности возвышаются в большей мере в части человеческого потенциала (здоровья и интеллекта) и общих условий жизнедеятельности, прежде всего, экологических, поэтому необходимо обратить внимание на трактовку **областного района как развивающегося населения** (Пчелинцев, 2004, с.205).

Есть много других факторов, определяющих устойчивость областного территориального образования. Не случайно движение в сторону укрупнения областей, которое время от времени искусственно активизируется с послевоенных лет, не имеет заметного результата.

Конечно, районы областного ранга различаются по площади, численности населения, природно-ресурсному и социально-экономическому потенциалам. Но это есть признак пространственной дифференциации самой России, а не достоинство или вина отдельно взятой области, края или республики.

В настоящее время (2013 г.) в России 83 субъекта Федерации, но районов областного ранга меньше – 75. К областным районам не относятся автономные округа (Ненецкий в составе Архангельской области, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский – Югра в составе Тюменской области и Чукотский, который длительное время был частью Магаданской области), республики Адыгея и Алтай (по своему географическому положению и экономическим характеристикам первая относится к Краснодарскому краю, вторая – к Алтай-

скому); единый областной район представляют Москва и Московская область, так же как Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Национальные республики в системе районов областного ранга имеют нечто особенное. Оно заключается в автономности, т.е. в исключительности в общем ряду административно-территориальных образований. К вопросу об автономности как дополнительном благе национальных республик, утрата которой в начале 1990-х гг. не имела впоследствии адекватного восполнения, следовало бы вернуться.

Десять лет (1991-2000 гг.) бывшие автономные республики делали попытку найти для себя преимущество в государственности и суверенитете. В смутные времена это направление инициировала центральная власть, привлекая на сторону Президента РФ региональные правительства. Однако пагубность суверенизации в конце десятилетия была осознана, что и побудило Центр взять курс на укрепление вертикали власти и установление политического равенства всех субъектов Федерации. Вместе с тем, вопросы формирования и развития государственности субъектов РФ, в том числе национальных республик, остаются весьма актуальными. Теоретически это обусловлено некоторой неопределенностью «государства в государстве», а также необходимостью научного обоснования увязки социальных, культурных, этнических, экономических и других аспектов государственности с общей региональной политикой.

Особо проблемными являются два вопроса: 1) при каких экономических условиях государственность на отдельной части территории страны становится возможной?; 2) что означает экономическая самостоятельность внутреннего государственного образования в составе единой (целостной) федеративной страны?

Для ответа на первый вопрос применительно к Республике Коми нам пришлось рассмотреть два встречных движения: снизу вверх – от территориальной общины к государству и сверху вниз – от страны к её макро-, мезо- и микрорайонам [Лаженцев, 2001]. Анализ первого движения показал, что «минимальное» государство образуется в качестве надстройки над территориальными общинами при условии их доходности, достаточной для содержания аппарата государственного управления. Минимальное проявление коми государственности потенциально могло возникнуть в границах ярко выраженной локализации коми народа еще задолго до её официального установления в 1921 г. Но такой минимум не обеспечивает вы-

полнения государством своих социально-экономических и политических функций развитых форм.

Второе движение указывает на взаимосвязь весьма существенных общественных процессов и формирование районов, в основе которых лежат крупные историко-культурные ядра. Такие районы являются основными; именно на их уровне, как показано выше (раздел 2.4), происходит соединение производительных сил и производственных отношений в способ производства. До ранга такой большой социально-экономической и политической системы Республика Коми «не дотягивает», как, впрочем, и все другие существующие ныне субъекты Федерации.

Итогом такого анализа стали три вывода:

1. Государственность существующих ныне субъектов Федерации (районов областного ранга) осуществляется в рамках экономического подрайона – части крупного экономического района. Такое положение не имеет оттенка политической ущербности, но заставляет думать об ограниченных возможностях экономической суверенизации. Правильное понимание собственного положения в иерархической структуре народного хозяйства страны, несомненно, способствует мобилизации дополнительных ресурсов в таких источниках, как территориальное разделение труда, специализация и межрегиональная кооперация.

2. Определенная часть экономических ресурсов регионов областного ранга должна направляться на поддержание и развитие местных социально-экономических систем (муниципалитетов и общин). Именно они несут в себе национальное и этнокультурное начало и являются главной силой социальной интеграции.

3. Национально-культурная автономия вновь должна стать одним из основных институтов гражданского общества и предметов государственного управления. Но её целесообразно вывести из проблематики федеративного устройства страны и ограничить рамками национальной политики. Республики, области и округа, названные по имени титульного народа, могли бы стать ядром соответствующей национально-культурной автономии.

В основе региональной политики России и многих других государств лежит экономический федерализм. Механизм его реализации (в соответствии Конституцией РФ) заложен в разделении функций Федерации, субъектов Федерации и муниципалитетов в области регулирования ценообразования, налогообложения, бюджетов, вне-

бюджетных фондов, кредитования и денежного обращения, инвестиций и территориально-программного управления.

Областной район – основной субъект экономического федерализма.²⁰ Областные, краевые и республиканские правительства имеют определённые полномочия и должны были бы иметь достаточные ресурсы для проведения активной и системно организованной социально-экономической политики в части:

- регулирования цен и тарифов через реализацию антимонопольного законодательства, включение унитарных (казённых) предприятий в конкуренцию и при необходимости через поддержку их дотациями ради удержания цен на товары первой необходимости;
- формирования и распределения налогооблагаемой базы, в том числе посредством рационального использования субфедеральной (региональной) собственности и оптимизации соотношения прямых и косвенных налогов, закреплённых за территориальными бюджетами;
- выстраивания межбюджетных отношений с максимально возможным наполнением территориальных бюджетов за счёт «собственных» налогов и неналоговых поступлений и с минимальными перетоками финансовых ресурсов внутри бюджетной системы;
- формирования норм и правил коммерческого использования свободных ресурсов социальных фондов, прежде всего, пенсионного с направлением дополнительно получаемых доходов на рост пенсий и других выплат населению;
- создания и социально справедливого распределения внебюджетных фондов поддержки малочисленных народов и их традиционного хозяйства;

²⁰ Тематика территориального развития связана не только с экономическим, но и политическим федерализмом. Однако автор ограничивается лишь экономическими вопросами по двум причинам: 1) проблемы Российского федерализма уже достаточно полно освещены в многочисленных трудах политологов, правоведов и экономистов, например, в классической монографии, написанной под руководством С.Д. Валентя [Российский федерализм..., 2008]; 2) экономический федерализм, безусловно, выстраивается на территориальной основе, а потому может развиваться как в федерации, так и в государствах другого политического устройства. Здесь важна, прежде всего, экономическая самодостаточность всех уровней административно-территориальных единиц и соответствующих структур власти.

- регионализации рынка кредитных ресурсов, что предполагает участие региональных правительств в формировании и использовании ссудного фонда, в том числе для кредитования государственных мероприятий;
- разработки и реализации совместно с федеральным (центральным) правительством и его министерствами целевых программ, нацеленных на решение конкретных проблем той или иной территории.

Нам представляется, что в разнообразных идеях совершенствования экономического федерализма заложены не только позитивные, но и негативные моменты. Особо опасен курс на полную налогово-бюджетную автономизацию субъектов Федерации с использованием, так называемого, котлового метода сбора и распределения всех налогов и других финансовых ресурсов. Как показал опыт СССР, именно такой метод, при котором налогоплательщиками в бюджет страны стали непосредственно союзные республики, более всего способствовал её распаду. Незыблемым должен оставаться принцип закрепления первичных источников налогообложения за определенным уровнем власти в полном объёме или с последующим расщеплением в определённых пропорциях. Заметим, что близко к котловому стоит метод нормативного распределения природно-ресурсных налогов между бюджетами по заранее установленному соотношению, например, 50:50. Это ещё более усилило бы территориальное социальное неравенство.

Территориальное развитие в рамках областного района направлено в первую очередь на взаимоувязанное формирование линейно-узловых систем: расселение населения, строительство дорог, линий электропередач, распределительных сетей газоснабжения, сетевого хозяйства связи, в том числе Интернета. Большая роль региональным правительствам принадлежит в деле развития систем социальных услуг (здравоохранения, образования, учреждений культуры, спорта, туризма и др.); рациональное природопользование и охрана окружающей среды с учетом особенностей самой природы также относится к задачам областного (краевого, республиканского) управления; в поле зрения находятся и проблемы выравнивания уровней социального развития муниципалитетов. Применительно к районам областного ранга совершенствуется общий макроэкономический анализ для целей региональной политики. По-

кажем некоторые подходы к оценке уровня территориального развития на примере Республики Коми.

Историческая оценка вклада Республики Коми в развитие экономики России. Если ограничиться послереволюционным периодом, то данную оценку кратко (выбирая самое главное) можно представить так: 1920–1930-е гг. – формирование «валютного цеха страны» за счёт вывозки древесины через Архангельский порт за границу и продажа её за золото, добыча тяжёлой нефти на Яреге и организация на Ухтинском НПЗ производства морозостойких масел, что сыграло существенную роль в эксплуатации танков во время войны; 1940-1950-е гг. – строительство железной дороги Котлас – Воркута, освоение Печорского угольного бассейна, поставка угля в блокадный Ленинград и для Северного морского пути, участие в создании Северной угольно-металлургической базы; 1960-1970-е гг. – строительство крупнейшего в стране Сыктывкарского лесопромышленного комплекса по производству целлюлозы и бумаги, освоение Вуктыльского газоконденсатного месторождения и прокладка газопровода «Сияние Севера»; 1970-1980-е гг. – освоение усинской группы месторождений нефти и строительство города Усинск; 1990–2010 гг. – освоение Среднетиманских бокситов, включение их в технологический цикл производства алюминия на Урале; полная реконструкция Ухтинского НПЗ, значительная модернизация шахтного хозяйства в Воркуте и Сыктывкарского ЛПК.

Планомерно изучались и осваивались природные ресурсы. Минерально-сырьевой потенциал Печоро-Уральского региона занимает одно из ведущих мест в экономике страны, так же как и потенциал лесных ресурсов (2,8 млрд. куб. м). Это бореальные, особо ценные для промышленного использования, хвойные леса. Повышается значение водных ресурсов. Республика Коми в системе географического разделения хозяйственных функций имеет ярко выраженную экологическую специализацию. Примером тому служит создание в 1930 г. Печоро-Илычского государственного биосферного заповедника и в 1994 г. – природного национального парка «Югыд ва». На 01.01.2013 г. в республике зарегистрированы 240 особо охраняемых природных объектов.

Когда речь идет о современном историческом периоде (первое десятилетие XXI в.), то невольно возникает мысль обозначить его – от дефолта августа 1998 г. до кризиса, начавшегося в 2008 г. Это в какой-то мере правильно, поскольку социально-экономичес-

кие стрессы весьма ярко фиксируют высокую роль государственной власти и местного самоуправления в решении сложнейших вопросов общественного характера. Но, с другой стороны, важно понять и нормативно зафиксировать базовые позиции экономики и социального развития в периоды положительной динамики, например, в 2001-2007 гг. и после кризиса, начиная с 2011 г.

В принятии управленческих решений в годы устойчивого развития значительную роль играют традиционные идеи комплексного гармоничного развития производительных сил, эффективного территориального хозяйствования, экономической самодостаточности. Как бы ни были сильны мотивы рыночных преобразований именно они остаются в качестве организующего начала.

Принцип *комплексности* – системной организации отдельных элементов производительных сил в единое целое оставил заметный след еще и потому, что природные богатства Республики Коми, начиная с 1970-х гг., стали основой формирования Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса – единицы народного хозяйства страны, специально введенной в русло программно-целевого планирования.

Ранее речь шла о согласовании векторов хозяйственной деятельности министерств и ведомств, теперь – фирм, организованных в виде акционерных обществ, холдингов и корпораций. ***В условиях разнообразия форм собственности следует признать объективную целесообразность перевода узловых проблем комплексного развития производительных сил регионов с государственного уровня в систему фирменных стратегий.*** Так произошло с программами оптимизации структуры Печорского угольного бассейна, Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, Тимано-Уральского горнопромышленного и Вычегодского лесопромышленного комплексов и других территориально-отраслевых систем.

Государственными же остались четыре важнейшие задачи: 1) посредством лицензионных и других соглашений ориентировать предприятия на комплексное использование природных ресурсов и гармоничное социальное развитие территорий; 2) развивать инфраструктуру общего пользования; 3) инициировать разработку и реализацию научно-технических программ и соответствующих инноваций, создающих основу для новых точек роста производительных сил; 4) осуществлять территориальное хозяйствование на основе региональной собственности. ***При этом важно понять смысл***

движения к экономической самостоятельности, не имеющей ничего общего с политическим и экономическим сепаратизмом.

Политические амбиции к расширению сферы деятельности регионов и переносу норм централизации государственного управления с федерального на субфедеральный уровень всегда натывались на трудности реальной экономики. В Коми республике в 1990-х гг. это проявилось в разбалансированности хозяйства, его технической отсталости, нерентабельной работе почти половины промышленных предприятий, низком уровне подготовки к освоению новых месторождений полезных ископаемых и другом негативе.

И в настоящее время фактор риска для региональных структур власти заключается в опасности связать себя обузой малоэффективной экономики. Такой фактор стал проявляться в основном в сфере управления собственностью. Поэтому приватизация нередко играет роль не только политического рычага закрепления позиций рыночных отношений, но и своеобразного экономического механизма снижения ответственности государства перед населением.

Региональный аспект *социальной справедливости* применительно к северным территориям заключается в определении и исчислении гарантированных населению выплат, компенсирующих дополнительные затраты на жизнеобеспечение в трудных природных условиях. Региональные коэффициенты к заработной плате и стажевые надбавки всегда воспринимались северянами, как должное, не зависящее от политической конъюнктуры. Поэтому, когда появились попытки со стороны некоторых структур федеральной власти отказаться от такого рода компенсаций, как будто бы не соответствующих условиям рынка, так сразу же возникла волна протеста всего северного сообщества, включая и органы государственного управления. Активно ведется также работа по урегулированию пенсионного обеспечения и финансирования программ частичного переселения людей из районов Крайнего Севера.

Благие социальные намерения нередко перекрываются реальным экономическим детерминизмом. Однако заметим, что в общественном сознании и государственной политике многих стран социальное развитие во всё большей мере получает приоритет относительно экономического. Попытки придерживаться такого правила стали предприниматься и в России. Необходимость усиления социального аспекта развития Республики Коми обусловлена также северными условиями жизнедеятельности: относительный климатиче-

ский дискомфорт, периферийное положение, объективно низкий уровень освоенности территории, этнокультурная специфика.

Население. Максимальная численность населения в Республике Коми была в 1989 г. – 1 251 тыс.чел. Затем она неуклонно снижалась и по переписи 2010 г. составила 901,6 тыс.чел., в 2012 г. – 890 тыс. чел. (снижение на 361 тыс.чел.; за период 2001-2012 гг. – на 153 тыс.чел. (табл. 6).

Это произошло по трем причинам: *демографического кризиса* – снижения рождаемости и рост смертности; *производственного* – сокращения числа рабочих мест и вынужденный выезд за пределы республики; *социально-политического* – организованного переселения «избыточного» населения из районов Крайнего Севера, в основном Воркуты и Инты.

Таблица 6

*Республика Коми: численность населения, на начало года**

Годы	Все население	Городское	Сельское	Городское	Сельское
	тыс. чел.			в % к общей численности	
2001	1043	785	258	75	25
2006	963	730	233	76	24
2010	901	693	208	77	23
2012	890	687	203	77	23
2012 в % к 2001	85,3	87,5	78,6	-	-
2012 в % к 2006	92,4	94,1	87,1	-	-

*Здесь и ниже в данном разделе использованы данные из статистического сборника «Статистический ежегодник Республики Коми – 2012 г.». Официальное издание. Сыктывкар, 2013.

Статистика показывает, что примерно 95% в сокращении численности населения составляет отрицательная миграция, а 5% – естественная убыль. Однако, если допустить сохранение коэффициента естественного прироста населения на уровне 7,7% (1989 г.), то в таком случае оба фактора (и миграцию, и естественное движение) следовало бы оценить как равнозначные. Хотя такого рода допущение носит

весьма условный характер, но именно оно более всего отражает реальный характер демографического кризиса. Заметим также, что внутриреспубликанская и внешняя (относительно республики) миграция имеют примерно одинаковую долю: в 2010 г., соответственно, 53,4% и 46,6%. Результатом первой является более ускоренное сокращение сельского населения, второй – общего, как сельского, так и городского.

С 1980-х гг. в нашей стране эффективность демографической политики была весьма низкой; у населения не формировались желаемые для общества репродуктивные установки [Попова, 2004]. Кризис в экономике, сокращение рабочих мест привели к массовому оттоку населения, сокращению притока молодых, образованных кадров. Переход на рыночные отношения больше всего отразился на социальной сфере, в том числе и на здравоохранении, как результат – резкий рост смертности. Неуверенность в «завтрашнем дне» привела к резкому ухудшению здоровья населения, росту числа самоубийств, психических заболеваний.

В последние годы демографическим проблемам государство стало уделять повышенное внимание. Были приняты приоритетные национальные проекты; один из них касается непосредственно демографии. Уровень превышения смертности над рождаемостью резко снизился, этот «баланс» постепенно становится положительным.

В составе населения коми национальность устойчиво сохраняет свою позицию в общей численности населения республики на уровне 23%, что дает основания серьезно заниматься совершенствованием северных типов хозяйств, связанных с особенностями этнокультурного развития. В некоторых районах доля коми населения достигает 60%. В них более успешно развиваются традиционные промыслы, охота и оленеводство. В республике поголовье оленей составляет 84 тыс. голов – это немало, хотя, заметим, что в 1950 г. их было 211 тыс.

Трудовые ресурсы и занятость. Наиболее сложными здесь являются вопросы общей и структурной динамики, совмещения качества рабочих мест и уровня квалификации работников, согласованности развития сфер экономики и подготовки кадров [Фаузер и др., 2012].

Сокращение экономически активного населения идет за снижением его общей численности, но чуть в иной динамике (табл. 7). Это можно объяснить половозрастными сдвигами в структуре постоянно проживающего в республике и мигрирующего населения. Главное же заключается в весьма высокой доле экономически неактивного населения: соотношение «активного» и «неактивного» бы-

Таблица 7

Республика Коми: численность экономически активного населения, занятых и безработных (2000-2011 гг.), тыс. чел.

Показатели численности	2000 г.	2005 г.	2011 г.
Численность населения в возрасте 15-72 лет	815,6	798,0	766,4
Экономически активного населения	547,7	547,0	531,0
Занятых в экономике	481,8	483,9	461,1
Экономически неактивного населения	267,9	251,0	226,1
Безработных	65,9	63,1	45,2

ло в 1992 г. – 77:23, 1995 г. – 72:28, 2000 г. – 67:33, 2005 г. – 69:31, 2010 г. – 71:29, 2011 – 70:30.

Основной причиной роста абсолютной и относительной «неактивности» является безработица. Особую остроту такая ситуация имеет в сельской местности. Преобладающей в численности безработных в кризисные 1990-е гг. была возрастная группа 30-49 лет, наиболее плодотворная в трудовом отношении: 1992 г. – 34%, 1995 г. – 50, 2000 г. – 51, но 2005 г. – 42, 2008 г. – 38, в 2010 г. – 35, 2011 г. – 45%. Более половины безработных составляют люди, имеющие начальное профессиональное и среднее общее образование.

В периоды экономических кризисов 1990-х и 2008–2010 гг. на первый план трудоустройства выходят «удобные» рабочие места, не требующие высокой квалификации [Лыткина, 2011]. Доходных рабочих мест с высоким уровнем организации умственного труда явно не хватает, что ведет к деqualификации инженеров, техников и рабочих. Без целенаправленного развития инновационной экономики, глубокой диверсификации производства с адекватным уровнем подготовки кадров такого рода «замкнутый круг» не разорвать.

Производственные фонды и инвестиции. Экономическая оценка производственных фондов ради быстрой их приватизации и укрепления позиций «рынка» оказалась в 1990-х гг. настолько бестолковой и противоестественной, что даже спустя 20 лет статистические показатели об этой части производительных сил ни о чем не говорят. Расчет, например, фондовооруженности и фондоотдачи потерял реальный смысл. Но, всё же, есть малая возможность более

или менее объективно оценить структурные показатели, индексы физического объема и коэффициенты динамики фондов.

Так, весьма высокую долю в фондах республики имеют транспорт и связь, что еще раз подчеркивает значение ее транзитных функций. Отмечается положительная динамика в росте физического объема основных фондов, обусловленном вводом новых мощностей в минерально-сырьевом комплексе, строительстве, торговле, сфере операций с недвижимостью и госуправлении.

Уровень обновления и выбытия фондов однозначно оценить нельзя; в 2000-2010 гг. реализованы крупные проекты модернизации целлюлозно-бумажной (Сыктывкарский ЛПК), нефтеперерабатывающей (Ухтинский НПЗ), газоперерабатывающей (Сосногорский ГПЗ) и частично угольной промышленности (Воркутауголь), увеличились мощности горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности, организовано деревянное домостроение, добыча бокситовых руд; однако в тех же и других отраслях все еще остается много старого оборудования и ветхих сооружений, что видно из данных о высокой степени износа основных фондов. Сооружения, машины и оборудование, транспортные средства изношены более чем наполовину. Удельный вес полностью изношенных основных фондов в республике составил в 2006 г. 15,4%; в 2010 – 18; в 2011 – 23,3%. Транспорт стал в социальном и экологическом отношении весьма опасным. Вместе с тем, из Западной Сибири по трубопроводам через республику прокачивается около 120-130 млрд. куб. м газа в год. Значение обеспечения транзита газа многократно возрастает в связи со строительством новой системы газопроводов «Ямал–Запад». Заметим: эта стройка увеличила объем инвестиций в основные фонды Республики Коми только в 2011 г. в 1,6 раза. Развитие производственной специализации и транзита становится единой задачей в случае окончания строительства железнодорожной магистрали Архангельск – Сыктывкар – Соликамск («Белкомур»).

Структура инвестиций не полностью соответствует требованиям инновационной деятельности, а именно – 60% инвестиций в основной капитал используется на строительство зданий и сооружений и лишь 29% – на покупку и модернизацию машин, оборудования и транспортных средств.

Научные рекомендации по формированию инвестиционных источников касаются ряда направлений [Стыров, 2012], но остано-

вимся на одном из них – амортизации. В пике экономического кризиса 1990-х гг. амортизация падала до уровня 10-12% от ее реальной величины. Но и начисленная амортизация в значительной мере «проедалась», т.е. шла на пополнение оборотных средств, на выплату дивидендов и в другие каналы, но не на техническое перевооружение. Доля амортизации в капитальных вложениях в основной капитал составляла 15-20%; лишь в 2008 г. она поднялась до 34%, а затем (под влиянием финансового кризиса) вновь снизилась до 14% в 2011 г. В развитых странах, даже с их обширной финансово-кредитной системой, эта доля составляет 55-60 %.

Наши предложения заключаются в том, чтобы проводить жёсткую амортизационную политику. Это будет продуктивно, если на базе амортизации и некоторых других финансовых ресурсов предприятия откроют в банках специальные счета, средства которых могут использоваться только на капитальное строительство, модернизацию и внедрение новой техники.

Производство и потребление. В системе национальных счетов производство и потребление фиксируются, главным образом, через объем, динамику и структуру валового регионального продукта (ВРП) (табл. 8).

Таблица 8

Республика Коми: объем и динамика валового регионального продукта в период 1998 - 2010 гг.

Показатель	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2005 г.	2010 г.
ВРП в текущих ценах, млрд.руб.	29,1	59,5	86,0	173,0	352,3
ВРП в сопоставимых ценах 1998 г., млрд. руб.	29,1	30,8	32,1	36,5	40,2
Рост ВРП в сопоставимых ценах, %	100,0	105,8	110,3	125,4	138,1
ВРП на душу населения в текущих ценах, тыс. руб.	26,8	56,6	84,1	174,6	389,1
ВРП на душу населения в сопоставимых ценах 1998 г., тыс.руб.	26,8	29,1	31,2	36,6	44,6
Рост ВРП на душу населения в сопоставимых ценах, % к 1998 г.	100,0	108,6	116,4	136,6	166,4

Таблица 9

Республика Коми: структура валового регионального продукта по видам экономической деятельности в 2005 и 2010 гг., %

Группы отраслей	2005 г.	2010 г.
Отрасли, производящие товары	58,8	59,9
В том числе добыча полезных ископаемых	34,3	33,5
Отрасли, оказывающие услуги	41,2	40,1
В том числе: транспорт и связь	12,6	9,6
торговля	9,1	7,4
финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,1	8,6
образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,9	6,8

Данные табл. 8 свидетельствуют о положительной динамике производства после дефолта августа 1998 г., высоком росте цен производителей и сохранении инфляционного потенциала, о более существенном росте ВРП на душу населения за счет сокращения его численности.

Структура производства ВРП по видам экономической деятельности в Республике Коми примечательна тем, что она отражает ее хозяйственный профиль наиболее ярко, чем другие показатели, а именно: решающую роль сырьевого сектора, главным образом, добычи нефти, и это, пожалуй, не столько результат уровня организации труда и его производительности, сколько динамики цен на мировом и отечественном рынках (табл. 9).

В табл.10 показано производство основных видов продукции с характерными колебаниями по пятилеткам, обусловленными как естественной динамикой добычи полезных ископаемых, так и конъюнктурой рынка. Заметим, что рыночные преобразования привели к весьма существенным изменениям в экономическом статусе регионов России. В годы плановой экономики «чистый продукт» оседал в центре, но и в значительной мере в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью. В то время межрегиональные финансовые взаимоотношения ярко выражали эксплуатацию сырьевых регионов со стороны обрабатывающих. Сейчас ситуация иная: финансовые ресурсы еще в большей мере идут в центр, но и в значительной мере остаются в регионах минерально-сырьевой и топливно-

Таблица 10

Республика Коми: производство основных видов продукции

Виды продукции	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г. в % к	
				2000 г.	2005 г.
Электроэнергия, млн.кВт.ч.	7889	8409	9228	117,0	109,7
Тепловая энергия, млн.Г.кал.	19	20	19	100,0	95,0
Уголь, тыс.т	18402	12936	13600	73,9	105,1
Нефть, включая газовый конденсат, тыс.т	8181	11204	13100	160,1	116,9
Естественный газ, млн.м ³	3851	3467	3300	85,7	95,2
Деловая древесина, тыс.пл.м ³	5746	5115	5232	91,0	102,3
Бумага, тыс.т	460	600	725	157,6	120,8
Фанера клееная, тыс.м ³	175,1	322,0	291,2	166,3	90,4
Плиты ДСП, тыс.усл.м ³	207,5	273,2	306,0	147,5	112,0
Плиты ДВП, млн.усл.м ²	20,8	27,6	17,2	82,7	62,3
Скот и птица на убой, тыс.т	24,1	23,8	28,7	119,1	120,0
Молоко, тыс.т	105,9	78,6	62,3	58,8	79,3
Яйца, млн.шт.	172,8	176,2	167,6	97,0	95,1

энергетической промышленности. Это более справедливо, чем было когда-то.

Но появилась несправедливость другого характера, когда чрезмерно высокий экономический статус получают регионы, концентрирующие учреждения финансово-банковской сферы и «головного» управления крупными компаниями и холдингами. В Республике Коми на одного человека, занятого в операциях с недвижимостью, производится ВРП больше в 1,5 раза, чем в обрабатывающих отраслях промышленности и в 7,2 раза, чем в образовании. Это, конечно, противоречит пониманию общественного значения труда представителей разных профессий и требует реформирования распределительных отношений.

На всех этапах новейшей истории нашей страны в ущербном положении находились (и находятся) сельское и лесное хозяйство и, соответственно, районы данной специализации [Иванов, 2012]. Це-

новая политика такова, что на одного занятого в этих отраслях производится ВРП меньше в три раза, чем в целом по хозяйству республики, в 14 раз, чем в добыче полезных ископаемых и в пять раз по сравнению с операциями с недвижимостью. При такой дискриминации неизбежна деградация производственного потенциала аграрного сектора – земельного, материально-технического, кадрового. Доля местного производства в структуре потребления мяса и мясопродуктов снизилась за период 1990-2006 гг. с 42,9 до 25,9 (2009 г. – 25%), молока и молокопродуктов – с 41,4 до 28,4 (2009 г. – 27%), яиц – с 99,6 до 68,2% (2009 г. – 68%); инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций в экономику республики снизились за период 1990-2010 гг. с 5,7 до 0,2%, посевные площади в хозяйствах всех категорий сократились со 100 до 40,5 тыс.га, поголовье крупного рогатого скота со 173 до 39 тыс.гол., в т.ч. коров с 71,0 до 18, свиней со 136 до 25, оленей со 124 до 81 тыс.гол. Парк тракторов всех марок в сельскохозяйственных организациях уменьшился с 6 778 до 971 ед. Начиная с 1990-х гг. отмечается постоянное опережение роста цен на энергоресурсы, сельхозтехнику, минеральные удобрения, комбикорма и т.д. по сравнению с сельхозпродукцией, сокращение уровня государственной поддержки; 35-40% сельскохозяйственных организаций убыточны. Ценовой диспаритет – одна из основных причин отсталости и лесозаготовительной промышленности, хотя ее экономические характеристики не столь удручающи, как сельского хозяйства. Преодоление указанного дисбаланса явилось бы важным фактором стабилизации социально-экономической ситуации в сельской местности.

Пропорции использования ВРП отражают устойчивые позиции валового накопления и инвестиций в основной капитал, но заметный рост расходов на конечное потребление (табл.11). Это стало возможно за счет снижения вывоза и увеличения ввоза товаров и услуг в республику. Сальдо вывоза и ввоза остается положительным, однако за последние 12 лет оно сократилось в три раза. Основная причина данного процесса – рост зависимости республики от внешнего продовольственного обеспечения.

Организация производства и потребления. Если посмотреть на все показатели статистики, то увидим, что самый высокий рост имеет число юридических лиц. В республике на начало 2005 г. их было 12 927, а на начало 2012 г. – 20 686 (рост 1,6 раза). Такого рода дробность оргструктур однозначно оценить нельзя. Там, где она

Таблица 11

Республика Коми: показатели использования валового регионального продукта, в текущих ценах и процентах

Показатели	2000 г.		2005 г.		2010 г.	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Валовой региональный продукт	59,5	100	171,3	100	352,3	100
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств	28,9	49	105,5	59	185,0	53
В том числе за счет:						
расходов домашних хозяйств	23,8	40	84,8	50	155,6	44
социальных трансфертов в натуральной форме	5,1	9	15,7	9	30,4	9
Валовое накопление основного капитала (включая прирост ценностей)	18,0	30	54,4	32	117,1	33
из него инвестиции в основной капитал	17,1	28	50,4	29	110,0	31
Сальдо вывоза и ввоза	+12,6	21	+11,4	9	+50,2	14

«вписана» в общую производственную систему с развитой схемой субподряда, результат, как правило, в целом положительный, хотя имеются сверхнормативные транзакционные издержки. Последние статистика непосредственно не учитывает, однако их масштаб можно понять из доли «прочих затрат»: в нефтедобывающей промышленности – до 65% в России и 60% в Республике Коми, в газовой, соответственно – до 66 и 10 %. (Региональные нефтедобывающие компании, более самостоятельные в бухгалтерском учете, чем газовые, которые весьма жестко подчинены Газпрому). Отрицательный же результат имеют небольшие предприятия, не связанные технологически и экономически с крупными. Этот недостаток в большей мере присущ лесозаготовкам.

Организация потребления также имеет плюсы и минусы. За последние годы получило развитие индивидуальное предпринима-

тельство, организовано множество малых предприятий, что соответствует общим тенденциям рыночной экономики. Недостатки здесь обусловлены низким уровнем технологичности и качества оказания услуг, их дороговизной (особенно в жилищно-коммунальном хозяйстве) и наличием огромного количества паразитирующих посредников.

Доходы и расходы. Социальная стратификация. В Республике Коми, как и в России в целом, происходит расслоение населения по уровню доходов не на почве роста общественной производительности труда и возвышения потребностей, а в силу разрушения системы мотивации к производительному труду, снижения эффективности производства, стресса и борьбы за физическое выживание одних групп населения, деления сфер экономического влияния и нетрудового обогащения – других.

В уровнях доходов населения в целом положительные сдвиги в республике наблюдаются после 2000 г. (табл. 12).

Реальные душевые денежные доходы максимально увеличились в 2001 г. (126%); средний рост в 2001-2006 гг. (108-109%); снизились в 2008 г., когда начался финансовый кризис (99,1% к предыдущему 2007 г.).

Социальная стратификация населения в определенной мере проявляется и в расходах населения. Их структура примечательна тем, что люди с наименьшими доходами тратят на питание (по данным 2011 г.) 49,8% своих расходов, наибольшими – 25,1%; аналогичные данные о покупке непродовольственных товаров – 17,9 и 50,6 %.

Таблица 12

Республика Коми: индикаторы уровня жизни населения

Показатель	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	16,1	26,3	15,3	16,6
Соотношение с величиной прожиточного минимума среднедушевых денежных доходов, %	260	211	310	292
Коэффициент дифференциации доходов, раз	14,5	14,5	17,4	16,5
Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини)	0,403	0,402	0,427	0,420

В Республике Коми предпринимались попытки сгладить социальные различия законодательным путем, например, через регулирование соотношений в размерах заработной платы или путем нормирования предельных торговых надбавок к цене товара. Но эти попытки практически реализовать не удалось в силу лоббизма со стороны бизнеса, либо несоответствия регионального законодательства федеральному.

Межбюджетные отношения. Как было показано выше, социально-экономическое положение отдельно взятого региона России во многом зависит от норм и правил распределения налоговых и бюджетных полномочий по уровням государственной и муниципальной власти. Пример Республики Коми конкретизирует это положение (табл.13). Выделим следующие позиции:

Таблица 13

Республика Коми: налоги, сборы и иные обязательные платежи, уплаченные в бюджетную систему Российской Федерации, млрд.руб. в текущих ценах

Показатели	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2011 г.
Налоговые платежи *	15,9	60,1	103,4	69,7	107,2
В том числе:					
в консолидированный бюджет республики	9,1	20,6	36,1	34,1	45,2
из него: в бюджеты муниципальных	...	3,0	6,6	6,9	8,8
в федеральный бюджет	6,8	39,5	67,3	35,6	62,0
Доля перечислений в федеральный бюджет, %	42,8	65,7	65,1	51,1	57,8

* без единого социального налога и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

– финансово-экономические отношения между Центром и регионами имеют неустойчивый характер и зависят от многих обстоятельств, например, от финансового кризиса;

– критика в адрес Центра по поводу чрезмерной концентрации финансовых ресурсов в федеральном бюджете нуждается в детализации. Во-первых, по общему итогу, как показывают данные по Республике Коми, централизация не столь значительна и ее можно было бы считать справедливой, если бы бюджет республики был достаточен для поступательного социального развития. Во-вторых,

централизация способствует в лучшей мере преодолевать последствия финансовых кризисов, природных и техногенных катастроф. В-третьих (и здесь надо сказать «однако»), чрезмерная централизация, действительно нуждается в серьезной критике, поскольку она осуществляется главным образом за счет природно-ресурсных налогов и платежей, что не мобилизует регионы на комплексное освоение и использование полезных ископаемых и биологических богатств.²¹ Почти полная централизация налога на добычу полезных ископаемых нарушает принцип равноправия в системе экономического федерализма;

– региональные и местные бюджеты находятся в ущербном положении не только в силу непропорционального распределения налогов, но и потому, что не имеют полного учета и рыночной оценки объектов налогообложения, в том числе земли и имущества.

Оценка финансово-экономического кризиса. Уроки на будущее. Первые признаки кризиса стали появляться в четвертом квартале 2008 г.: «затоваривание» угольных и лесозаготовительных предприятий, обвал цен на нефть до 30 долл. за баррель, недостаточность оборотных средств и сокращение объемов промышленного производства. Однако глубина его падения в республике по итогам 2009 г. оказалась незначительной (98,6%); в России – 89,2%. Кризис более всего проявился в финансовой сфере: сокращении налоговых поступлений, особенно по налогу на прибыль (в 2009 г. по сравнению с 2008 г. – на 25%) и на добычу полезных ископаемых (соответственно, на 44%). Результат – секвестирование бюджета республики в апреле 2009 г. на 6,5 млрд.руб., в сентябре – еще на 1,5 млрд.руб.

Наиболее отрицательно финансово-экономический кризис сказался на социально-экономическом положении городов и районов монопрофильной специализации. Поскольку монопрофильность характерна для Севера по естественным причинам, то именно

²¹ В 1990-х гг. в консолидированных бюджетах субъектов РФ сосредотачивалось от 75-85% всех платежей за пользование природными ресурсами, в 2003 г. эта доля упала до 35, а в 2008 г. – до 20%. В Республике Коми: 2000 г. – 61%, 2009 г. – 6%, 2010 г. – 1%. В суммарных консолидированных бюджетах северных регионов, где добывающая промышленность является профилирующей, доля доходов от использования природных ресурсов составляет от 15 до 1%; в Республике Коми: 2008 г. – 6%, 2009 г. – 3%, 2010 г. – 1%.

ей в оценке кризиса было уделено наибольшее внимание. Авторская позиция здесь заключается в следующем:

– антикризисные мероприятия, активно проводимые всеми органами управления хозяйством республики, по сути, являются экстренной реакцией на уже случившееся финансовое неблагополучие. Но их следовало бы проводить заблаговременно на основе познания природы экономической цикличности и совершенствования нормативного регулирования отношений между корпорациями и территориями с учетом такой цикличности;

– стандартное антикризисное мероприятие – создание дополнительных рабочих мест за счет строительства новых предприятий и расширения существующих производств – в условиях Севера малоэффективно. После кризиса такие предприятия и производства, созданные «на скорую руку», с большей долей вероятности станут неконкурентоспособными. Генеральным направлением является все же оптимизация количества и качества рабочих мест на основе научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и в сфере услуг;

– антикризисную роль играет межрегиональная и – при определенных условиях – межстрановая интеграция. Республика Коми удачно вписывается в экономику Северо-Западного и Уральского федеральных округов, а также Финляндии, Швеции и Норвегии. Общие задачи по освоению природных ресурсов Севера и Арктики, в том числе по проектам Баренц-региона, являются мощным стимулом для ее социально-экономического развития.

Территориальная структура хозяйства. В республике преобладает узловая форма размещения производительных сил: примерно 65% производства и инвестиций сосредоточено в хозяйственных узлах, расположенных вдоль железной дороги, 25% в отдельных центрах-очагах и 10% – линейно – вдоль рек и автомобильных дорог. Поэтому более половины общей площади не охвачено хозяйством и этот факт является необходимой реальностью. Во-первых, в ряде мест нет достаточных экономических предпосылок для расселения населения, во-вторых, значительная часть территории «оформлена» в виде охраняемых природных территорий. Ещё раз подчеркнём, что экологическая функция для республики является одной из основных.

Сформировались очаги хозяйственной деятельности под влиянием определенных производств и их тяготения к ведущим

центрам. К ним относятся: Воркута-Интинский (уголь), Печоро-Усинский (нефть и р. Печора как транспортный путь), Ухта-Сосногорский (газ, транспорт нефти и газа, горнорудная промышленность) и Сыктывкарский (лес и лесопереработка, АПК, автотранспорт, административные функции). В указанных внутриреспубликанских районах выделены зоны опережающего развития, функционально- планировочные коридоры и особо охраняемые природные территории, что во взаимоувязке показывает планировочный состав Республики Коми (рис. 4).

Население каждого из них тесно связано с условиями развития указанных отраслей, их экономическим статусом и корпоративной политикой. Это же в значительной мере предопределяет расслоение районов по величине финансового дохода, уровню жизни, характеру миграции и т.д. Велика социально-экономическая дифференциация и внутри указанных районов, что предопределено их хозяйственным профилем и характером расселения населения [Потенциал..., 2008]. Положение указанных четырех внутриреспубликанских районов в общей структуре хозяйства отражено в табл. 14.

Таблица 14

Республика Коми: распределение численности населения и занятых в отраслях хозяйства по внутриреспубликанским экономическим районам, %

Внутриреспубликанские районы	Население			Занятые		
	2001 г.	2006 г.	2012 г.	2001 г.	2006 г.	2012 г.
Воркута-Интинский	18,4	16,9	14,0	19,2	15,4	13,0
Печоро-Усинский	15,3	15,4	15,5	15,4	15,6	16,0
Ухта-Сосногорский	24,0	24,2	22,0	23,5	24,3	22,1
Сыктывкарский	42,3	43,5	48,5	41,9	44,7	48,9

Вполне естественно, что динамика территориальной структуры хозяйства республики на фоне общих социально-экономических процессов показывает разную степень проблемности угольной промышленности в арктической зоне, нефтегазового комплекса в зонах лесотундры и крайней северной тайги, переработки полезных ископаемых в северо-таежной зоне, сельского хозяйства, лесозаготовок и деревообработки освоенных таежных, в том числе южно-таежных, территорий.

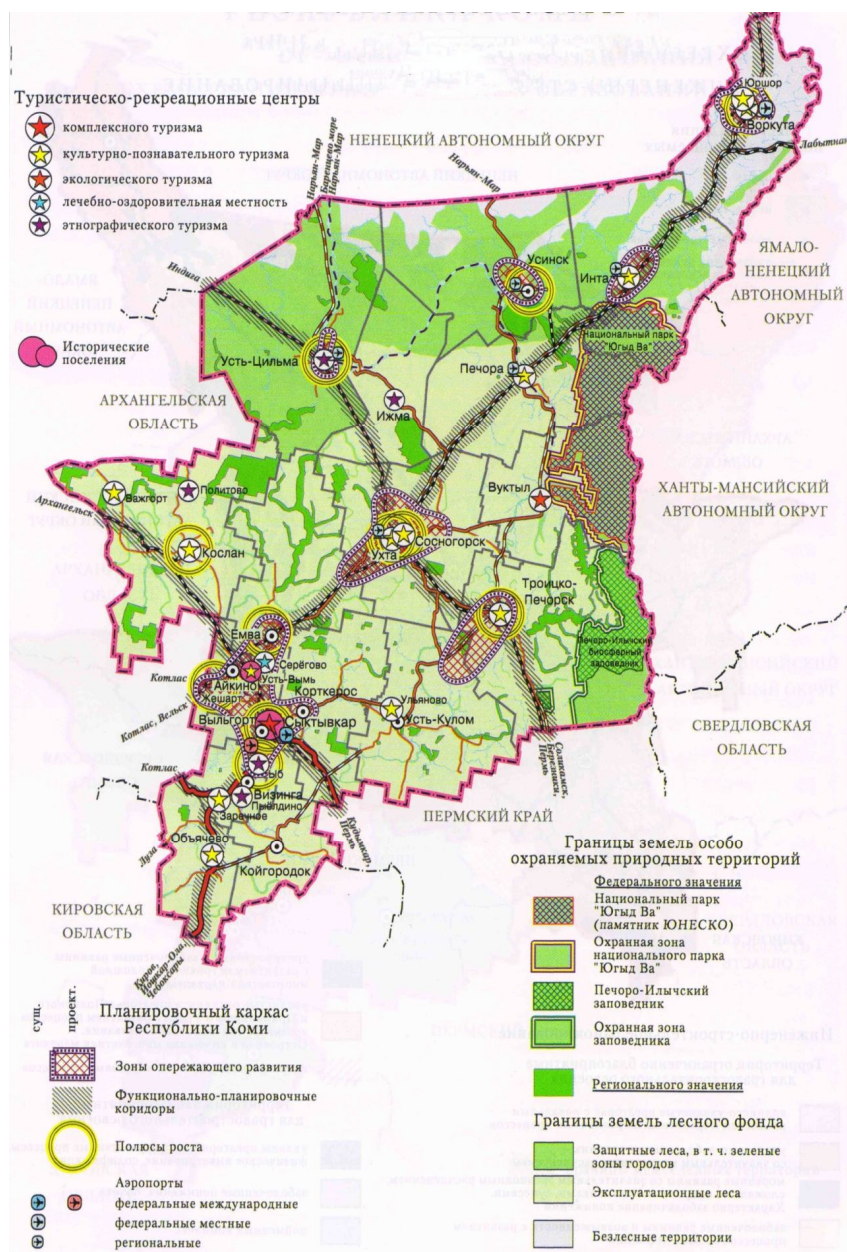

Рис.4. Республика Коми: Схема территориального планирования. Проектный план [Территориальное планирование..., 2009].

Главное в формировании территориальной структуры хозяйства республики заключается в своевременной реакции на научно-технические достижения и использовании их для оптимизации размещения производства. Хозяйство северных и особенно арктических территорий должно отличаться повышенной наукоёмкостью с учётом того факта, что технологии по добыче и переработке сырья все в большей мере основываются на прогрессивных научно-технических достижениях в области электроники, механики, химии, микробиологии и других отраслей. Развитие территорий с экстремальным и сложным климатом выражается не столько в численности населения и трудовых ресурсов, темпах роста ВРП, сколько в активной работе по освоению и использованию новых знаний, генерации прогрессивных технологий.

На Севере, в том числе и Республике Коми, особое внимание следует обратить на поиск новых технологических методов разведки месторождений полезных ископаемых, их максимального извлечения и комплексного использования, обеспечение экологической безопасности освоения ресурсов, производство морозостойких полимерных композиционных материалов, проектирование машин и механизмов, конструкций и сооружений, пригодных к эксплуатации в сложных и экстремальных природных условиях, разработку новых технологий строительства дорог, ледовых переправ и зимников.

Проблемность оптимизации территориальной структуры хозяйства заключается не только в разной реакции на научно-технические достижения и внешние экономические обстоятельства, но и в мере внутренней готовности (или неготовности) вывода северных и арктических регионов на путь естественноисторического развития. Дело в том, что в истории освоения природных ресурсов Крайнего Севера было чрезмерно много лишнего и бесчеловечного (например, ГУЛАГ). Избавление от прошлого негатива – дело болезненное. Ситуация будет более социально справедливой, если сокращение населения и производства в районах Крайнего Севера сопровождать существенным повышением благоустройства оставшихся здесь жить и работать.

Территориальный фактор особенно заметен в организации социального сервиса. Конфигурация расселения населения предопределяет характер функционирования учреждений здравоохранения, образования, культуры [Дмитриева, Бурьян, 2011].

Общие вопросы оптимизации территориально-хозяйственной структуры Севера мы рассмотрели в разделе «областной район» потому, что центральная роль в координации усилий в данном направлении принадлежит региональным правительствам. Но исполнение именно этой роли более всего наталкивается на организационные и финансовые препятствия.

Крупный экономический район. Пример Двино-Печорского района²²

Крупный экономический район (КЭР) – опорное образование в территориальной структуре народного хозяйства страны, плацдарм реализации государственной политики в области размещения производительных сил и реализации национальных проектов рационального природопользования и охраны окружающей среды.

КЭР является весьма сложным для понимания и практического восприятия районом. Здесь опасны крайности. С одной стороны, имеется тенденция придать КЭР статус административно-территориального образования с полным набором законодательных, исполнительных и судебных структур, т.е. нового субъекта Федерации в виде губернии, края или земли. Для этого есть определённые исторические предпосылки, связанные с районированием России по плану ГОЭРЛО – 1920 гг.²³ Но при этом возникает опасность чрезмерной суверенизации экономически и политически самодостаточных районов и раскола страны.²⁴ С другой стороны, неудовлетвори-

²² В основу данного раздела положена наша статья, написанная для монографии по проблемам устойчивого развития России и её регионов по приглашению Г.В. Сдаюк [*Лажнецов, 2012*]. Автор благодарен Галине Васильевне за предоставленную возможность участвовать в коллективном исследовании по столь актуальной теме.

²³ В то время КЭР рассматривался как хозяйственно самостоятельная, по возможности экономически законченная (но не замкнутая) целостная система, опорная база для создания новых (по отношению к капиталистическим), высших форм организации общественного труда, мощное звено народного хозяйства. По замыслу, такой район должен иметь внутреннее единство, обусловленное не отдельными аспектами жизни людей, а всей совокупностью движущих сил общественного прогресса. Были предприняты попытки организовать КЭР в качестве административно-территориальной единицы социалистического государства. Именно такого рода территориальная организация общества представлялась одним из существенных преимуществ социализма.

²⁴ Такая опасность в своё время была, например, у Франции. Во избежание сепаратизма со стороны Бургундии, Лотарингии, Аквитании, Эльзаса и других исторических областей Франция была разделена на 96 территориальных департаментов. Однако почти вслед за этим актом стали предприниматься шаги по совершенствованию

тельной считается ситуация, когда КЭР рассматриваются только лишь как единицы статистической отчётности, без адресной относительно государственного управления. Именно такое ущербное положение позволило как бы незаметно исключить КЭР из статистики, поставив на их место федеральные округа. Когда-то актуальный вопрос о соотношении крупных экономических районов и федеральных округов (по умолчанию) был снят с «повестки дня», что не снимает саму проблему территориального устройства страны. Между тем, КЭР в природно-экономическом отношении являются практически необходимыми районами. На это указывает пример Восточной Сибири, которую ещё в 1960-х гг. В.А. Кротов определял по признаку особого типа хозяйства, характерного для Красноярского края, Хакасии, Тувы, Иркутской области, Бурятии, Читинской области и Якутии. И в настоящее время при решении комплексных проблем природопользования в связи с условиями жизни населения указанный состав Восточной Сибири рассматривается как вполне естественный [Башалханова и др., 2012].

Современное территориальное устройство России можно характеризовать как проблемное, т.е. во многих отношениях неудовлетворительное. Это заметно выражается в сомнениях общества и науки относительно границ и функций федеральных округов, политического статуса некоторых субъектов Российской Федерации в качестве республик (республики в республике как государство в государстве), а автономных округов – в качестве субъектов федерации. ***В целом экономическое районирование России не соответствует оптимальной иерархии государственного управления.*** Еще более отрицательное значение имеет низкое качество самого пространства жизнедеятельности:

- диспропорции в размещении производства и, соответственно, рабочих мест;
- внутренняя экономическая дезинтеграция и угроза раскола территории страны на части, каждая из которых может стать в большей мере межстрановой и в меньшей – внутрироссийской;
- усиливающийся разрыв между городом и деревней;

ванию территориального планирования и многочисленные департаменты стали принуждаться к взаимному сотрудничеству в рамках 22 районов экономической активности. Надо принять во внимание и движение в сторону государственной самостоятельности на этнической основе, например, в Канаде, Испании, Великобритании и некоторых других странах.

– чрезмерная концентрация капитала и интеллектуальных ресурсов в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных мегаполисах и центрах в ущерб периферии.²⁵

На данную тему написаны фундаментальные научные труды и сделано немало политических заявлений. Однако необходимость совершенствования интеграционного районирования нашей страны с учетом природных, хозяйственных, социальных и этнокультурных факторов ее стратегического развития все еще официально не признана. Хотя уместно вспомнить ремарку академика А.Г. Гранберга о заинтересованной реакции В.В.Путина на проблемы пространственной организации Российской Федерации, рассмотренные на заседании Совета по науке, образованию и новым технологиям 30 ноября 2007 г. и о поручении Правительству РФ расширить исследования по фундаментальным проблемам территориального планирования и определению границ макрорегионов с учетом особенностей и перспектив развития отдельных территорий (Гранберг, 2009).

Представляется, что суть вопроса заключается не в том, чтобы выявить уникальные свойства конкретных местностей (хотя это тоже важно), а в понимании общих закономерностей районирования и установлении соответствия территориально-ресурсной ёмкости районов стратегическим планам устойчивого научно-технологического и социально-экономического развития России.

Наиболее сложным объектом для интегрального районирования является Север, что вовсе не связано с определением его южной границы, как это представлено во многих экономико-географических исследованиях по северной тематике. Сложность определяется разнохарактерностью северных проблем.

С одной стороны, Север является единым объектом государственной политики и научных исследований, поскольку имеет мировое значение в решении фундаментальных проблем развития Земли, в первую очередь, в части климата, геотектоники, гидрологии, ионосферы и магнетизма и, конечно, – природных ресурсов и

²⁵Банковский сектор экономики оказывает влияние на территориальное развитие через взаимодействие двух пар агентов: первая (московская) – «головной офис корпорации – головной банк её обслуживания»; вторая (местная) – «региональный офис дочерней структуры той же корпорации – филиал того же банка». Так, в Республике Коми лишь три самостоятельных банка и 27 филиалов (2012 г.). Именно последние и выполняют функцию «насоса». Как бы ни были высоки доходы, получаемые внутри регионов Севера, их правительства вынуждены проводить напряжённую работу по привлечению инвестиций из внешних источников.

экологии. Север – родина специфических этнокультурных образований, территория с особыми производственными и социальными технологиями, энергоэкономическими и физиологическими параметрами жизнедеятельности. Север в целом – это плацдарм получения ресурсов, новых знаний о Природе, приобретения опыта преодоления трудностей и экстремальных ситуаций; полигон испытаний техники и технологий, установления меры адаптации живых организмов и растений к суровым климатическим условиям. Но главное, Российский Север – это коренная земля россиян, среди которых особо выделяются малочисленные народы.

С другой стороны, Север разнообразен, особенно в части организации управления. С точки зрения теории районообразования он не является и в принципе не может быть системой. Только в рамках отдельных северов, оформленных в виде административно-территориальных единиц, зарождается определенная организованность, включающая самостоятельность, полномочия, субординацию, формальные и неформальные правила деятельности и другие нормы. Научное же содействие федеральному управлению социально-экономическими процессами на Севере заключается в создании *искусственной системности*; целенаправленная экономико-географическая упорядоченность здесь возможна. С этой целью автор показал специфику социального и экономического анализа северного пространства в трех географических проекциях: циркумполярной, широтной и меридиональной. Первая связана с проблематикой малочисленных народов Севера и международным сотрудничеством в области освоения ресурсов арктических морей и охраны окружающей среды; вторая – с нормативной оценкой социальных и экономических процессов в Арктике, Дальнем, Среднем и Ближнем Севере; третья – с усилением экономических связей по линии «Юг ↔ Север» и формированием внутрисоссийского рынка с учетом его приоритета над внешними рынками (Лаженцев, 2010 а).

Циркумполярная проекция в определенной мере выгодно представляет позиции России в мировой зоне Арктики в части территории (34,1%), населения (48,9%) и объема валового продукта (66,7%). [Доклад о развитии..., 2007, с.27,70]. Ранее мы показали, что если полезные ископаемые континентального Севера нуждаются в более полной привязке к национальной экономике ради формирования полноценного общероссийского рынка [Лаженцев, 2007а], то за этим должно следовать смещение внешних экономических

связей энергетического и сырьевого секторов хозяйства России в сторону Арктики. Здесь природные условия столь сложны, а запасы ресурсов столь огромны, что непременно требуется широкая международная кооперация, но с мобилизацией российского научно-технического потенциала и с установлением правового и экономического порядка, защищающего интересы нашей страны. Такая трактовка ситуации не случайна, поскольку геополитические противоречия относительно использования ресурсов Северного Ледовитого океана зафиксированы со всеми странами, прилегающими к Арктике [*Север и Арктика...*, 2010]. Обратим также внимание на оригинальную трактовку Арктики как нового центра сотрудничества человечества, включая малочисленные народы. А.Н. Пилясов полагает, что вокруг Северного Ледовитого океана, как когда-то вокруг Средиземного моря, сформируется мировая кооперативность с общими чертами экономического поведения [*Пилясов*, 2010].

Широтная проекция наиболее конструктивна в части установления нормативов регулирования экономического и социального развития регионов Севера [*Районирование...*, 1993; *Лаженцев*, 2010 б]. Именно через нормативы фиксируется неудовлетворительное состояние социумов малочисленных народов и сложности в организации экспедиционного, вахтового и районного методов освоения ресурсов Арктики и Дальнего Севера. Если «широтную проекцию» рассматривать концептуально как один из основных параметров организации пространства, то нельзя не отметить большое значение географической экспертизы нормативного хозяйства.

Меридиональная проекция фиксирует производственно-технологические и социально-экономические взаимосвязи по линии «Север–Юг». На экономической карте России весьма четко прослеживается огромная роль в организации ее пространства пересечений широтных железнодорожных и автомобильных магистралей с крупными реками меридионального направления, северными и тихоокеанскими морскими путями. В местах пересечений выгодно размещать предприятия не только общероссийского значения, но и специально ориентированные на освоение Севера. Интеграция в рамках меридиональных мегаструктур в какой-то мере является противовесом расколу пространства России и распределению ее отдельных частей по мировым политико-экономическим блокам [*Лаженцев*, 2010 а].

Укрепление интеграции по линии «Север–Юг» является предметом общей государственной политики, в том числе четырех

федеральных округов: Северо-Западного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного. В каждом из них северные территории представлены весьма значимо, особенно в части площади и валового регионального продукта (табл.15).

Вместе с тем, миссия федерально-окружного управления относительно развития северных территорий выполняется весьма скромно, ограничиваясь контролем за исполнением указов и постановлений центральной власти и в незначительном объеме формированием специальных целевых программ.

Таблица 15

Север в территориально-хозяйственной структуре России и ее федеральных округов (расчетно)*

РФ и федеральные округа	Территория		Население, по переписи 2010 г.		ВРП (2009 г.)	
	млн. кв.км	%	тыс. чел.	%	млрд. руб.	%
Российская Федерация	17,10	100,0	142905	100,0	32072,5	100,0
В том числе Север	10,7	62,6	9651	6,75	5026,4	15,6
Северо-Западный ФО	1,69	100,0	13584	100,0	3405,6	100,0
В том числе Север	1,33	78,7	3571	26,3	932,4	27,4
Уральский ФО	1,82	100,0	12083	100,0	4396,5	100,0
В том числе Север	1,50	82,4	2480	20,5	2754,0	62,6
Сибирский ФО	5,15	100,0	19254	100,0	3390,2	100,0
В том числе Север	2,44	47,4	1100	5,7	390,0	11,5
Дальневосточный ФО	6,17	100,0	6292	100,0	1730,9	100,0
В том числе Север	5,25	85,1	2500	39,7	950,0	54,9

* Районы Крайнего Севера и местности, к ним приравненные

Как видим, искусственная системность в региональной политике может играть важную роль, особенно в части экономико-географического анализа. И все же, в основе организации социально-экономических связей и отношений лежат реальные территориально-хозяйственные системы (ТХС).

Специфика Севера заключается в том, что ни одна реальная ТХС здесь не достигает уровня «модели ПТК», «регионального стандарта» или «идеального образа». На это указывают не только научные обзоры индустрии, выполненные в свое время Н.Н. Коло-

совским, С.В. Славиним, Г.А. Агранатом и другими авторами, но и современные сведения и многочисленные очерки об условиях хозяйственной деятельности на Севере. Весь набор структурных элементов хозяйства «идеального крупного района» должен бы вместиться на площади, примерно, 200-300 тыс. кв. км с населением 4-6 млн. чел. Для Севера же характерны очаговость и дисперсность размещения производства и расселения населения, исключение определенной территории из нормативных условий жизнедеятельности, ее выпадение из-за недостаточности территориального капитала из социально-экономических связей и процессов регионального развития и межрегиональной интеграции [Дмитриева, 2009].

Северное градостроительство ориентируется на специальный пространственный норматив – *радиус доступности*: локального центра – 100-140 км, базового центра – 200-250 км, опорного центра – 700-800 км [Северный город, 1984]. Площадь социально-экономической деятельности вокруг опорного центра в таком случае составит 2 млн. кв. км с населением от 1,5 до 3 млн. чел.

Европейский Север отличается от Азиатского более благоприятным климатом и сравнительно выгодным экономико-географическим положением. Здесь полоса выборочного освоения земель отдельными ареалами гораздо уже, а опора на постоянно живущее население существенно прочнее. Поэтому поиск КЭР в качестве макроединицы народного хозяйства страны на Европейском Севере нам представляется правомерным.

Двино-Печорский район: признаки единства территории и хозяйства. Он традиционно рассматривается в границах Вологодской области, Архангельской области вместе с Ненецким автономным округом и Республики Коми (табл. 16).

Северность Двино-Печорского региона на фоне общих показателей проявляется в относительно большой территории, в более низкой в составе страны доле населения, как городского, так и сельского, и примерно равной этой доле в объеме валового регионального продукта (ВРП). Такое равенство достигается за счет производства дорогих товаров – нефти, газа, угля, минерального сырья, но также и за счет товаров перерабатывающей и обрабатывающей промышленности – целлюлозы, бумаги, фанеры, черных металлов, химической продукции, шарикоподшипников, оптических приборов, подводных лодок и платформ для бурения в шельфовой зоне Северного Ледовитого океана и др. (рис. 5 и 6).

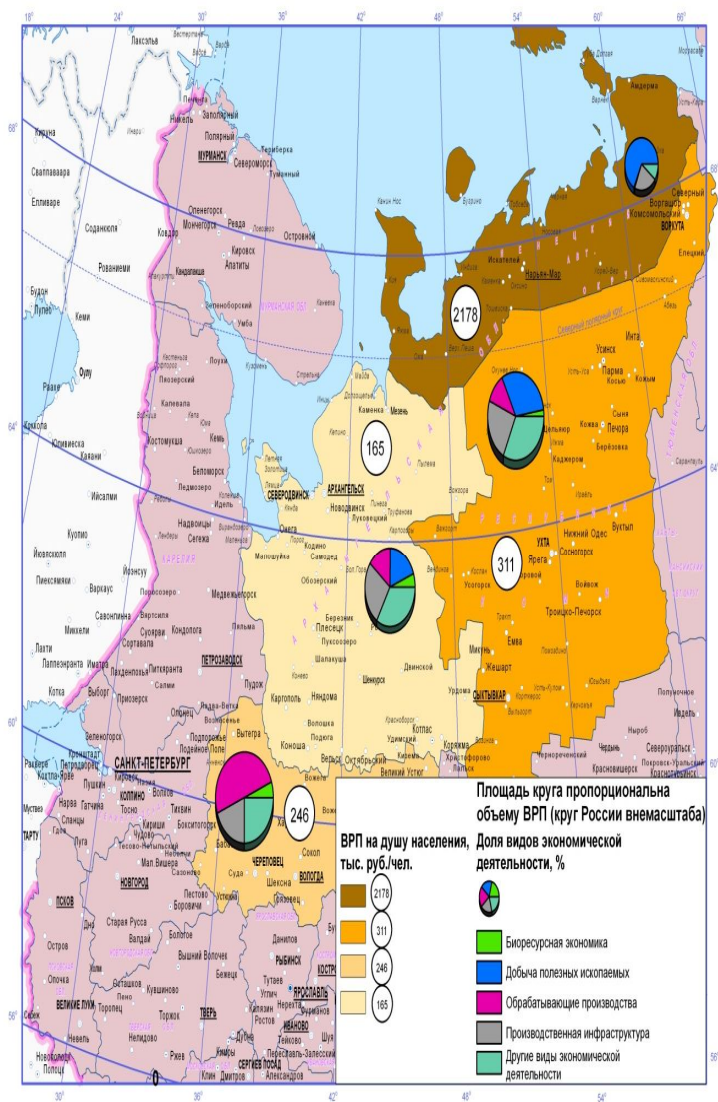

Рис. 5. Двино-Печорский регион: объем и структура производства валового регионального продукта, 2008 г.

Таблица 16

Двино-Печорский район: территория, население и объем ВРП

Административно-территориальные единицы	Территория, тыс. кв. км	Население, * тыс. чел.			ВРП, 2008г., млрд.руб. **
		всего	городское	сельское	
Вологодская область	144,5	1202,3	849,7	352,6	298,1
Архангельская область	589,9	1228,1	928,9	299,2	298,1
В том числе:					
Архангельская область без Ненецкого АО	413,1	1185,4	900,2	285,2	206,6
Ненецкий АО	176,8	42,7	28,7	14,0	91,5
Республика Коми	416,8	901,6	693,9	207,7	295,6
Итого по Двино-Печорскому региону	1 151,2	3 332,0	2 472,5	859,5	891,8
Россия	17 098,2	142 905,2	105 318,0	37 587,2	34 320,0
Доля Двино-Печорского региона в России, %	6,73	2,33	2,35	2,29	2,60

* по переписи населения 2010 г.

** Показан 2008 г., поскольку в последующие два года производство ВРП из-за финансового кризиса снизилось и не стало отражать характерный для района объём экономической деятельности.

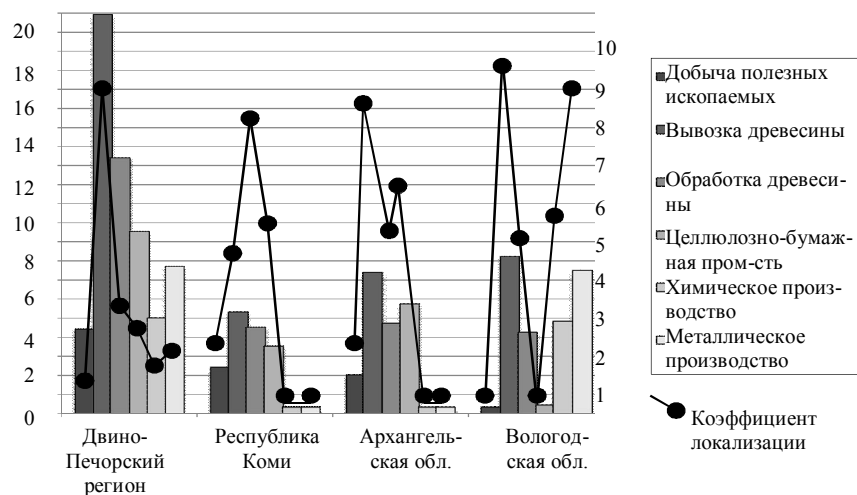

Рис. 6. Двино-Печорский регион в общероссийском производстве (2009 г.).

Левая шкала – проценты; правая – коэффициент локализации относительно численности населения (в размах).

На Европейском Севере четко различаются две части: Карело-Кольская и Двино-Печорская. Характерные черты первой: Балтийский щит, сжатое пространство мирового водораздела, обилие озер и «гидроэнергетических» малых рек, незамерзающее побережье Баренцева моря, рудные и нерудные полезные ископаемые, пограничное положение и скандинаво-финская идентичность. Территория второй – это северо-восток Восточно-Европейской равнины (в геологическом плане – Русской платформы) с более активной тектоникой и минералообразованием, полноводные реки, используемые как транспортные артерии и источники рыболовства, ландшафтное разнообразие тайги и тундры, протяженный по всей южной границе региона мировой водораздел, поморская идентичность Русского Севера.

На большей части территории Двино-Печорского района климат умеренно-континентальный с продолжительной зимой и коротким прохладным летом. На крайних северных точках континентальной территории средняя температура января от -20 до -25°C , южных – $-17-18^{\circ}\text{C}$, июля, соответственно, $+12-15^{\circ}$ и $16-18^{\circ}\text{C}$. Период дискомфорта (ограниченной или запрещенной работы на открытом воздухе), по нашим расчетам, составляет от 25 до 118 дней в году для человека и от 20 до 128 дней для техники; удорожание строительства в сравнении с Московской областью оценивается по освоенной трассе Котлас–Воркута от 1,4 до 2,0, по периферии 1,5-2,5 раза.

Геологический потенциал северо-востока Русской платформы в пять-шесть раз выше, чем ее остальных частей. Это проявляется в наличии крупных минерально-сырьевых баз угольной, нефтяной, газовой и горнорудной промышленности. Общероссийское значение имеют Печорский угольный бассейн, Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция, Тимано-Уральский горнорудный регион, Беломорская алмазоносная провинция, Северо-Онежский горнорудный (бокситовый) узел.

Биоклиматический потенциал, рассчитанный нами по специальным формулам с учетом коэффициента биологической продуктивности, колеблется от 0,08 – арктическая зона, 1,5 – зона средней тайги, 1,68 – зона южной тайги, до 1,85 – зона смешанных лесов (в среднем по России – 1,9). Подчеркнем, что если по меридиану Воркута–Астрахань пик биоклиматического потенциала для земледелия «находится» в Татарии, то для лесного хозяйства – в южной части

Республики Коми и Архангельской области, которые остались одними из немногих лесоизбыточных районов России.²⁶

В формировании свойств и качеств системности рассматриваемой территории особую роль играют реки. Печора, Северная Двина, Мезень, Онега с их притоками (реками второго и третьего порядка) имеют как бы единый бассейн, лишь слегка разделенными водоразделами. Они в равной мере определяют конфигурацию расселения населения, роль судоходства и водоснабжения, североарктический вектор хозяйственного освоения территории, экологические параметры охраны окружающей среды (табл.17, 18).

Таблица 17

Характеристика бассейнов рек Двино-Печорского региона

Основные реки	Длина, км	Площадь водосбора, тыс.км ²	Судоходство, км
Печора	1 790	327,0	1 555
В том числе			
Уса	565	93,6	500
Ижма	510	32,6	320 (весной)
Северная Двина	730*	360,0	730
	(1290**; 1860)***		
В том числе	560	50,5	560
Сухона			
Вычегда	1130	121,0	1050
Мезень	910	76,5	300 (весной)
Онега	416	57,6	60 (на трех плесах)

*От слияния Сухоны и Юга до Двинской губы Белого моря

**Северная Двина с Сухоней

***Северная Двина с Вычегдой

²⁶ О методике и результатах расчетов физиологического, геологического и биоклиматического потенциалов см. (Лажнецов, Дмитриева, 1986; Лажнецов, 1990; Лажнецов, 2007,б). Проекция указанных потенциалов на физико-географические провинции Восточно-Европейской равнины и Урала позволила количественно оценить природно-экологическую ситуацию в 23 провинциях. Наши расчеты природных и природно-ресурсных потенциалов можно рассматривать в виде дополнения к такому классическому исследованию, как [Север европейской части СССР, 1966], который до сих пор остается непревзойденным по теоретическому уровню и практическому значению.

Таблица 18

Численность населения бассейнов рек Двино-Печорского региона, тыс. чел., 2009-2010 гг.

Основные реки	Вологодская область	Архангельская область	Республика Коми	Всего по Двино-Печорскому региону
Печора (без Усы и Ижмы)	-	31,0	66,0	97,0
Уса	-	-	182,7	182,7
Ижма	-	-	188,0	188,0
Северная Двина без Сухоны и Вычегды)	30,0	991,4	-	1021,4
Сухоны	607,0	-	21,0	628,0
Вычегда с Сысолой и Вымью		56,7	423,3	480,0
Мезень	-	51,6	20,6	72,2
Онега	-	108,7	-	108,7
Волго-Балтийский водный путь в районе г.Череповца	576,6	-	-	576,6
Морские острова и бассейны арктических малых рек	-	15,0	-	15,0
Итого	1 213,6	1 254,4	901,6	3 369,6

С развитием наземной сети дорог значение рек при правильной организации перевозок пассажиров и грузов не должно было бы снизиться. Однако ситуация последних 20 лет относительно содержания рек в гидрографическом порядке удручающая. Вместе с ут-

рированной рыночной экономикой реки вышли из-под контроля человека; отсутствие речных мелиораций, дноуглубительных работ, обустройства берегов привело к значительному ухудшению режима водотоков: более разрушительными стали половодья, увеличилось число меандр и затонов, «затянуло» фарватер, возникли непроходимые судами с 50-80 см погружением барьеры в устьях притоков. Даже на Печоре сквозное судоходство стало весьма затруднительным. Вполне понятно, что такое положение снизило уровень и качество жизни большого числа людей, которые ранее считали свою деятельность именно как речную. Весенне-летний завоз «в глубинку» стал возможен только на маломерных судах, а поэтому его цена возросла в 1,5-2 раза.

Дело не только в экономике, но и в социально-культурном аспекте жизнедеятельности. Если можно так сказать, – снизился уровень идентичности родных мест. Кроме того, организация туризма без надежного речного транспорта стала весьма проблемной. Каждая река имеет свои особенности в организации хозяйства и в этом смысле география распределения населения по речным бассейнам является весьма показательной с точки зрения решения проблем устойчивого территориального развития.

Архангельскую и Вологодскую области, Республику Коми объединяет также общая забота о сохранении и воспроизводстве северо-таежных (бореальных) лесов. «Бореальные леса Европы представляют собой огромную лесоболотную систему, играющую основную роль в процессах водосбора и регуляции режима многих рек на Европейском Севере, таких, как Кола, Поной, Северная Двина, Онега, Мезень, Печора и др. ... Пояс бореальных лесов образует мощную форпостную зону между Субарктикой и лесами умеренных широт. Эта зона обогащает проходящие над ней атмосферные потоки кислородом и биологически активными веществами, является территорией глобального стока углерода. Здесь проходят крайне важные для Европы биосферные процессы обмена энергией, во многом определяющие климат большей части континента» [Козубов, Таскаев, 2005, с.39]. Сказанное относится и к другим многолесным регионам северных широт, но Двино-Печорский регион играет в указанной системе ключевую роль (табл.19).

Единство интересов обуславливается к тому же районированием лесосырьевых баз, когда леса юга Архангельской области частично осваиваются для предприятий деревообработки Вологодской

Таблица 19

Европейский Север: сведения о бореальных лесах

Регионы, страны	Лесопокрытая площадь, млн. га				Общий запас древесины, млн.м ³
	всего	хвойными лесами	На одного жителя, га		
			всего	хвойные леса	
Двино-Печорский регион	62,7	45,1	18,83	13,54	7 277
Карело-Кольский регион	14,6	11,4	10,13	7,91	1 206
Для сравнения:					
Норвегия	8,9	6,1	1,78	1,22	621
Швеция	23,5	19,9	2,47	2,09	2 900
Финляндия	20,00	16,0	3,92	3,14	1 773

Источники для расчета: (*Лесной комплекс*, 2008; *Козубов, Таскаев*, 2005).

области; в свою очередь к предприятиям целлюлозно-бумажной промышленности Архангельской области прикреплен западная часть лесной территории Республики Коми.

Много общего у Архангельской области, особенно Ненецкого автономного округа, и Республики Коми в распределении оленьих пастбищ в тундре и лесотундре с учетом сезонной миграции оленей через административные границы указанных субъектов Российской Федерации. Тундровое хозяйство Европейского Севера тесно соподчинено с деятельностью Союза оленеводов России, созданного в 1995 г., а на международном уровне – с Ассоциацией «Оленеводы мира». Сотрудничество в рамках договорных отношений между субъектами РФ, российскими и международными организациями в части оленеводства в настоящее время весьма актуальны. Необходимо преодолеть депрессию этой отрасли хозяйства и найти новые формы ее организации с учетом исторических традиций [*Устойчивое оленеводство...*, 2002].

В границах Двино-Печорского района предстоит создать единую систему топливно-энергетического хозяйства с опорой на Печорский угольный бассейн, Тимано-Печорскую нефтегазоносную провинцию, общую электроэнергетическую сеть, транзитный и распределительный трубопроводный транспорт. То же относится и к дорогам. Значительным достижением последних лет является строи-

тельство автодороги с твердым покрытием Сыктывкар–Котлас; предстоящие стройки – автодорога Усинск – Нарьян-Мар; железная дорога Архангельск – Сыктывкар – Соликамск («Белкомур»), а в дальней перспективе – железная дорога Индига – Сосногорск с выходом через Троицко-Печорск на проектируемую Северо-Сибирскую магистраль.

Экономическое взаимодействие по линии «Север↔Юг» в Двино-Печорском районе обусловлено аграрной и машиностроительной специализацией Вологодской области и необходимостью усиления данной специализации с учетом потребностей северных соседей. Усиливается интерес к взаимосвязям в части развития пищевой промышленности. Дело в том, что молоко и мясо вологодских производителей «перехватывают» московские предприятия; молоко- и мясоперерабатывающие заводы самой Вологодской области зачастую испытывают нехватку сырья. Эти заводы хорошо оснащены технологически и имеют квалифицированные кадры. Они могли бы эффективно работать при условии дополнительного завоза сырья из южных районов Архангельской области.

Особо внимательно и политически грамотно следует рассматривать вопрос об административно-территориальном объединении под названием, например, «Двино-Печорский край». Здесь мы имеем весьма существенную историческую подоплеку. Начиная с XIII в., со стороны Великого Новгорода, а затем Москвы территория к северу от Вологды рассматривалась как нечто одинаковое: Заволочье, Биармия, Поморье и под другими именами. Позднее (с развитием Архангельска и Вологды) началось административное деление этой большой территории, но так, что слабоосвоенная земля зырян (коми) примерно поровну включалась в Архангельскую, Вологодскую и немного в Северо-Двинскую губернии.

После Октябрьской революции была оформлена Северная область (Союз коммун Северной области) с включением в нее Петроградской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний. На первом съезде Советов Северной области в апреле 1918 г. ее создали, а на третьем в феврале 1919 г. – упразднили. В 1918-1922 гг. была установлена такая форма реализации плана ГОЭЛРО и НЭПа, как Экономические областные совещания (Облэконосы). Облэконосы впервые соответствовало Двино-Печорскому району в рассматриваемых нами границах. Она (комиссия) согласовывала планы развития Во-

логодской, Северо-Двинской и Архангельской губерний. В эти же годы изучался вопрос о более жестком их административном слиянии в одну Северную область с внутренними округами [*Северная область*, 1922]. Такого рода поиски оптимальной административно-территориальной единицы завершились созданием 14 января 1929 г. Северного края, включая и Коми автономную область, и Ненецкий национальный округ. В 1936 г. край преобразован в Северную область (уже без Коми), 23 сентября 1937 г. разделен на Архангельскую и Вологодскую области.

К вопросу о воссоздании Северного (Двино-Печорского) края плановые органы СССР и научные работники возвращались неоднократно в связи с проектированием Северной угольно-металлургической базы, созданием мощного лесопромышленно-экспортного комплекса (золотовалютного цеха страны), формированием Двино-Печорского ТПК [*Проблемы формирования...*, 1974]. И в настоящее время группировка «Архангельская область с Ненецким АО, Вологодская область и Республика Коми» рассматривается как оптимальная в системе территориально-экономического моделирования и балансовых расчетов [*Оптимизация...*, 2010].

В согласованном развитии Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми заинтересованы такие хозяйствующие субъекты, как Управление Северной железной дороги (г. Ярославль), ОАО «Белкомур» (г. Сыктывкар), Вологодская лесоустроительная организация «Северный филиал государственной инвентаризации лесов Федерального государственного унитарного предприятия «Рослесинфорст»», Двино-Печорское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов (г. Архангельск), Архангельский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, почти все нефтегазодобывающие и геологоразведочные организации, работающие на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе.

Значительная роль в координации стратегий и программ социально-экономического развития отводится региональным правительствам и «смежным» муниципалитетам. Однако заметим, что эта роль реализуется пока вяло, ограничиваясь договорами о сотрудничестве, без создания общих институтов инвестирования и проведения крупных хозяйственных мероприятий.

Северный облик Двино-Печорского района. Сложные и экстремальные природные условия влияют на качество жизни северян

и результаты хозяйственной деятельности. Их оценка необходима для компенсации дополнительных издержек по обеспечению жизнедеятельности и хозяйствования. Для этого выделяются широтные зоны дискомфорта: Арктика (абсолютно дискомфортная), Субарктика (экстремально дискомфортная), Приравненная к Крайнему Северу (дискомфортная, умеренно неблагоприятная), Приравненная к Северу (относительно дискомфортная, относительно благоприятная) [*Районирование...*, 1993]. Нам представляется целесообразным северные зоны обозначить названиями: Арктика, Дальний Север, Средний Север и Ближний Север. Когда речь идет о политике переселения населения, размещении опорных баз освоения северных и арктических территорий, то желательно фиксировать Предсеверные регионы, как удобные для реализации отмеченных направлений.

Конкретные измерения северности относятся к ускоренной амортизации основных фондов, сезонным запасам товаров и соответствующему кредитованию, к расчету оборачиваемости оборотных средств, северному завозу, но более всего конкретика касается жизни людей: их физиологических потребностей; норм комплектов одежды; продолжительности отопительного периода; тарифов на тепло и электроэнергию; районных коэффициентов и стажевых надбавок к заработной плате; надбавок к пенсии, дополнительным отпускам; актированным дням для работающих на открытом воздухе [*Лажинцев*, 2010 б]. Малочисленные народы Севера имеют определенные гарантии социального и экономического благополучия, установленные государством законодательно и реализуемые через специальные программы.

Из табл. 20 видно, что численность населения Двино-Печорского района сократилась, особенно в Арктической зоне. К этому можно относиться по-разному: положительно – поскольку на Севере имеется переизбыток, например, неработающих пенсионеров; отрицательно – поскольку ясно, что потеря критической массы населения приведет к утрате специфических северных хозяйственных укладов (с выездом людей местные (коренные) сообщества теряют базу потребления производимых ими товаров и услуг).

Таблица 20

Двино-Печорский район – природно-экономические зоны

Зоны	Территория		Население			
	тыс. кв.км	%	2002 г.		2010 г.	
			тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Арктика	306,7	26,6	211,9	5,8	148,5	4,4
Дальний Север	216,6	18,8	265,7	7,3	223,0	6,7
Средний Север	252,7	21,9	1062,4	29,2	975,6	29,2
Ближний Север	230,7	20,0	825,9	22,7	789,4	23,7
Предсеверные территории	144,5	12,7	1269,6	35,0	1202,3	36,0
Итого	1151,2	100,0	3635,5	100,0	3338,8	100,0

Отметим главные причины выезда:

– незанятость – снижается доля экономически активного населения, высок уровень безработицы. В ряде сельских мест население вернулось к натуральному хозяйству²⁷;

– ущербная структура рабочих мест – преобладают малоодоходные, удобные для работников низкой квалификации; недостаточно высокодоходных, требующих высокой квалификации, напряженного труда и его системной организации;

– почти полное исчезновение такого стимула, как «северный длинный рубль». Величина прожиточного минимума в северных регионах в 1,6-2,7 раза выше, чем в центральных, что «перекрывает» более высокий заработок;

– низкий уровень социального обустройства – жилые дома старой постройки в плохом состоянии, нередко в аварийном; не развита дорожная сеть, чрезмерно высоки тарифы на перевозки и услуги связи;

– утрата традиционных социально-экономических связей между городом и деревней. Естественный товарообмен между ними нарушен чрезмерным импортом продовольствия, поэтому уезжают не только из городов и поселков, но и из сельской местности;

²⁷ А.А. Тишков приводит такие данные: от 12 до 15 млн. человек в нашей стране живет полностью за счет натурального хозяйства; 33-35 млн. – используют дровяное отопление [*Природопользование и устойчивое развитие...*, 2006, с.203].

– боязнь потерять здоровье. Уровень заболеваемости среди северян превышает средний по стране в 3-5 раз, а заболеваемость туберкулезом в ряде регионов – в 6-17 раз; более чем в два раза у северян выше онкопатология, заболеваемость органов дыхания и кровообращения.

Люди вправе выбирать себе место жительства. Поэтому недопустимы обе крайности: первая – как можно больше переселить; вторая – во что бы то ни стало удержать и закрепить. Правильной ориентироваться не на количество, а на качество населения и условия его жизни.

Двино-Печорский регион в системе «Северного измерения».

Правительство РФ и североевропейские регионы нашей страны весьма положительно откликнулись на инициативу Финляндии, представленной в 1997 г. Европейскому Союзу как «Северное измерение». Наши надежды были связаны с углублением гуманитарного подхода к Северу, взаимной оценкой его свойств и качеств ради улучшения условий жизни укорененных северян. Но уже на первом международном научном семинаре «Северное измерение» в 1999 г. (г. Сыктывкар) стала преобладать другая позиция, связанная лишь с потребностями отдельных стран в энергетических и минерально-сырьевых ресурсах. Ради экономических и геополитических выгод деловые партнеры западных стран ограничивали свое присутствие на Российском Европейском Севере пробой эффекта «коротких денег», портфельными инвестициями и игрой на рынке ценных бумаг, а зачастую – созданием посреднических фирм с криминальной функцией (увода капитала за границу), т.е. всем тем, что сознательно закрепляет северные территории России в качестве сырьевого придатка мирового хозяйства. В противоположность этому предложено сравнить модели общественного воспроизводства в северных регионах разных стран и понять, почему население, например, Скандинавского Севера живет богаче и комфортней, чем Европейского Севера России. Здесь требовались конкретные показатели северности уже другого содержания по сравнению с выше приведенными. Желательно было совместно проанализировать влияние факторов производительности труда, организации производства и потребления, экономических, социальных и политических гарантий, оформленных более основательно, чем только в виде коэффициентов к заработной плате и пенсиям. «Северному измерению» предложено понять, можно ли в полной мере учесть экологическую функцию

северных территорий и должна ли эта функция возмещаться денежным эквивалентом.

На первых порах положительного отклика на поставленные вопросы не последовало, что видно из содержания двух книг [*Северное измерение...*, 1999; *Северное измерение...*, 2000]. Лишь годы спустя были проведены совместные работы в рамках международных проектов по комплексному изучению природно-ресурсных, экологических и этнокультурных потенциалов бассейнов рек Печоры и Северной Двины. Например, по итогам изучения проблем устойчивого развития Печорского региона сделан вывод о том, что «...в регионе по-прежнему сохранились обширные слабозатронутые территории, уникальные в общеевропейском контексте. При этом богатейшие ресурсы и сохранившая близкое к естественному состоянию природа обеспечивает оптимальные возможности для устойчивого развития региона, когда должны последовательно улучшаться жизненные стандарты местного населения и, в то же самое время, максимально сохраниться окружающая среда» (*Устойчивое развитие...*, 2005, с.2). Другой пример международного сотрудничества показывает, что теперь в центре внимания стали также и вопросы выравнивания уровней производительности труда, подготовка кадров, сертификации, связанной с «Устойчивым управлением лесным хозяйством». Сформулирована также для нас неприятная, но, по сути справедливая оценка: «плохое качество распиловки при высоком качестве древесины» [*Заключительный отчет...*, 2000, с.37].

Отмечая положительные сдвиги в сотрудничестве в рамках «Северное измерение», его перспективу желательно более тесно увязать с эффектом географического разделения труда, примеряя потенциал Севера, во-первых, к вектору его собственного социального развития, во-вторых, к потребностям российской обрабатывающей промышленности, в-третьих, к организационно-экономической и технологической структуре рынка европейских стран, конечно с учетом всех мирохозяйственных связей.

Тематика по географическому разделению труда весьма многогранна; она может освещаться с различных позиций, которые в итоге должны быть согласованы. Наша исходная позиция состоит в том, что регионы Европейского Севера заинтересованы в переработке сырья и подготовке топлива для потребления непосредственно на своих территориях. Для этого у них есть достаточные экономические и экологические основания. Далее, необходимо выявить

не только оптимальное географическое движение товара, но и его стоимость. Прибавочная стоимость должна распределяться справедливо, что гарантирует финансовую самодостаточность северных территорий. Фактор справедливости особенно внимательно следовало бы учесть при выявлении и распределении природно-ресурсной ренты. В настоящее время через ценовые трансферты и налоговую систему большая часть ренты «оседает» в федеральном бюджете России и в немалой мере – зарубежных банках.

«Северное измерение» является как бы рамочным политическим действием. Научное же сотрудничество по северо-арктической тематике более целенаправленно выражено в проектах Северного форума, Арктической академии, Международного Арктического научного комитета; социально-экономическое – в работе Арктического совета и Баренц-региона.

Вхождение России в мирохозяйственное и геополитическое устройство приобретает значение одного из ведущих факторов развития ее экономики. На первый взгляд, это кажется аксиомой, соответствующей естественноисторическим закономерностям географического разделения труда. Однако нельзя не принять во внимание особенности проявления общественных законов в обстоятельствах конкретного места и конкретного времени. С точки зрения «места» можно сказать, что Россия сама для себя является пространством мирового уровня. Что же касается времени, то заметим: страны более или менее безболезненно входят в мировую экономику и получают от этого стратегическую выгоду только в том случае, если они имеют внутренний порядок в организации производительных сил.

В настоящее время Россия дезинтегрирована. У нее нет единого рыночного пространства. Это является следствием экономической политики в части выбора приоритета между внутренними и внешними рынками.

Экспортный сценарий стратегии развития российской экономики теперь уже не только теоретически, но и по факту – нереалистичен, хотя бы по причине сложившейся в последние десятилетия иерархической системы международных финансовых институтов, в которой исключается возможность равной конкуренции за инвестиции.

Выбранный российскими политиками приоритет межгосударственной интеграции над межрегиональной (внутрироссийской) привел к размежеванию отдельных территорий нашей страны по крупным мировым геополитическим блокам. В советские годы раз-

мещение перерабатывающей и обрабатывающей промышленности было специально увязано с сырьевыми базами Севера. Из-за чрезмерного экспортного крена теперь эта связь во многом нарушена. В 2006 г. (перед финансовым кризисом) вывозилось 60% добываемой в стране сырой нефти, 55 – нефтепродуктов, 35 – газа, 26 – угля, 18 – железной руды и 48% стали, примерно 80% – минеральных удобрений. Мощности же отечественной обрабатывающей промышленности загружены крайне недостаточно: на 76% в нефтепереработке, 25 – оловометаллургии, 13 – в производстве металлорежущих станков, 23 – кузнечно-прессовых машин, 9% – тракторов. Усиление несбалансированности производственных мощностей по добыче и переработке ресурсов в конечном итоге приводит к нестабильности сырьевых рынков, что на социально-экономическом положении северных регионов сказывается особенно отрицательно.

Вопросы сбалансированности внутренних и внешних рынков, геополитических интересов разных стран, международной и межрегиональной интеграции могут быть решены более правильно, если основная часть сырьевых ресурсов континентального Севера будет перерабатываться внутри России; международные же обязательства России по энергетическим ресурсам следовало бы выполнять в большей мере за счет совместного освоения прибрежной Арктики и арктических морей.

Соотношение внутреннего потребления и экспорта в последние годы значительно колеблется в силу нестабильности мировых рынков по объему купли-продажи и ценам на энергетические ресурсы. Но положительные сдвиги в сторону формирования общероссийского рынка всё же наблюдаются. Это заметно и в Республике Коми, Архангельской и Вологодской областях. Круглый лес вывозится в крайне незначительных объемах, в экспорте преобладают пиломатериалы, целлюлоза и бумага. Вологодская область преуспела во внешних связях по линии деревянного домостроительства (Сокольский ДОК), шарикоподшипниковой²⁸ и оптико-механической продукции; черные же металлы и химические удобрения вывозятся за рубеж в значительных объемах в ущерб отечественному машиностроению и сельскому хозяйству. Экспорт сырой нефти

²⁸ Вологодский шарикоподшипниковый завод получил европейский экологический сертификат по условиям организации производства и его продукция стала конкурентоспособной даже в Швеции.

«переключился» с Республики Коми в Архангельскую область (Ненецкий АО), но основная ее часть перерабатывается на заводах европейской части России.

Интеграция экономического пространства. Научное объяснение закономерностей географического разделения труда и размещения производительных сил позволило трактовать интеграцию как финальную стадию всех других форм общественной организации хозяйства – концентрации, специализации, комбинирования и кооперирования. Для практики полезна лишь непротиворечивая последовательность интеграции: сначала – вертикальная связь на технологической основе, затем – ее горизонтальная корректировка с учетом возможностей консолидации потенциалов территорий для решения общих хозяйственных задач, и далее – разработка совместных проектов.

Предметное содержание вертикальной и в значительной мере горизонтальной интеграции все больше переходит в систему корпоративного управления. Корпорацию, как сложно устроенную структуру, нельзя рассматривать лишь в отраслевом плане. Зачастую она имеет многоотраслевой состав и включает в себя элементы территориальной инфраструктуры. Вместе с тем, в производственно-организационном аспекте корпорация в целом (а не отдельные ее подразделения) во многом экстерриториальна, т.е. не связывает свои конечные цели с проблемами комплексного развития конкретных регионов. Здесь речь может идти о силе равновесия. Крупной корпорации должна соответствовать крупная территориально-хозяйственная структура. Это будет пара соответствия сил.

Полноправное развитие межотраслевой и межрегиональной интеграции возможно лишь при единстве страны как политического и социально-экономического организма. Казалось бы, что это аксиома. Но, тем не менее, урок 1990-х гг., когда ярко проявилась тенденция к региональному обособлению и натуральному товарообмену (бартеру), заставляет указанное условие постоянно держать в поле зрения. По мере укрепления национальной экономики оправдательные для суверенизации мотивы постепенно стали исчезать; появились основания, достаточные для конструктивного сотрудничества регионов. Сформированы специальные институты, призванные укреплять межрегиональные связи, такие, как соглашения между субъектами федерации, уставы межрегиональных ассоциаций, положения о федеральных округах и др.

Совместное рассмотрение разных видов интеграций позволяет сформулировать простое и ясное правило: нежелательно, когда рост интеграционных процессов на одном уровне, например, межгосударственном, вызывает значительный рост дезинтегрированных процессов на другом уровне, например, региональном или межрегиональном.

Интеграция Двино-Печорского региона в экономическое пространство России связана, прежде всего, с теми признаками единства территории и хозяйства Вологодской, Архангельской областей и Республики Коми, о которых сказано выше. Соседей сплачивает природно-ресурсное разнообразие и выгода от взаимного товарообмена. Однако следует иметь в виду, что один и тот же ресурс в разных территориально-хозяйственных системах имеет разные оценки. Поэтому эффект интеграции измеряется не только в границах соседства, но и по другим направлениям с различными «точками отсчета». Например, Сереговское месторождение каменной соли (Республика Коми) может быть включено в структуру пищевой промышленности, химической промышленности для производства хлора и каустика, газотранспортной системы в качестве купола, под которым можно создать хранилище газа, курортного хозяйства. Поэтому надо выбрать партнеров по конкретным направлениям кооперации.

Также можно рассмотреть и машиностроение, внутренние предпосылки для развития которого в Коми и Архангельской области весьма ограничены (за исключением Северодвинска). Но если некоторые города области и республики «встроить» в более крупную систему городов Урала, Северо-Запада, Центра, Поволжья, то такие предпосылки многократно возрастают, именно с учетом технологической кооперации. С этих позиций следует рассматривать целесообразность размещения в Предсеверных регионах, на Ближнем и Среднем Севере заводов электротехнической промышленности, приборостроения, по выпуску медицинской техники и др. Экономический интерес представляет также специализация в рамках реализации арктических проектов, в том числе по линии государственного заказа. Но каждый выбор новых точек роста должен быть сопряжен с анализом условий Севера.

Интеграцию целесообразно рассмотреть также в плане объединения ресурсов и усилий региональных правительств, муниципалитетов и бизнеса для развития *смежных территорий*. Периферийные «углы» имеют неудовлетворительные социально-экономи-

ческие характеристики и не имеют достаточного объёма ресурсов для самостоятельного решения собственных проблем. Они могли бы быть объединены специальной программой активного развития с учётом экологических преимуществ периферийности. Полагаю, что целевая программа «Пять углов» с включением в неё смежных муниципальных образований Архангельской, Кировской, Костромской и Вологодской областей, а также Республики Коми могла бы придать особый ракурс развитию территорий, экономически тяготеющих к г. Котласу.

Двино-Печорский район может рассматриваться в качестве крупного экономического района России. Его системная организация и комплексное развитие – предмет плановой деятельности, прежде всего, федерального правительства, но не только. Руководители Вологодской области, Республики Коми, Архангельской области и Ненецкого автономного округа могли бы провести линию «мягкого» интегрирования через специальную структуру координации, например, Экономическое совещание (ЭКОСО). Желательно также иметь Центр мониторинга социально-экономических процессов и природной среды Двино-Печорского района.

3.3. Территориально-производственные системы

Производство – важнейшая часть хозяйства, которая имеет рациональное начало только при условии его соподчинения с воспроизводством условий жизнедеятельности людей. Поэтому производство в системе территориальных отношений автор рассматривает в аспекте взаимосвязей распорядительных центров общего и производственного управления по поводу гармоничного развития локальных и региональных хозяйственных систем.

Предприятие, холдинг и кластер

Предприятие – комплекс технических, технологических, экономических и управленческих средств, организованных для производства определённого вида продукции и услуг; как юридическое лицо входит в систему хозяйственных отношений с другими предприятиями, населением, органами государственной и местной власти.

Предприятие до сих пор редко изучалось в качестве особого объекта и первичной единицы социально-экономической географии. Предпочтение изначально отдавалось территориальным производственным сочетаниям, поселениям, элементарным экономическим контурам – полю, лесному участку, промышленной площадке, го-

родскому или сельскому кварталу и т.п. Между тем, деятельность предприятий лежит в основе формирования различных по размеру территориально-производственных систем, что с теоретических позиций весьма обстоятельно рассмотрел *П.Я Бакланов* [2007]. Он показал, как предприятия всех видов (сельскохозяйственные, промышленные, машиностроительные и т.д.) функционально связаны с территорией как с базисом размещения, основой для совершенствования общественных форм организации производства. Действительно, исследователь в качестве операционной может взять любую единицу для решения конкретной задачи, но надо иметь в виду, что свойства и признаки территориальных производственных систем есть следствие развития отношений между предприятиями, а также между предприятиями и органами общего управления. С развитием рыночных отношений круг исследовательских задач расширяется в силу роста востребованности со стороны предприятий знаний о пространственной организации рынков.

Далее остановимся на паре «*предприятие – предпринимательство*». Предприятие, являясь в определенной мере структурной единицей территориальной системы, само по себе еще не является хозяйством в полном смысле слова. Предприятие становится хозяйством только вкуче с предпринимательством, соединяющим его с внешним миром. Поэтому хозяйственный подход к предприятию обязательно предполагает анализ его внешних связей, включив в них движение денег, всех средств производства, в том числе орудий труда и земли, рабочей силы, т.е. все движение капитала через сами предприятия, банки, биржи, страховые компании и т.д.

Современный организационно-правовой статус предприятий складывается под влиянием развития в России многоукладной экономики. Изменение экономической основы производства, развитие акционирования, приватизации, формирование рыночной инфраструктуры затрагивают все сферы народного хозяйства. Все меньше становится предприятий государственного сектора. Развиваются кооперативное движение и частное предпринимательство, хотя этот процесс идёт с большими социальными издержками. Среди хозяйствующих субъектов нового типа особое место занимают совместные предприятия (на основе отечественного и иностранного капитала), которые при соответствующей государственной политике могли бы стать «проводниками» новейших технологий мирового уровня.

Отношения между предприятием и территорией усложняются по мере возрастания экономического значения земли. В настоящее время при размещении производственных объектов нельзя ограничиться лишь отводом земель; в полную силу проявляется закон стоимости, когда земля рассматривается как основной капитал с рыночной оценкой её цены. Сама цена земли регулирует отбор приемлемых для конкретных территорий видов социально-экономической деятельности. Но напомним, что цена определяется и функцией места с учётом его общественной значимости.

Отметим также, что «статус» первичного звена территориально-производственных систем предприятие имеет не только благодаря рынку. Предприятие является центром сосредоточения общественных (не только рыночных) отношений, в том числе и тех, которые изучают социально-экономическая география и региональная экономика. Все наиболее актуальные проблемы территориальной организации хозяйства и производства решаются посредством совершенствования отношений между предприятием и районом, через увязку ресурсов частной и общественной собственности.

В тематике территориального развития большое значение имеют природные характеристики предприятий: электронная промышленность нуждается в особо чистом воздухе, текстильная – в его определённой влажности, тепловая энергетика и многие другие производства – в большом количестве воды и т. д. Вполне понятен данный аспект для предприятий добывающих отраслей промышленности, сельского и лесного хозяйства, туризма и рекреаций. Всё более высокое место в составе хозяйства занимают предприятия с природно-технологическим циклом производства с использованием гео- и биотехнологий.

Экономический аспект вхождения предприятия в территориально-общественные системы заключается и в том, что оно является активным субъектом товарно-денежных отношений по поводу тех природных ресурсов, которые находятся в его пользовании. В данном случае ресурсы (месторождение, земельный участок, лесные и водные площади и т.д.) от лица общества (государства, либо муниципалитета) передаются в аренду, но эту передачу надо производить на условии включения природных активов в основные фонды предприятия. Это обяжет предприятие работать с конкретным ресурсом как объектом воспроизводства с использованием соответствующих норм износа, амортизации, модернизации, восстановления

и тому подобных операций бухгалтерского учёта. Стоимостная оценка природных ресурсов для включения их в уставной фонд предприятия в таком варианте становится объективно необходимой, как и соответствующий порядок расчётов с арендодателем.

Особого внимания предприятия заслуживают как распорядительные центры, когда они (общества, компании, холдинги, корпорации) выступают в роли контрагентов региональных правительств и муниципалитетов. Последние инициируют соответствующие договорные отношения именно с целью комплексного развития территорий. Участие в территориальном развитии является составной частью корпоративной этики, но осуществляется оно не автоматически, а при условии соблюдения определённых правил и регламентов. Многое здесь зависит от соотношения сил двух сторон, от их знания последствий выполнения или невыполнения взаимных обязательств.

Не все предприятия имеют чётко локализованное пространство своей деятельности; многие из них, особенно национальные и транснациональные компании, «захватывают» ряд таких регионов, считая их лишь плацдармом для размещения своих структурных подразделений. Создаётся ситуация, когда *«организационные пространства фирм являются «резервуарами», в которые вброшены территориальные единицы»* [Доманьски, 2010, с.54]. Крупные корпорации, понимая значение территориальных ресурсов и желая облегчить для себя условия конкуренции за них, стремятся «приватизировать» и региональные правительства, направляя туда своих представителей. Население же регионов заинтересовано в обратном: для населения выгодно иметь не только достаточное количество рабочих мест и источников доходов, но и дифференцированную организационную структуру управления хозяйством без диктата отдельных корпораций; правительство должно действовать в его интересах. Однако: «Федеральные и региональные органы государственной власти не могут обеспечить соблюдение интересов общества, территориальных сообществ и моральных норм поведения, характерных для социально ориентированного государства» [Ильин, 2011, с.37]. В этом и заключается проблема баланса экономической эффективности и социальной справедливости.

Опыт ведущих компаний (Газпром, ЛУКОЙЛ, Северсталь, Русал, Монди Сыктывкарский ЛПК и др.) показывает, что организационная структура производства, как правило, соответствует осо-

бенностям его технологического устройства. Крупные национальные и/или транснациональные компании заняты в большей мере стратегическим финансово-экономическим планированием и отношениями с государством, но в меньшей – текущими делами самого производства. Последние, как правило, делегируются открытым акционерным обществам (ОАО), а затем частично обществам ограниченной ответственности (ООО). Первые владеют основной частью природно-ресурсных и оперативных финансовых ресурсов; вторые осуществляют конкретные технологические операции, например, геологоразведку, бурение, глубокое бурение, различные виды технических и социальных сервисных услуг (энергохозяйство, теплохозяйство, автохозяйство, проектирование и пр.). Такие узкоспециализированные ООО являются самостоятельными хозяйствующими субъектами и вместе с тем строго соподчинены регламенту работы ОАО.

Дробность управления усиливается еще по двум направлениям: 1) непрофильные активы выводятся за пределы компаний в качестве «малого бизнеса»; 2) единое предприятие, работающее в двух субъектах РФ (например, в Республике Коми и Ненецком автономном округе), иногда разделяется на два предприятия, чтобы пропорционально платить налоги в соответствующие территориальные бюджеты.

При такой дробности важно понять, как корпоративная система управления должна взаимодействовать с общегосударственной и региональной властью, когда центры затрат не совпадают с центрами прибыли [Бурый, 2011]. Ключевым становится вопрос о методологии и методах государственного влияния на экономическое поведение корпораций, особенно в части укрепления интеграционных связей в системе внутрисоссийского рынка. По правилам экономического управления упор целесообразно сделать на стимулирование и лишь ограниченно – на административные запреты.

Территориальное развитие может извлекать выгоду из самостоятельности больших, средних и малых предприятий всех организационных форм, но вместе с тем оно заинтересовано и в их интеграции. В этой связи обратим внимание на перспективы организации *производственно-территориальных холдингов – предприятий, состоящих из материнской и дочерних компаний, ведущих хозяйственную деятельность на базе территориальных сочетаний природных ресурсов*. Холдинговое управление получило широкое распространение, например, в нефтегазовом секторе экономики,

где под общим началом объединены первичные предприятия по добыче, транспортировке, переработке и сбыту продукции. Как будет отмечено ниже, районы постоянного лесопользования, также имеют хорошие предпосылки для организации холдингов.

Называя холдинг производственно-территориальным, мы хотим подчеркнуть его особый тип, характерные черты которого – территориальное единство, многопрофильная специализация и соответствующие этому специальные технологии; это может быть имущественный или договорной холдинг, но в любом случае с единым планом освоения и использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Теоретической основой обоснования такого типа холдинга служит экономико-географическая концепция А.А. Минца о синергетическом эффекте освоения территориальных сочетаний природных ресурсов [Минц, 1972]. Практика же создания таких холдингов относится к управлению территориями (акваториями) особого назначения с его положительным (Управление долиной р. Теннесси (США), Севморпуть, Администрация Программы развития Республики Коми и др.), либо как положительным, так и отрицательным опытом (Дальстрой, Ухтакомбинат и т.п. комбинаты 1930–1940 гг.). В данном случае теория является общей, а практика – исключительной, только для территорий со сложными социально-экономическими и/или природными условиями.

Предпосылки к созданию производственно-территориального холдинга:

- наличие на выделенной для освоения территории хотя бы одного вида ресурса (месторождения полезного ископаемого), остро необходимого народному хозяйству и с гарантированным спросом на внутреннем рынке;

- наличие других видов ресурсов, представляющих интерес для народного хозяйства в настоящее время или в ближайшей перспективе;

- понимание целесообразности снижения удельных затрат в производственную и социальную инфраструктуру за счёт их пропорционального распределения по основному и ряду побочных продуктов;

- разработанный по государственному заказу проект освоения данной территории и её конкретных ресурсов (технически возможного и экономически целесообразного) с выбором центра пере-

работки и технологий районного (группового), экспедиционного и вахтового методов освоения ресурсов;

– наличие распорядительного центра, способного интегрировать материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы отдельных исполнителей проекта.

Из сказанного следует, что в изучение минерально-сырьевых комплексов надо включать вопрос о целесообразности создания на их базе производственно-территориальных холдингов. Научно-аналитические материалы по Европейскому Северо-Востоку в части энергетических и рудных ресурсов подтверждают такую целесообразность (см., например [Калинина, Луканичева, 2012; Кузнецов, Иевлев, 2012]).

В системе территориального развития важную роль играют отношения, которые в последние годы стали обозначаться понятием **«кластер»**. (Перенесено из западной литературы со ссылкой на М. Портера и других авторов). *«Кластер – это скопление постоянно контактирующих друг с другом независимых фирм, работающих в одной отрасли или подотрасли, и группа компаний, оказывающих основным фирмам сервисные услуги. В состав кластера также часто входят государственные и образовательные и/или исследовательские организации, имеется контролирующий развитие кластера орган»* [Пилипенко, 2005, с.153]. *«Кластерный подход позволяет «связать» центр и его окружение за счёт более тесного межфирменного взаимодействия; создания общих рынков труда, технологий, знаний и повышения доступа предприятий к использованию общих ресурсов; сокращения общих издержек и формирования синергетического эффекта взаимодействий»* [Татаркин, Лаврикова, 2011, с. 29].

Кластеры стали отличать от территориально-производственных комплексов по признаку движущих сил их формирования (кластер – продукт рынка; ТПК – плана и административных решений), а также по признаку целевых установок. Кластер способствует повышению групповой конкурентоспособности на основе использования новых знаний и инноваций и это более чётко проявляется в условиях территориальной компактности взаимодействующих предприятий; ТПК – форма реализации крупных народнохозяйственных программ, как правило, в регионах нового освоения или в староосвоенных регионах, подлежащих коренной реконструкции.

Автор пока не определился по поводу разведения понятий кластера и ТПК, потому что не видит в этом особого резона. Кластеризация как взаимодействие предприятий и организаций не в части обычного материально-технического снабжения, текущих финансово-экономических и информационных связей, а для решения новых задач в области научно-технического и социального прогресса может и должна проводиться в разных организационных формах и на разных территориальных площадках. *Содержание кластера определяется сутью предстоящего совместного дела, выполнение которого зависит от уровня организованности на основе специального плана и с учётом рыночных обстоятельств.*

Для нас имеет значение вопрос: может ли кластерная политика быть результативной в части территориального развития? На первый взгляд, это аксиоматический вопрос, тем более, что применительно к северным субъектам Российской Федерации на этот счёт имеются официальные методические рекомендации [*Методические рекомендации...*, 2008]. Но в них приведены примеры кластеров, которые особо не отличаются от привычных схем развития в конкретных регионах профильных производств, например, лесных в Республике Коми, нефтехимических в Ханты-Мансийском автономном округе, целлюлозно-бумажного, газо-химического и металлургического вокруг Богучанской ГЭС (Нижне-Ангарский комплекс в Красноярском крае) и т.д. Наш же вопрос относится к самому территориальному развитию как процессу формирования и совершенствования ТХС: согласны ли отдельные хозяйствующие субъекты и организации общего управления объединить свои усилия и какую-то часть ресурсов ради улучшения условий жизнедеятельности людей на базе новейших технологий природопользования, охраны окружающей среды и социальной кооперации? Здесь кластеризация крайне необходима, но она почти не имеет положительных примеров.²⁹ Поэтому ещё раз (дополнительно к разделам об общинах и муниципалитетах) обратим внимание на новый вид кластеров – социальных корпораций, объединяющих людей с едиными потребно-

²⁹ Положительным можно считать пример объединения усилий бизнеса и власти для развития г. Ханты-Мансийска – столицы одноимённого автономного округа. Его строительство и обустройство велось консолидированно, даже с некоторым ущербом нефтяным городам округа. Получился своеобразный социальный кластер и город «европейского стандарта» [*Пространство, люди...*, 2007].

стями и интересами по поводу гармоничного развития поселений и окружающих территорий.

Территориально-производственный комплекс

«Территориально-производственный комплекс (ТПК) – сочетание предприятий (и учреждений), для которого территориальная общность его компонентов – дополнительный фактор повышения экономической эффективности за счёт: а) значительной устойчивости взаимных связей (особенно связей информационных) и ритмичности производственных процессов; б) сокращения транспортных затрат; в) рационального использования всех видов местных ресурсов и более благоприятных условий для маневрирования ими; г) создания оптимальных условий для сочетания отраслевого (межотраслевого) планирования и управления с территориальным планированием и управлением» [Алаев, 1983, с. 212]. Понятие «ТПК» формулировали многие авторы, но процитированное определение – самое удобное для научного объяснения территориального развития; неслучайно оно принадлежит классику систематизации понятийно-терминологического аппарата социально-экономической географии.

Теорию территориально-производственного комплексирования на основе энергопроизводственных циклов разработал в 1940-х гг. Н.Н. Колосовский. ТПК (по его учению) является материально-технической базой экономических районов, проявлением объективных свойств производительных сил образовывать локальные и региональные сочетания. В данном учении учтены мысли В.И. Ленина о возможности рациональной территориальной организации хозяйства в условиях социалистического планирования, конструктивный опыт разработки и реализации Плана ГОЭЛРО, но главное – проведены технико-экономические расчеты по оптимизации пространственных параметров производственного комбинирования. Н.Н. Колосовский не считал данную теорию уникальной, всеохватывающей и обращал внимание на другие факторы районообразования – социальные, национальные, исторические и природные.

Мы от этого учения не будем отступать, однако уточним некоторые детали, связанные с соотношением ***систем и комплексов***, их реального и идеального (абстрактного) видов. Необходимость такого уточнения также подсказана мыслями Э.Б. Алаева о системе, как сочетании объектов, связей и отношений, выделить которую можно по разным основаниям – существенным и малосуществен-

ным; о комплексе, как системе высокого уровня сопряжения между её элементами, и этому уровню соответствуют только существенные основания, например, взаимообусловленность технологий получения двух и более видов продуктов из одного исходного сырья и/или одна базовая инфраструктура для нескольких «родственных» предприятий. Системным может и должен быть, скажем, комплект предприятий по обслуживанию населения, но комплект не может считаться комплексом. Кластер – система, но не комплекс. Систем гораздо больше, чем комплексов.

Территориальная общность производств возникает не только по причине взаимной пространственной близости, но, главным образом, в силу высокого сопряжения ритмов и режимов их функционирования. Комплексность в данном случае фиксируется организацией целостной материально-технической инфраструктуры, включая технопарки, технополисы и другие инновационные структуры, диспетчерским регулированием перевозок работников и грузов, использованием специальных видов транспорта, а в итоге – общим планом координации производственной и хозяйственной деятельности.

В таком виде ТПК можно представить в качестве ядра определённой экономической системы, например, четырёх внутриреспубликанских (коми) экономических подрайонов, о которых сказано выше. «Ядерными» образованиями здесь являются: 1) Сыктывкарский лесопромышленный комплекс (ОАО «Сыктывкарский ЛПК»); 2) Ухтинский НПЗ (ООО «Лукойл-Ухтанефтепереработка»), Сосногорский ГПЗ (ООО «Газпромпереработка»); нефтедобывающие предприятия Усинска (ОАО «Лукойл», ООО «Енисей» и др.); шахты и обогатительные фабрики Воркуты (ОАО «Воркутауголь» и шахта «Воргашорская-2»). Других ТПК на территории Республики Коми пока нет; сейчас трудно представить и такую реальность, как Тимано-Печорский ТПК. В идеале в нём должна быть организована технико-экономическая связь ведущих предприятий промышленности по комплексному использованию некоторых видов энергетических и минеральных ресурсов на основе энерго-, угольно-, нефтегазового, нефтетитанового и горно-химического комбинатов, однако для этого необходимы механизмы кооперации, которые в настоящее время отсутствуют.

Комплекс в отличие от системы должен иметь орган управления, как минимум, координирующий. Эту функцию может выполнять головное предприятие, либо совет директоров, либо производ-

ственно-территориальный холдинг; ТПК в современных условиях – это своего рода квазикорпорация, действующая на договорных началах с участием делегированных представителей предприятий и местной власти.

ТПК, как истинная система, имеет свой идеальный образ, представляемый в виде модели (проекта). Составление его (образа) осуществляется по определённой методологии, получившей название «ТПК-подход» по аналогии с системным подходом. Зачастую анализируются не сами комплексы и системы, а искусственно сформированные абстрактные представления о них, в рамках которых решаются задачи по оптимизации структуры производства конкретного региона, взятого в целом без вычленения комплексов–ядер [Малов, 1992]. Для изучения территориального развития «ТПК-подход» позволяет понять порядок распределения общих природных и трудовых ресурсов в границах конкретных территориально-экономических систем (муниципальных образований, областных и крупных районов).

При изучении отдельных объектов производства необходимо держать в поле зрения общественные интересы не только по их жизненному приоритету, но и по чисто экономическим соображениям. Ресурсы общего пользования (земельные участки, промышленные площадки, вода, растительность, территориальная инженерная инфраструктура, трудовые ресурсы...) ограничены, а потому должны распределяться по единому плану в соответствии с оптимизацией интегральных эффектов. Предприятия и территориально-производственные комплексы – часть общественных производительных сил и это является основой их нормального функционирования.

Глава 4. РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ – ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В соответствии с хозяйственной специализацией Двино-Печорского района и его части – Республики Коми – рассмотрим некоторые вопросы рационального природопользования в минерально-сырьевом, лесном, сельском и водном секторах экономики, имея в виду возможность совершенствования их территориальной организации. Предпосылкой к рассмотрению конкретных вопросов практики природопользования являются концептуальные положения устойчивого развития.

4.1. Устойчивое развитие

«Устойчивое развитие – это такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [Данилов-Данильян, 2003, с.128]. Именно в таком определении устойчивое развитие мы трактуем как общий принцип территориального развития и как общий знаменатель представленных во второй главе экономико-географических теорий [Лажнецов, 2012; 2013б].

Изначально (примерно начало 1970 г.) устойчивость рассматривалась под углом зрения необходимости сохранения социальных функций природных геосистем. Сохранению подлежала способность природных комплексов устоять от испытаний внешних воздействий и не потерять свое социально-экономическое предназначение. При этом признавалась некая неопределенность понятия «устойчивость» для регионов, состоящих из принципиально разнородных и разнокачественных территорий. Было зафиксировано важное теоретическое положение: устойчивость противоположна стабильности; первое – свойство развивающейся, второе – свойство пассивной системы [Механизм..., 1992].

В настоящее время понятие «устойчивость» существенно расширено и рассматривается не только в рамках коэволюционного развития природы и общества, но и под углом зрения социальной защиты населения. Важнейшими принципами такого развития считаются сохранение высокого качества окружающей среды, экономическое развитие в рамках ограниченных ресурсов, решение социальных проблем, обеспечение международной безопасности. Основная цель – благосостояние населения и создание благоприятных условий его жизни; основные механизмы достижения цели – совершенствование экономического нормирования и стимулирования, усиление стратегического планирования, административного регулирования и местного самоуправления. Главное направление – переход от экономики использования ресурсов к экономике их воспроизводства.

Благополучие современного и будущих поколений людей – основной ориентир устойчивого развития. Он (ориентир) предопределяет методы оценки эффективности функционирования материально-технической базы производства, состояния здоровья, обеспеченности чистым воздухом и чистой водой, уровней достижения гармоничных социальных отношений, безопасности и свободы выбора действий при общепринятых нормах нравственности и морали. Представление людей о благополучии динамично, а потому и устойчивое развитие предполагает движение к новому социально-экологическому порядку [*Природопользование...*, 2006]. Но есть и другой аспект, технико-экономический, раскрывающий возможности значительного увеличения продуктивности ресурсов и снижения их удельных расходов [*Вайцеккер и др.*, 2000].

Обозначенный круг вопросов вновь рассмотрен 20-22 июня 2012 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции по устойчивому развитию «Рио+20». Спустя 40 лет после Конференции по окружающей среде для человека (Стокгольм, 1972) и 20 лет спустя после саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. сделана попытка оценить достигнутый прогресс в создании Мира, основанного на принципах сбалансированного развития. Лозунг «Рио+20» – «Жизненная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем».

Автор полагает, что региональный и локальный аспекты «устойчивости» в большей мере, чем глобальный, отражают её истинный смысл; здесь нет отрыва от природы. ***В рамках систем «природа – население – хозяйство» планирование (проектирование)***

устойчивого развития становится конструктивным, но не столько предсказанием будущего, сколько выстраиванием цепочки логических умозаключений по поводу прогресса природопользования и возникающих на его пути проблем. Как заметил В.С.Преображенский, «устойчивость» – не имманентное научное понятие, а понятие, отражающее рефлексию науки на определенную житейскую ситуацию [*Устойчивость...*, 1983, с.4]. Посылкой к такой рефлексии является стремление людей улучшить свойства и качества окружающей природной среды.

Концептуальные положения устойчивого развития являются (вернее сказать, должны быть) неотъемлемой частью теории общественного воспроизводства. Все более практический характер приобретает положение о том, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд, исходя из бухгалтерской калькуляции; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части, в том числе и на охрану природы и воспроизводство ее ресурсов. Учёт экологического фактора в общественном воспроизводстве отражает реальную картину нашей жизни. Например: «По официальным данным, до кризиса (2008 – 2010 гг. – В.Л.) ежегодный рост ВВП в России достигал 6 – 7%. Но по данным Всемирного банка, при экологической коррекции (учёте истощения природного капитала и загрязнения окружающей среды) изменения в этот период оцениваются как негативные – минус – 10 – 13%» [*Сдаюк, Тишков, 2012, с.17*].

Устойчивость развития природных и общественных геосистем во многом зависит от соответствия финансово-экономических пропорций технологическим, социальным и экологическим параметрам хозяйственной деятельности. На практике этот теоретический принцип, зачастую, нарушается, а потому нерегулируемая рыночная экономика, особенно спекулятивная, становится тормозом научно-технического прогресса.

Таким образом, решение проблем устойчивого развития в значительной мере связано с преодолением экономического детерминизма, имманентного рыночным отношениям. Трудно определить, можно ли это сделать на основе теории территориального развития,

но движение в данном направлении предопределено угрозами не рационального природопользования и экологических катаклизмов.

Надо принимать, как должное, разнообразие миропорядка, где экономические показатели не всегда играют решающую роль. Здесь уместно ещё раз напомнить об идеях параллельной, смешанной и эксполлярной экономики, а также принять во внимание позиции обществоведов, освещающих неэкономические грани экономики. Именно с такого рода идеи служат предпосылкой для правильного определения границ объектов учета, оценки и планирования устойчивого развития, исходя из решающей роли природы в жизнедеятельности людей. С другой стороны, надо усилить экономику как дисциплину по оценке общественно необходимых затрат, включая и денежный эквивалент природных рисков [Порфирьев, 2006].

Существующая система экономических отношений не удовлетворяет условиям устойчивого развития не только по стоимостным пропорциям общественного воспроизводства, но и по параметрам экологической безопасности. Во всяком случае, ясно, что многие проблемы геосистемной организации природопользования, населения и хозяйства сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении субъектам хозяйствования, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения.

Экономический детерминизм (или более основательно – экономический материализм) нельзя «приписать» к какой-либо научной школе или социальному классу. Это проявление общественного и личного мышления в виде реакции на объективные условия жизнеобеспечения, обстоятельства конкуренции за ограниченные ресурсы, а также – на прежние и ныне существующие приоритеты в обозначении социального статуса человека. Экономический материализм может быть превзойдён, а экономический детерминизм преодолен только на основе нового социального мышления по поводу ограничения материальных и возвышения духовных потребностей.

4.2. Проблемы природопользования

Ниже показаны проблемы недр- и лесопользования, использования земельных и водных ресурсов; подведены некоторые общие итоги в части рационального природопользования.

Добыча и переработка полезных ископаемых

В решении вопросов территориальной организации топливно-энергетических и минерально-сырьевых отраслей хозяйства особое

внимание уделяется рационализации освоения недр и комплексному использованию полезных ископаемых. Наиболее актуальными в нашей исследовательской практике являются технико-экономические задачи раздельной переработки сернистых (тяжёлых) и лёгких видов нефти, использования попутного нефтяного газа, диверсификации угольной промышленности в направлении углехимии и производства углеграфитовых материалов. То же можно сказать и про цветную металлургию, где ценные компоненты руд зачастую не извлекаются. Например, намеченная ранее схема комплексного освоения тиманских бокситов пока в расчёт не принимается, а потому проблема белых бокситов и красных шламов до сих пор не решена.

Особо отчетливо видны недостатки в газовой промышленности. Газ, как химическое сырьё, используется в крайне малых объёмах. При добыче в России более 600 млрд. м³ на газоперерабатывающих заводах выпускается менее 50 млрд. м³ сухого газа и 10 млн. т углеродных сжиженных газов. Большая часть ценных фракций (метан, бутан, пропан) сжигается в топках электростанций и котельных, а также перегоняется за границу. Преимущественное использование газа в энергетике «тормозит» переход на энергосберегающие технологии и снижает актуальность угольной энергетики. В итоге из общего объема топливно-энергетических ресурсов, примерно, 65% является котельно-печным топливом. На производство нетопливной продукции в 2008 г. использовалось лишь 5,8% нефти и газового конденсата и 3,3% естественного газа. Некомплексное использование природных ресурсов сдерживает формирование внутренних рынков и «обогащает» рынки внешние, не позволяет получить объём добавленной стоимости, достаточный для расширенного воспроизводства природно-ресурсных баз.

В сфере добычи полезных ископаемых и их первичной переработки имеются достаточно прочные основания для внедрения результатов науки. Возможны и эффективны такие направления высоких технологий, как: использование энергии высокого потенциала в производственных процессах; безопасность и энергосбережение; новые методы добычи и обогащения полезных ископаемых³⁰, полу-

³⁰ Специалисты считают наиболее эффективными такие методы и направления: использование механических комбайнов для выемки твёрдых пород, оборудования дистанционного управления и систем геомеханического мониторинга, управление горным давлением, обогащение полезных компонентов руд непосредственно в недрах, гидрометаллургия, ядерно-физические методы [Север..., 2006 (глава 2)].

чение синтетического жидкого топлива, производство адсорбентов, углеграфитовых материалов; утилизация попутного и растворенного газа, комплексное использование парафина, более полное извлечение ценных угле- и сероводородов и организация на этой основе производства полихлорвинила, пластмасс, газовой серы и других продуктов, производство различного рода керамик, каменное литье, выпуск базальтового и оптического волокна, искусственных кристаллов, синтетических изделий и материалов, в том числе на основе нанотехнологий.

Безусловно, традиционное горнодобывающее производство и перечисленные новые технологии оказывают значительное воздействие на окружающую среду, затрагивают практически все ее элементы: поверхностные и подземные воды, воздушный бассейн, землю, недра, растительный и животный мир. Общее ежегодное антропогенное перемещение горной массы уже сравнялось с объемами перемещения горной массы в ходе естественных геологических процессов. Тем не менее, поскольку горное производство обеспечивает все возрастающие потребности человечества в минерально-сырьевой продукции, оно является необходимым, но не должно быть враждебным видом деятельности по отношению к окружающей среде.

Усиление требований по охране окружающей среды обусловило проведение детальных исследований в области горнопромышленной экологии. До начала полномасштабного освоения месторождений полезных ископаемых планируются мероприятия по реабилитации и восстановлению природы, минимизации и уменьшению последствий экологических нарушений.

Примером такого ответственного подхода является освоение бокситовых месторождений на Среднем Тимане. В разработке проекта освоения месторождений и природоохранных мероприятий участвовали ведущие зарубежные и отечественные консалтинговые компании; все решения были основаны на самой лучшей мировой практике. Перед началом работ прошли широкие обсуждения и общественные слушания в Сыктывкаре, Ухте, Емве. Аналогичные подходы используются при подготовке к промышленному освоению крупнейших месторождений титана (Ярегское и Пижемское), горючих сланцев (Чим-Лоптюгское), алмазов (Ломоносовское).

Другим примером является реализация проекта освоения Юньягинского месторождения углей (в районе г.Воркуты), при ко-

тором не только эффективно обрабатываются оставшиеся в охраняемых целиках подземной добычи запасы коксующихся углей, но и успешно решаются экологические проблемы. Опыт работы на этом, самом северном в стране угольном разрезе, может быть распространен на другие территории [*Природная среда...*, 2005].

Накопленная добыча угля в Печорском бассейне превысила 1 млрд.т, но здесь практически нет терриконов и отвалов, поскольку вся порода была утилизирована на отсыпку дорог и производство строительных материалов. По объемам каптируемого метана шахты Воркуты занимают одно из первых мест в стране, хотя объём проводимых здесь работ по дегазации угольных пластов необходимо увеличить.

Эффективно проводится освоение нефтегазовых ресурсов в арктических районах. По новым технологиям с минимальным ущербом тундре строятся подъездные дороги, отсыпается производственные площадки, используется специально разработанная гусеничная техника, особые буровые растворы. Доля утилизации попутного нефтяного газа на предприятиях, осваивающих Тимано-Печорскую провинцию, одна из самых высоких в стране, но сама проблема рациональной утилизации остаётся актуальной. Ещё раз отметим, что «узким местом» нефтегазового комплекса является трубопроводный транспорт, имеющий высокую степень износа, а потому экологически опасен.

Как видим, отраслевой (корпоративный) подход к природным ресурсам порой демонстрирует весьма положительные результаты, особенно в части технического развития и экологизации отдельных производств и предприятий. Но там, где нужно преодолеть существенные затруднения на пути комплексного использования полезных ископаемых, аналогичных успехов не наблюдается. Главная причина – ориентация бизнеса на текущую конъюнктуру спроса и отсутствие стратегии спроса на новые товары, которые могут быть получены при комплексном использовании сырья. Установлено также, что учёт и управление затратами горного производства не соответствуют идее комплексности и нуждаются в модернизации [*Ларичкин и др.*, 2013]. Общий вывод: узкая специализация минерально-сырьевого сектора экономики в условиях рыночных колебаний опасна; необходима диверсификация его производственной структуры.

Рационализация недропользования тесно связана с общим уровнем организации производства с учётом всей системы его

звеньев: основных, вспомогательных и обслуживающих. Для Севера такого рода сопряжение особенно важно, поскольку от него зависит численность занятых на предприятиях и, соответственно, населения в городах и посёлках. Дело в том, что чрезмерно много людей занято в непрофильных производствах и службах, утяжеляющих северную экономику. Автор попытался оценить различия в уровне производительности труда между «головной» операцией по добыче полезного ископаемого и последующими видами работ. Разница существенна и на зарубежных предприятиях, но в нашей стране она является недопустимо высокой (рис. 7). Поэтому особое внимание нужно обращать на организацию всего шахтного или промышленного хозяйства, а также производственного и социального сервиса.

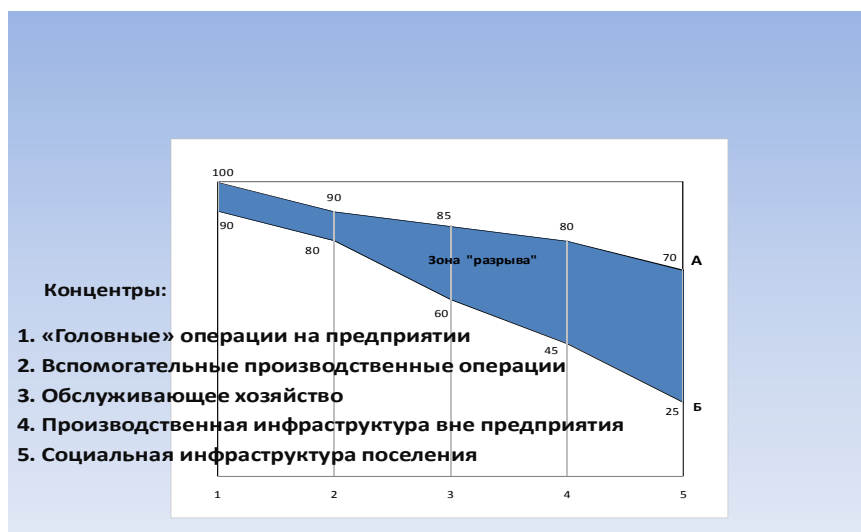

Рис. 7. Характер разрыва в производительности труда в северных регионах зарубежных стран (А) и России (Б) – по добывающему предприятию и сопряженным с ним сферам хозяйства (экспертная оценка автора).

Лесохозяйственная деятельность

Рассматривая её, необходимо вспомнить, что традиционное хозяйство народов Севера и его модель природопользования сформировались на основе глубоко осознанного понимания роли экологического фактора. Это находило отражение в определенной «таежной морали», нормах общинного права собственности на землю и

участки территории, культурных традициях и духовной солидарности. Но все это не означало бескризисного природопользования: каждый исторический этап имел специфическое проявление меры соответствия или несоответствия таежного хозяйства природным ритмам и режимам. Экологические перегрузки наблюдались уже на ранней стадии природоприсваивающей экономики и экстенсивных технологий земледелия, лесозаготовок, охоты и промыслов. Поэтому речь не должна идти о возврате к старым формам природопользования. Важно обеспечить переход к новому качеству интеграции природных, технологических и социально-экономических процессов с учетом норм духовного отношения наших предков к тайге и ее ресурсам и на основе новейших научно-технических достижений.

В настоящее время более определенной оказалась стратегия той части лесопромышленного комплекса, которая связана с зарубежными собственниками, имеющими возможность крупного инвестирования и захвата международных и российских рынков. Но и негативная сторона такой иностранной «интервенции» также понятна: вывоз потенциального капитала с территорий его получения; ценовой диктат на рынке первичного древесного сырья; перекос в пользу крупных перерабатывающих центров, но не окраинных районов.

Необходимо усилить ориентацию лесопромышленного производства на внутренний рынок России. Перспективы «внутреннего» потребления определяются двумя основными факторами: наличием платежеспособного спроса, который тесно связан с уровнем благосостояния населения, и с направленным формированием спроса на лесную продукцию, в том числе путем решения жилищной проблемы на основе индивидуального и малоэтажного деревянного домостроения.

Может показаться странным, но древесные отходы в перспективе станут источником конкуренции; здесь сходятся «интересы» биотехнологии, лесохимии и малой энергетики. Специалисты считают очень перспективной биоконсервацию целлюлозного сырья для получения ценных биопрепаратов и технически важных продуктов. Например, выращивание дереворазрушающих грибков на целлюлозных отходах (опилки, стружки, кора) позволяет получить кормовые добавки для животноводства; производство глюкозы посредством ферментативного гидролиза целлюлозы также весьма выгодно экономически и целесообразно экологически. Использование культур клеток как продуцентов в биотехнологии позволяет

развернуть широкий спектр производств биополимеров и низкомолекулярных биорегуляторов. Лесохимия также «претендует» на переработку всей биомассы дерева, в том числе производства спирта, скипидара, провитаминного концентрата, хвойных и эфирных масел, бальзамической пасты, хвойного воска, полипренолов и др. С использованием древесных отходов связаны перспективы развития сельской энергетики.

Рациональное лесопользование тесно связано с судьбами малых поселений. Очаговая и дисперсная форма расселения населения, характерная для лесного сектора хозяйства, находится в некотором противоречии с современными тенденциями индустриального развития и концентрации капитала. В первую очередь необходимы экстренные меры по поддержке предприятий лесозаготовительной промышленности, а, следовательно, и лесных поселений: льготное кредитование под сезонные запасы древесины, снижение или дотирование транспортных тарифов, оказание маркетинговых услуг, поддержка потребительской кооперации и т.д. Однако генеральным направлением остается интеграция лесозаготовок и деревообработки, сочетание крупных, средних и малых предприятий по обработке древесины, оптимизация объемов лесозаготовок в рамках одного предприятия с учетом требований концентрации производства и конкретных лесосырьевых характеристик. Параллельно надо вести поиск новой (дополнительной) экономической базы для лесных поселений: легкая и пищевая промышленность, промыслы, туризм и т.п.

То, что мы выше отметили для горнодобывающего предприятия в части необходимости сопряжения всего цикла производств и служб, характерно и для лесной промышленности. Здесь весьма заметен рост производительности труда на лесных делянках и на нижних складах при разделке хлыстов, но всё остальное (дорожное строительство, автохозяйство, энергетика, социальная сфера) организовано на низком уровне.

Отмеченные проблемы имеют определённую проекцию на лесохозяйственные районы. Авторское предположение заключается в том, чтобы районирование проводить на двух уровнях. Первый (верхний) соответствовал бы масштабу постоянного лесопользования одного экономически эффективного предприятия (или холдинга, объединяющего несколько предприятий) мощностью по вывозке древесины в 350-500 тыс.куб.м с развитым лесопилением и некоторыми другими видами деревообработки. Такое предприятие может

базироваться в лесном поселке с населением более 1 тыс. человек или двух менее крупных поселениях; возможен вариант их дополнения вахтовыми поселками. Исследования Г.В. Загайновой [1973] по типологии лесных поселений Республики Коми показали, что их временная динамика (открытие, закрытие или другая специализация) предопределяет проблемность организации труда и функционирования социальной сферы лесных территорий. Поэтому за крупным лесозаготовительным предприятием – холдингом – необходимо через аренду закреплять лесосырьевую базу, достаточную для цикличного воспроизводства лесов в течение 80–100 лет при условии его социальных обязательств перед местным населением.

На втором уровне первостепенное значение имеют лесорасчетительные (бонитетные) и топографические характеристики с учетом функций конкретных мест (ландшафтов). Как показало крупномасштабное картографирование лесничеств с целью рентной оценки потенциалов периферийных таёжных территорий Республики Коми, проведенное под руководством Т.Е. Дмитриевой, активизация их жизни в определенной мере связана с учётом всех фиксированных функций леса, что важно для координации лесозаготовок с грибогодной экономикой и туризмом [*Потенциал развития...*, 2008]. Рекреационное лесопользование также основано на крупномасштабном лесоэкономическом районировании (Большаков, 2007).

На первом уровне в Республике Коми и Архангельской области может быть выделено по 30-40 районов с учетом реального роста лесозаготовок, на втором – примерно по 3 тыс. микрорайонов; в Вологодской области, соответственно, 12-15 и 1-1,2 тыс.

Наша позиция не принимается теми специалистами, которые полагают развивать лесную промышленность в основном на базе малого бизнеса. Но автор убежден в том, что малые предприятия должны быть включены в общую технологическую схему лесного сектора экономики, иметь длительные и устойчивые производственно-технологические, а главное – социально-экономические договорные отношения со средними и крупными предприятиями (фирмами). Только в рамках организации хозяйства на относительно больших площадях (8 - 10 тыс. км²) может быть решена генеральная задача постоянного лесопользования на воспроизводственной основе. Ясно, что в таких географических границах легче и правильнее будут реализованы намерения комплексно использовать древесину и древесные отходы, развивать домостроение, лесохимию и био-

энергетику, сочетать лесное хозяйство с другими отраслями, например, сельским хозяйством, народными промыслами, легкой и пищевой промышленностью и, что особенно важно, организовать строительство и эксплуатацию лесовозных дорог.

Лесоэкономические районы, организованные на принципах цикличности воспроизводства лесов с учётом конфигурации расселения населения, являются своего рода стандартами и олицетворяют идеальный образ таёжной жизнедеятельности. В настоящее время такая идеализация вряд ли реализуема практически, поскольку лесной фонд уже «распылён» по множеству пользователей. Но в этом направлении, как нам кажется, надо двигаться.

Экономико-географическая логика развития таёжных территорий не совпадает с финансово-экономическими интересами крупных лесоперерабатывающих предприятий, как правило, находящихся в собственности иностранного капитала. В Республике Коми это проявляется в монополизации права пользования лесами со стороны ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК» без должного территориального плана рубок на арендованных участках, с вытеснением местных лесозаготовителей в пользу сторонних («варягов»), с колониальным типом экономических отношений и безразличием к судьбе периферии. Устранить данное противоречие можно на основе государственной собственности на лесные ресурсы, антимонопольной политики, лицензирования права аренды с условиями комплексного социально-экономического развития соответствующих территорий или даже на основе более жёстких правил организации лесного рынка, например, отключения крупных целлюлозно-бумажных и деревообрабатывающих комбинатов от непосредственного пользования лесами. Любой лесопользователь должен определённым образом соотносить свою деятельность с другими представителями территориальных лесопромышленных систем: региональных корпоративных, районных и поселенческих. Их пространственное позиционирование относительно друг друга является весьма проблемным (рис.8). Региональные правительства и муниципалитеты могли бы способствовать рационализации данных позиций.

В последние годы биологи особое внимание обращают на две проблемы.

Влияние рубок на леса. В результате проведения больших концентрированных рубок на месте высокопроизводительных сос-

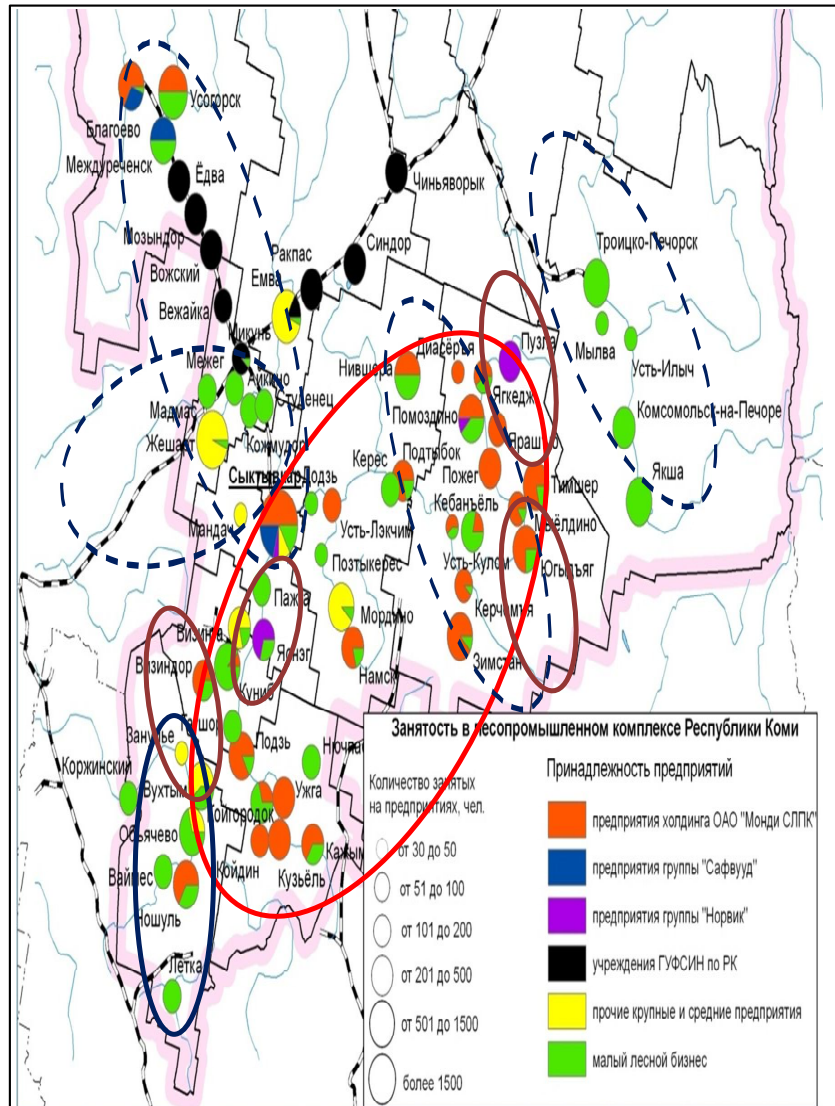

Рис.8. Территориальные лесопромышленные системы [Гибез и др., 2011].

--- региональная корпоративная, --- поселенческие, --- районные автономные, --- районные автономные формирующиеся.

новых и еловых лесов сформировались молодняки с преобладанием лиственных пород. В большинстве случаев производные насаждения характеризуются более низкой продуктивностью, ухудшением качества древесины, снижением устойчивости молодняков к действию таких неблагоприятных факторов, как заболачивание, ухудшение физико-химических свойств почв, влияние заморозков и др. С преобразованием лесов произошла трансформация животного и растительного мира, гидрологических и термических характеристик бассейнов северных рек, что отразилось на условиях жизни местного населения.

Биологические наблюдения дополним экономическими: опасность вызвана не столько объёмами рубок, сколько низким уровнем организации лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности, что привело и приводит к старению лесного фонда и снижению его воспроизводимых качеств.

Влияние климата на продуктивность лесных сообществ.

Вопрос о влиянии потепления климата на продуктивность северных лесов остается открытым, исследования в этом направлении продолжаются. Некоторые специалисты считают, что с потеплением произойдет увеличение продуктивности лесов. Однако в последние годы появляется все больше экспериментальных данных, подтверждающих неоднозначность реакции древесных растений на изменение температуры, что во многом зависит от породы дерева и лесорастительных условий. Кроме того, потепление может привести к ускоренному развитию болезней и вредителей леса. В этом случае снизится качество древесины, усилится разрушение насаждений в результате увеличения отпада, что в конечном итоге может привести к снижению устойчивости лесов к пожарам, изменению состава и структуры древостоев. Существует мнение, что с изменением климата и гидрологического режима связано усыхание лесов в Архангельской, Вологодской областях. В Республике Коми это явление пока малозаметно и отмечается в некоторых случаях на лесных территориях, прилегающих к Архангельской области.

Географические, социально-экономические и биоресурсные характеристики лесного фонда в последние годы изменились столь существенно, что стала видна острая необходимость составления нового лесного плана.

Агроклиматические ресурсы и сельское хозяйство

На Севере ограничены возможности земледелия из-за неблагоприятных природных условий, низкого потенциала почвенного плодородия (подзолистые почвы с высокой кислотностью, низким содержанием гумуса и элементов питания в доступной для растений форме, неудовлетворительный тепловой и водно-воздушный режим). Обеспеченность сельскохозяйственными угодьями в расчете на душу населения в Республике Коми в пять раз ниже, чем в среднем по Российской Федерации, а пашней – в 11 раз. Для Севера – это естественно. Неестественно другое – устойчивая тенденция сокращения обрабатываемых земель. За 1956 - 2011 гг. площадь сельхозугодий в республике сократилась с 338,5 до 190,4 тыс. га. В тундре, вблизи мест разведки и добычи полезных ископаемых, происходит техногенное разрушение почвенного покрова до 8 тыс. га в год. Имеются значительные резервы пригодных для пашни земель (более 1,5 млн. га), но вовлечение их в хозяйство требует на треть больше затрат, чем в других регионах Нечерноземной зоны. Поэтому в районах Севера особенно актуальна проблема бережного отношения к земле. Тем не менее, в последние 20 лет площадь пашни в республике сократилась в 2,5 раза.

Основные причины выбытия сельхозугодий – слабое регулирование земельных отношений в условиях рынка, отмирание мелких сельских поселений.

В настоящее время сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства ведут товарное производство, в большинстве случаев без юридического оформления земель. Из 75 действующих в 2011 г. сельхозорганизаций оформили документы на землю только пять, а три владеют землей на праве постоянного (бессрочного) пользования земельными участками. Остальные находятся на разных этапах оформления землепользования. Большинство земельных участков, используемых сельхозпроизводителями, юридически не оформлено и не поставлено на государственный кадастровый учет, не выделено на местности, не имеет границ и точно установленных размеров.

Напомним, что ключевым элементом аграрной реформы была приватизация сельхозугодий. В этой связи интерес представляет следующий факт: в республике на 1 января 2013 г. только 26 % всех земель сельскохозяйственного назначения были переданы в частную собственность, а остальные земли остались государственными.

Основная часть приватизированных земель находится в общей долевой собственности, крестьяне в большинстве своем не получили конкретные земельные участки. Выдача свидетельств на право собственности на землю затянулась. В некоторых муниципальных образованиях (Воркуте, Инте, Печоре, Усинске, Сосногорске, Вуктыле, Усть-Куломском районе) приватизация земель вообще не проводилась. Да и право владения земельными долями оказалось уязвимым и слабо защищенным. Лишенные средств производства владельцы земельных паев были вынуждены сдавать их в аренду на невыгодных условиях или вовсе расстаться с ними. В удаленных населенных пунктах граждане не проявили особенной заинтересованности в приобретении земельных участков в собственность.

Вялотекущий процесс приватизации земельных участков с целью производства сельскохозяйственной продукции – яркий признак региональных особенностей какого-либо серьезного реформирования экономики. Разнарядка на приватизацию земли ради ускорения формирования рыночных отношений в их аграрной части на Севере оказалась бесполезной. Вместе с тем, даже в северных условиях, когда речь идет о сугубо личных интересах, наблюдается настоящая борьба за выделение земельных долей, особенно в пригороде Сыктывкара. Здесь стоимость 20 соток земли для строительства жилья и ведения подсобного хозяйства на «черном» рынке оценивается в 1 млн. руб., а в местах с инженерным обустройством – 2 млн. руб.

В связи с необходимостью упорядочения земельных отношений остро стоит проблема проведения землеустроительных и кадастровых работ, учета используемых сельхозпроизводителями земельных участков. Это дорого (по России, примерно, 313 млрд. руб. [Волков, 2013, с.30]), но без обустройства земли не обходится ни одна страна.³¹ Для сложившихся в Республике Коми на данном этапе земельных отношений в первую очередь необходимо решить задачу юридического закрепления земельных участков за землепользователями, арендаторами, собственниками земли и установления их границ и размеров. Особую актуальность представляет вопрос о регулировании межрегиональных связей в области закрепления и

³¹ Комплекс мер по созданию эффективной системы регулирования земельных отношений в Российской Федерации изложен в открытом письме Президенту РФ, написанном группой экономистов-аграрников от лица Российской академии сельскохозяйственных наук (АПК: Экономика. Управление. 2013. № 5. С. 3 – 7).

совместных систем контроля за состоянием оленьих пастбищ. Это стало предметом договорных отношений между Республикой Коми и Ненецким автономным округом.

Основным направлением специализации сельскохозяйственного производства в таежной зоне являются молочно-мясное скотоводство, птицеводство, кормопроизводство, а также картофелеводство и овощеводство открытого грунта. Специфической отраслью на территории тундры и лесотундры является северное оленеводство. Установлено, что на территориях средней и южной тайги при рациональном использовании удобрений и хорошей агротехнике можно получить с гектара по 300-400 ц картофеля, 500 ц овощей, 70 ц сена многолетних трав, до 30 ц зерна озимой ржи. Для этого необходимо вносить на гектар не менее 40-50 т органических удобрений. При интенсивном использовании сельскохозяйственных угодий передовые хозяйства получают ежегодно 400-450 тыс. т кормов в пересчете на кормовые единицы. Высоким конкурентным потенциалом характеризуются традиционные отрасли – рыболовство, охотничий промысел, сбор дикорастущих грибов и ягод. С продукцией этих отраслей северные регионы могут выступать не только на региональном, но и на национальном, а также международном рынках.

Ключевой проблемой развития сельского хозяйства северных регионов становится укрепление продовольственной безопасности и снятие угроз здоровью людей со стороны поставщиков недоброкачественных (химически вредных) продуктов. Производство экологически чистой продукции является крайней необходимостью и может быть организовано именно на сельскохозяйственных землях таежных территорий. Более того, по-видимому, целесообразно пересмотреть корпоративную политику ресурсных компаний и их стремление вывести непрофильные активы за баланс своего бизнеса. Подсобное сельское хозяйство и пищевое производство внутри промышленных комбинатов желательно восстановить, хотя бы в минимальных размерах и с ориентацией на благополучие собственного персонала.

Территориальная структура агропромышленного комплекса также, как и лесного, представлена определёнными типами региональных, районных и поселенческих систем, имеющими разный потенциал развития и разную степень приспособленности к рыночным условиям [Мальцева, 2012].

Более сложные условия развития имеет сельская периферия, отдаленная от городов.³² Она менее конкурентоспособна, несет повышенные социально-экономические издержки в связи с «деятельностью» заезжих спекулянтов-перекупщиков и преступным сговором о ценах, не имеет достаточно развитой инфраструктуры и т.д. Не только экономическая наука, но и житейский опыт подсказывают хотя бы частичное решение проблем периферии через развитие сельской потребительской кооперации и открытие ею своих баз хранения и овощных магазинов.

Если принять во внимание экономико-географический тезис, что будущее местной жизни определяется закономерностями формирования территориальных общностей людей, то и сельские территории необходимо рассматривать с этих позиций, т.е. учитывать не только экономические, но и социальные, культурные, этнические и экологические аспекты жизнедеятельности.

Водные ресурсы

Комплексный анализ водных ресурсов [*Водные ресурсы...*, 2011] на Европейском Северо-Востоке показал, что за последние десятилетия сформировался трудноразрешимый узел проблем, связанный с локальным дефицитом свежей воды, загрязнением водных объектов, снижением рыбных запасов и т.д. Причинами этого являются: недостаточный учет водного фактора в хозяйственном планировании, нерациональное использование водных ресурсов, слабая изученность водных объектов,³³ неразвитость водного хозяйства и отсутствие единой концепции его развития.

Речной сток крайне неравномерно распределен по территории и имеет высокую изменчивость во времени. Так, коэффициент ва-

³² Из 35 обществ Коми потребительского союза только шесть находятся на расстоянии до 200 км от г. Сыктывкара. Удаленность и рассредоточенность затрудняют создание торговых сетей на кооперативной основе [*Мальцева, 2012, С.157*].

³³ В Архангельске 6 августа 2010 г. на общественном обсуждении материалов Проекта нормативов допустимого воздействия по бассейну Северной Двины был сформулирован тезис, что воды этой реки имеют неблагоприятное качество из-за стока малых рек с сильнозаболоченных водосборов. Одна такая река «выносит» органических веществ и ряда металлов на порядок выше, чем их сброс со стоками крупных предприятий. Такой разворот обсуждения проблем чистой воды стал неожиданностью и вызвал большие сомнения у экспертов. Данный пример ярко отражает актуальность детального изучения всех факторов и обстоятельств загрязнения водоемов.

риации минимального зимнего стока колеблется от 0,2-0,3 для таежных рек, до 1,0-1,2 – для тундровых рек. В мерзлотной зоне малые и даже средние по величине реки в зимний период перемерзают и не могут быть использованы в качестве водных источников. Это является серьезной проблемой при освоении нефтегазовых ресурсов на территории Большеземельской тундры. Часть ресурсов поверхностных и подземных вод, сосредоточенных в зонах интенсивного техногенного воздействия, по химическим и бактериологическим показателям не может быть использована для водоснабжения.

Для решения самых насущных проблем водоснабжения городов потребовалось строительство дорогостоящих плотин, километровых водоводов, разветвленной и протяженной водопроводной сети, берегоукрепительных сооружений, водозаборных, водоочистных и насосных станций, дополнительных энергетических мощностей и т.д. При этом существенно усложнилась эксплуатация водохозяйственных систем, возросли их энергоемкость и расходы на содержание.

Огромное социальное значение имеет решение проблемы качества питьевой воды. Недоброкачественная питьевая вода оказывает вредное воздействие на здоровье человека. По официальным данным до 30% заболеваний населения в России инициировано низким качеством питьевой воды.

Питьевая вода в городах, поселках и селах по ряду качественных показателей также не отвечает нормативным требованиям. В централизованных системах водопроводов количество проб, не соответствующих стандарту по санитарно-химическим показателям, составляет, например, в Сосногорске 13%, в Сыктывкаре 73%; по микробиологическим показателям – 9,0% (Сыктывкар). Для сравнения: по РФ, соответственно, 20 и 10%.

Уровень организации водного хозяйства остается низким. Так, обеспеченность сельского населения из централизованных систем водопроводов составляет не более 60%, а с вводом в дома – 20%. Износ основных сооружений и оборудования в системе водопроводов составляет 50-70%, а в ряде случаев и 100%. По этой причине растет ежегодное число аварий, способствующих вторичному загрязнению питьевой воды при ее транспортировке.

Водная стратегия России (2007-2020 гг.) предусматривает снижение водоёмкости ВВП в 1,7 раза, потерь воды при транспортировке – два раза, количества загрязняющих веществ в организо-

ванном сбросе сточных вод – 1,7 раза; примерно такие же показатели предусмотрены по Республике Коми, Архангельской и Вологодской областям. Исследование *В.Ф. Фоминой* [2010] показало, что эти контрольные цифры имеют смысл только при условии разработки реализации схем комплексного использования и охраны водных объектов с детализацией по водохозяйственным районам и использованием индикаторов качества воды и её оборота в территориально-хозяйственных системах.

Общие итоги

Анализ отдельных видов природопользования показал, что их рационализация тесно связана с профилем территориально-хозяйственных систем и характером природоохранных мероприятий. Более того, сравнение производственных и экологических данных является своеобразным индикатором уровня общей экономической культуры.

Н.Н. Клюев [2007] экологические итоги коренной ломки основ хозяйственной жизни в 1991-2000 гг. справедливо оценил весьма негативно. По некоторым позициям негатив прослеживается и в 2001-2010 гг., особенно в части природно-техногенных катастроф. Вместе с тем, *Н.Н. Клюев* отметил «существенное отставание темпов снижения промышленной нагрузки на природу от темпов снижения экономической активности» [там же, с.13]. Нам представляется, что так и должно быть. Дело в том, что значительная доля загрязнения окружающей среды связана с источниками производства электричества и тепла, а также с водопотреблением. Но в кризисной ситуации энергетическое и водное хозяйство служит своего рода страховщиком, сохраняя резервы для будущего роста. При этом мало внимания уделяется сбережению ресурсов. Наоборот, в годы стабильной и растущей экономики энерго- и водосбережение становится особо актуальным, а поэтому индексы роста промышленного производства заметно выше аналогичных индексов объемов загрязнения. Это говорит о том, что ***экологическое благополучие не имеет прямой пропорциональной связи с динамикой производства, но обусловлено конкретными технологиями и надежностью коммуникационных сетей.***

Второй итог, вытекающий из анализа отдельных процессов природопользования: интеграция частных результатов необходима для уяснения долгосрочных приоритетов территориального развития. ***Все ресурсы необходимы, но будущее людей, всё же, в боль-***

шей мере связано с биоресурсами. Эта аксиома имеет важное экономическое дополнение, которое может внести существенные коррективы в формирование стоимостных пропорций общественного воспроизводства (табл. 21,22).

Таблица 21

*Природный капитал ряда стран мира на начало XXI в. **

Страны	Природный капитал		В процентах к общему объему				
	Всего, трлн. долл.	На душу населения, тыс. долл. США	Земля		Леса		Полезные ископаемые
			всего	в том числе пашня	всего	в том числе охраняемые	
Страны семерки ^{**}	7,4	10,6	-	-	-	-	-
В том числе:							
США	4,6	16,5	60	44	20	8	19
Россия	24	160	15	10	15	5	65
В том числе:							
Республика Коми ^{***}	0,466	410	12	3	17	3	71

* Составлено по: [Нестеров, Аширова,2002]; ** США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Канада.

*** Экспертная оценка автора.

Таблица 22

Валовая потенциальная ценность запасов полезных ископаемых (по категориям АВС₁ + С₂) и лесных ресурсов в России и в Республике Коми, в долл. США

Ресурсы	РФ		РК		Доля РК в РФ, %
	млрд. долл.	соотношение	млрд. долл.	соотношение	
Запасы полезных ископаемых	28 560	1,00	582	1,00	2,04
Лесные ресурсы	128 000	4,48	4 480	7,70	3,50

Составлено по: [Бурцев и др., 1997. С. 19; Нестеров, 1997. С. 17].

Третья позиция касается организации охраны окружающей среды. Экологизация технологий производства стала нормативным требованием, поэтому основную ответственность в данном деле в отведённых географических границах несут предприятия-природопользователи. Здесь важно учесть специфику самого производства и его материально-технической базы. С определением экологических платежей начинается некоторая унификация природоохранной деятельности на основании общих подходов к экономической оценке фиксированного ущерба. Имеют «общий знаменатель» контрольные и надзорные функции государства относительно охраны природы. «Узким местом» в организации этого вида хозяйства остаётся его отраслевое и фирменное оформление в виде специальных предприятий по охране и восстановлению природных комплексов. ***Охрана окружающей среды должна восприниматься как особая отрасль экономической деятельности.***³⁴ Её оформление стало бы существенным дополнением к тому, что делают предприятия.

³⁴ Здесь уместна аналогия с геологоразведкой. Когда она была «полнокровной» отраслью народного хозяйства, тогда успехи в формировании минерально-сырьевой базы страны были весьма впечатляющими. С развалом этой отрасли впечатляющими стали неудачи. Аналогично можно указать и на отсутствие должной организации институтов хозяйства и специализированных предприятий в части землеустройства, мелиораций и рекультивации. В Республике Коми лишь одно предприятие является профильным по ликвидации последствий экологических бедствий и катастроф (ООО «СПАС. «Природа» в г. Усинске).

Глава 5. ПЛАНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ³⁵

5.1. Исходные позиции

Территориально-хозяйственные системы – от домохозяйств и предприятий до крупных экономических районов и территориально-производственных комплексов – это и есть объекты и субъекты планирования территориального развития. Содержание планирования предопределено одновременно природной и социально-экономической сущностью данных систем и их взаимными связями и отношениями, а также целевыми установками того, кто планирует. Планирование базируется на прогнозах идеальных образов систем и путей движения от реального – к идеальному.

Р. Акофф и Ф. Эмери [1974, с.227] пишут: «Людей и некоторые социальные системы, частью которых являются люди, отличает то, что они могут стремиться к результатам и состояниям, достижение которых, как им хорошо известно, невозможно. Дело в том, что само продвижение к этим недостижимым состояниям приносит им удовлетворение. Такое продвижение называется прогрессом, а конечное состояние – идеалом». Действительно, необходимость прогнозирования имманентно присуща человеку и обществу; это их форма деятельности, обусловленная закономерностями мышления, а также материальными и духовными потребностями. Прогнозирование конструктивно не столько предсказанием будущего, сколько выстраиванием цепочки логических умозаключений по поводу прогресса и возникающих на его пути проблем.

Развитие методологии мыслительной деятельности, систематизация методик и операционного аппарата конструирования будущего в совокупности привели к формированию **прогностики** – научной дисциплины, имеющей свои исходные понятия, объясняющие виды и принципы прогнозирования, разрабатывающей его технологию с учетом характеристик объектов и их информативности, предлагающей особые способы верификации результатов прогнозов [Прогно-

³⁵ В основу данной главы положены материалы, изложенные в статьях: [Дмитриева, Лаженцев, 2010] и [Лаженцев, 2013а; 2013б; 2013в].

стика... ,1978]. Следовательно, прогнозирование не выходит за рамки науки (это не гадание и не астрологическое предсказание). Оно неотъемлемо от теории и методологии. Как было показано во второй главе, теория создает идеальный образ реального мира, практика – сам реальный мир. Идеальное (желаемое) и реальное (существующее) «соединяются» познавательными нормами – методологиями. Прогнозируя, человек интегрирует различные знания и проецирует их на плоскость организационно-управленческой деятельности. Как правило, разрабатываются и используются три таких типа знаний: 1) о жизни управляемых систем; 2) о жизни управляющих структур и формах их организации; 3) о способах объединения объективного и субъективного, естественного и искусственного [Щедровицкий, 1992].

В последние годы в разработке научных основ прогнозирования субъективному фактору и организации деятельности субъекта управления уделяется большое внимание. На это указывают, например, материалы Международной конференции «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды» (Москва, Институт прикладной математики им.М.В. Келдыша, 26-28 ноября 2007). Так, В.С. Степин [2007, с.11] подчеркивает, что «для саморазвивающихся систем операции деятельности перестают быть чем-то внешним по отношению к развитию системы, а предстают как процесс-компонент, включенный в это развитие». Е.Н. Князева [2007, с.2] отмечает: «Конструктивизм в познании и практике – это такой подход, в рамках которого считается, что человек в своих процессах восприятия, мышления и деятельности не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его». Переводя эти высказывания в плоскость научного прогнозирования, следует еще раз отметить особое значение мировоззрения научного работника, его творческого кредо, сопричастности к определенной научной школе и т.п. От этого зависят результаты прогнозирования, и такого рода зависимость проявляется уже в том, как происходит выбор ценности и цели. Здесь следовало бы исходить из философско-методологической трактовки категории «цель», а также из различий между «целенаправленностью» в объективном смысле и «целеустремленностью» в субъективном [Макаров, 1977].

Ценностные ориентиры должны быть зафиксированы в явном виде; необходимо также четко сформулировать целеполагание – намерения управленца (или исследователя), целеопределение – корректировка намерений под влиянием конкретных

обстоятельств, целереализацию – выбор специфических средств решения ключевых проблем.

Целенаправленность предопределена диалектикой восприятия человеком закономерностей развития материального и духовного мира; совпадением объективных и субъективных логик. Целеустремлённость – идеалами будущего, желанием людей улучшить свойства и качества социальных систем, частью которых они являются. Поэтому эти свойства и качества, а также сами люди, по сути, и становятся главным предметом прогнозирования. Природа человека такова, что он не только воспринимает окружающий мир, но и активно конструирует его.

Проблемами организации прогнозирования и планирования наука занимается уже давно и основательно. Делаются попытки показать объективные основания необходимости плановой деятельности как имманентного свойства целеустремлённых социальных систем.

В настоящее время в России с учётом мирового опыта формируется новая система планирования. Если за отправную точку взять проект ФЗ «О государственном стратегическом планировании», то увидим достаточно сложное её устройство (рис. 9).

В первом приближении можно сказать, что территориальное планирование присутствует в федеральных документах как составная часть, и в виде самостоятельных документов субъектов Федерации. Так принято считать – всё, что ниже Центра относится к территориальному (это, конечно, неправильно). Вторая позиция: к территориальному планированию относятся документы, в которых «территория» включена в их название: федеральная Схема территориального планирования страны и Схема территориального планирования субъекта Федерации. Сюда же можно отнести и схемы расселения населения.

Пока в системе государственного управления само понятие «территориальное планирование» остаётся недостаточно определённым по содержанию и «грешит» административно-формальными признаками. *Автор намерен проводить линию разграничения между официальным территориальным планированием и планированием территориального развития, научное содержание которого показано выше.*

Наша позиция заключается в следующем. Планирование территориального развития является «сквозным», выступает как принцип территориальности. Его актуальность объективно обусловлена на разных уровнях управления:

Более 6 лет	Стратегический прогноз на долгосрочный период (14)	Стратегия национальной безопасности (18)	Концепция долгосрочного социально-экономического развития (20)	Государственная программа Российской Федерации (25)	Стратегии социально-экономического развития федеральных округов и отдельных территорий (24)	Прогноз социально-экономического развития на долгосрочный период (30)	Стратегия социально-экономического развития (32)
	Прогноз научно-технического развития (15)	Военная доктрина (19)	Отраслевые документы государственного стратегического планирования (23)	Государственная программа вооружений (26)	Межотраслевые документы государственного стратегического планирования (23)	Программа социально-экономического развития (35)	Госпрограммы субъекта РФ (36)
	Прогноз социально-экономического развития (16)	Долгосрочная бюджетная стратегия (21)		Схема территориального планирования (27)		Долгосрочная бюджетная стратегия (33)	Схема территориального планирования (34)
		Стратегия регионального развития (22)		Генеральная схема расселения (29)			Схема расселения на территории субъекта РФ (37)
От 3 до 6 лет	Прогноз социально-экономического развития на среднесрочный период (17)	Основные направления деятельности Правительства РФ на среднесрочный период (28)				Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период (31)	
	Федеральный (Российская Федерация)			Межрегиональный	Региональный (субъекты Федерации)		

Рис. 9. Комплекс документов стратегического планирования / Федеральный закон «О государственном стратегическом планировании».

(Проект вводится в действие с 01.01. 2014 г.; в скобках указан номер статьи в Законе; кругами обозначены документы, в которых могла бы найти место концепция автора и его коллег о территориальном развитии как формировании и совершенствовании ТХС на основе рационального использования природно-ресурсных и социально-экономических потенциалов).

- **макроуровне** – необходимостью генерального экономического районирования как метода территориальной организации производственных сил, неравномерностью экономического развития и угрозами появления больших «мертвых зон», глобальностью природных процессов, крупномасштабным освоением минерально-сырьевых и биологических ресурсов, гидротехническим и транспортным строительством;

- **мезоуровне** – необходимостью системной увязки технологических, экономических, экологических, социальных, экологических, информационных и других аспектов хозяйства, конкуренцией за ресурсы общего пользования, координацией экологической деятельности, поисками путей рационального природопользования;

- **микроуровне** – противоречиями в отношениях по поводу землепользования, возрастающей ролью самоуправления, формированием социальных инициатив, потребностями людей в коллективном благоустройстве.

Именно планирование территориального развития в состоянии последовательно и итеративно увязать потребности в ресурсах общего пользования с их наличием, с задачами формирования ТХС и интересами населения. Капитализация таких ресурсов необходима, поскольку на ней основывается территориальное хозяйствование. Но это не значит, что их обязательно надо продавать тому, кто больше заплатит. Выдача лицензий на производственную деятельность должна учитывать общественные нормы экономического, социального и экологического поведения. И это тоже является предметом планирования территориального развития.

Весьма сложная процедура – это введение научных знаний о функциях места, линейно-узловых системах, взаимосвязях по линии «центр – периферия», геосистемном подходе, пространственном развитии в практику планирования; каждый раз по особому, когда планируется участие домохозяйств, общин, муниципалитетов, региональных правительств и межрегиональных структур управления в формировании и совершенствовании территориально-хозяйственных систем.

5.2. Технологические этапы

Органы центрального, регионального и муниципального управления, а также общественного самоуправления сами должны проводить диагностический и прогнозный анализ, выбирать для решения приоритетные проблемы, составлять концепции, стратегии,

программы, проекты, планы, вести мониторинг их выполнения, придавая каждому этапу организационно-управленческой деятельности специфическое содержание. Наука же рекомендует придерживаться определенных правил принятия решений (в нашем случае, общих алгоритмов и логики совершенствования структуры, регулирования, формирования и развития территориально-хозяйственных систем) [Дмитриева, Лаженцев, 2010].

Технологические этапы представим в краткой форме следующим образом:

1. **Анализ:** определение современного состояния системы – что имеем?

2. **Концептуирование:** создание образов будущего, определение ценностей и способов их реализации, альтернативы развития, выбор цели – ЧТО ХОТИМ?

3. **Стратегирование:** построение ключевых средств достижения цели, выбор магистральных направлений, определение самообразующих звеньев (структур аттракторов), формирование понимания о ключевых средствах решения стратегических задач – ЧТО ДЕЛАЕМ?

4. **Программирование:** построение тактических средств достижения цели, отбор приоритетных проблем, организация программной деятельности, формирование комплекса мероприятий и заданий – КАК ДЕЛАЕМ?

5. **Мониторинг:** контроль, оценка изменений, анализ тенденций, оценка эффективности – ЧТО ПОЛУЧИЛИ?

Анализ

Как правило, объект планирования «задан» государственными и административно-территориальными границами; реже – исследователь сам выбирает, что он хотел бы прогнозировать и предлагать для планирования. Готовый объект удобен наличием официальной статистики; путь самостоятельного выбора объекта планирования – большей степенью уверенности в том, что он (объект), действительно, представляет территориально-хозяйственную систему или может стать таковой. В обоих вариантах изначальной должна быть процедура отбора показателей, отражающих территориальное развитие и ничто другое (см. 2.2) При этом желательно иметь представление о видах анализа и их последовательном расположении (табл. 23).

Таблица 23

Организация анализа

Виды анализа	Ориентиры	Материалы и документы
Диагностический анализ	Ценности (благосостояние и благоустройство жизненной среды)	Научные труды, аналитические доклады, записки
Прогнозный анализ	Цели (движение к идеалу)	Научные и футурологические прогнозы. Концепции
Анализ приоритетных проблем	Проблемы (устранение препятствий устойчивого развития)	Стратегии
Анализ выполнения программ	Результат (степень приближения к идеалу)	Программы
Анализ тенденций	Последствия (сравнение «что хотели» с тем, «что получили»)	Электронный паспорт территории

Анализировать можно всё многообразие свойств и качеств объекта, но при этом теряется целенаправленность; в территориальном планировании важно понять смысловую нагрузку на отдельные виды анализа ради определения приоритетных направлений управления.

Обычно анализ трактуется как разложение целого на части с целью научного объяснения строения изучаемого объекта, выявления его внутренних структурно-функциональных взаимосвязей и поиска синергетического эффекта. Здесь объект описывается по схеме: материал, состав, структура, функции составных частей и протекающие в них процессы, системообразование. Такой анализ используется и при исследовании социально-экономических объектов.

Типичная ТХС по материалу очень разнообразна; ее единство составляют три блока – природа, население и хозяйство, и пять базовых подсистем – технология, экономика, социальное развитие, экология и информатика. Соответственно, анализируются их функ-

ции: инновационная, обеспечение эффективного производства и социальной справедливости, воспроизводство природно-ресурсного потенциала и охрана окружающей среды, развитие коммуникаций. Все это проецируется на главную целевую функцию ТХС в целом – создание благоприятной жизненной среды и поддержание оптимальной системы жизнеобеспечения на конкретной территории.

По линиям развития анализируется механизм смены качества ТХС, наполненный соответствующими показателями (например, смена ландшафтов и лесообразующих пород, типов энергетики и воспроизводства основных фондов, этапов формирования транспортных коммуникаций и т.п.). Устанавливаются тенденции тех или иных процессов, сильные и слабые места в системе, внешние импульсы и затруднения. На выходе из анализа производится оценка общественных изменений, дающая представление о линиях прогресса, формируются установки (наказы) – что должно быть сделано.

Анализируется не только объект, но и действия, ранее принимаемые по его развитию. Исследователь (научный коллектив) должен иметь в виду, что на момент, когда он приступает к прогнозированию, как правило, то же уже делали и другие. Это относится и к организациям, принимающим официальные решения, оформляющим стратегии в качестве государственных документов. В европейских странах существует такое понятие, как «рынок прогнозов», требующий целенаправленного анализа для выбора того, что наиболее соответствует задачам планирования и проектирования. И в нашей стране имеется такого рода «рынок», наполняемый многочисленными институтами и центрами; кроме того, накапливается достаточно много официальных документов стратегического характера.

Концепция

На «стыке» теории и практики формируется цель ТХС. Субъект управления делает выбор ценностных ориентиров развития и определяет свою позицию по отношению к ним на основе предшествующего анализа. Назначение концепции – создание образов будущего, желательного состояния системы. Функция концепции – выдвижение целей деятельности. На выходе из неё мы получаем набор целей (идеалов) и целеобусловленный тип развития ТХС, вектор ее движения.

В концепции, с одной стороны, надо показать желаемое состояние хозяйственных единиц той системы, за которую отвечает её разработчик. Например, региональное правительство должно отра-

зять своё видение будущего республики (края, области), районных и окружных муниципальных образований; последние в свою очередь показывают вектор развития поселений, домохозяйств и общин. С другой, – субъекты всех уровней определяют свои цели и ресурсы их достижения, а также своё причастие к проблемам территориального развития.

Стратегия

Она связана с переходом от целеполагания к целеопределению и решает главную задачу – построения средств достижения идеального состояния системы. Построение средств и есть, по сути, проектирование системы, поэтому стратегирование (наряду с программированием) – опорное звено технологии планирования ТХС.

Если концепция определяет тип развития, то стратегия – тип воздействия, обеспечивающего продвижение вперед. Это воздействие направлено на усложнение системы в режиме «опережающего отражения». Оно предполагает учет направлений и тенденций внутреннего саморазвития и в то же время с помощью особых средств обеспечивает новые возможности, недостижимые при условии «естественного» развития (использования только внутренних возможностей).

В составе средств, организующих проектируемую систему, выделим **направления и источники развития**. Магистральные направления развития ТХС устанавливаются в результате декомпозиции общей цели в виде ряда задач. Источники представляют новообразования, организующие или, как говорят, локализирующие развитие. В теории самоорганизации (синергетике) они обозначаются как структуры-аттракторы. По «материалу» это формы и методы организации предметной деятельности, т.е. конкретных процессов. В качестве структур-аттракторов могут рассматриваться новые типы организации экономических отношений, социальных процессов, инновационные технологии, производства. Материально-техническими и социальными носителями новообразований являются общественные институты, социальные группы, сетевые структуры разных типов (информационные, транспортные, технологические и др.).

На выходе из стратегии мы получаем совокупность задач, решение которых направлено на реализацию концепции, и систему ключевых средств достижения предполагаемого будущего.

Программы

На этом этапе проходит построение тактических средств достижения цели, целереализация. Для программирования характерно достижение конечного результата проектирования системы специфическими средствами – выработкой политики, т.е. комплекса намерений и действий и созданием необходимых оргструктур. Основное правило программирования – необходимость проблемного подхода к решению стратегических задач и переход управленческой деятельности в новое операционное пространство – практику.

Начальным шагом программирования является корректная формулировка проблемы, чтобы можно было конкретизировать магистральные направления развития системы, трансформировать общие стратегические задачи в частные технические. Напомним, что не всякая задача имеет проблемный характер, а только та, которая отражает сложную (даже тупиковую) ситуацию развития и не имеет очевидного решения. В контексте нашего исследования проблема – это узкое место в решении стратегических задач, она выявляется в ходе приоритетного отбора и требует разработки соответствующих тактических средств в рамках специальной программы территориального развития.

Перевести территориальное развитие в русло программного управления можно, если сама проблема будет сформулирована относительно взаимосвязки природопользования, расселения и благополучия населения и территориального хозяйствования.

То, что подлежит программно-целевому управлению следует определить в плановых документах стратегического характера. Его методология разработана достаточно конструктивно, но в большинстве так называемых программ она не используется. Хорошим примером программного подхода к территориальному развитию служит труд *М.К. Бандмана* [1980] применительно к программно-целевым ТПК. Что и как надо выделить из ряда общих направлений стратегического территориального развития, чтобы выделенное стало предметом особого рассмотрения «под программу», показано в работе *А.Г. Аганбегяна* [2013] с примерами по Монголии, Армении и Костромской области. Примером практической реализации данного подхода является также Программа социально-экономического развития Республики Коми (1993-2003 гг.), имевшая свою администрацию и фонд реализации. Правда, если исходить из положений, из-

ложенных выше, то эту программу нельзя отнести к разряду территориальных, поскольку в ней не рассматриваются ТХС.

Автор полагает, что территориальное развитие может быть введено в программирование более или менее без противоречий, если в качестве его объекта рассматривать территориальные сочетания природных ресурсов народнохозяйственного значения и территориальные взаимосвязи субъектов хозяйствования.

Организационно-технологической единицей программирования является *мероприятие* – конкретный вид деятельности, по содержанию которого определяются задания участникам программы. В нашем случае задания должны быть нацелены не только на «освоить и использовать», но главным образом – на модернизацию существующих и формирование новых ТХС с учётом научно-технических достижений в области природопользования. *Матрица программных мероприятий, согласованных по времени, ресурсам и основным показателям, представляет основной результат программирования.*

Потенциал программного управления в России достаточно высок. Его положительные факторы: есть стройная теория программирования, разработана его методология, создано нормативное обеспечение (Федеральный закон, паспорт программы). Но потенциал снижается негативными явлениями: появилась масса программ (бум), но нет эффекта; не всякий документ с названием «программа» является таковым, большая их часть в лучшем случае соответствует концепции или стратегии. Причина неэффективности, как кажется на первый взгляд, в слабом финансовом обеспечении. Причина на поверхности. Но есть убеждение, что большинство программ «зависли» бы и при достаточном финансировании (еще больший грех неэффективного использования скудных средств). Нельзя не отметить и минусы разработки программ: нет осмысления проблемы (сути, характера, масштаба); отсутствие согласования интересов участников ее решения, низок уровень командной работы; не проводится должным образом оценка эффективности программ.

Минусы реализации программ связаны с наличием большого числа частных структур, противодействующих реализации общих программ, упованием на федеральную поддержку, отсутствием механизмов аккумуляции финансов на базе кооперации, отсутствием мониторинга выполнения программ.

Мониторинг

Его задача состоит в том, чтобы проконтролировать процесс проектирования и организации хозяйственной системы, представляющий совокупность направленных воздействий. При этом производится оценка результата воздействий на базе фиксации степени изменений в системе и их последствий. Кроме того, выявляются тенденции ведущих процессов в системе в целом и ее подсистемах. Результаты и тенденции учитываются при корректировке цели и стратегии развития системы, что позволяет возобновить цикл проектирования и обеспечить непрерывность управления.

Отслеживание результатов проектируемого (программно-регулируемого) развития является функцией направленного мониторинга, в отличие от общего, где преобладает регистрация изменений. Основное его содержание – аналитико-прогнозное, отражающее близость (или отдаленность) действительных изменений к желательному состоянию, цели развития.

Направленный мониторинг должен опираться на показатели, характеризующие линии развития системы. Массив данных мониторинга формируется на разных этапах проектирования и организации ТХС, а именно в анализе и разработке концепции, а также после выполнения основных программных мероприятий. В нем, таким образом, следует отразить допрограммное, желательное (прогнозируемое) и послепрограммное состояние системы. Их сопоставление служит основанием для оценки эффективности всего цикла проектирования и организации системы и может быть оформлено в специальный документ, заключающий общий пакет документов государственного управления развитием территориальных хозяйственных систем.

Итак, рассмотренные этапы организации развития ТХС различаются назначением, содержанием и результатом. Они являются основными элементами технологии территориального управления, построенной на принципах системного и организационно-деятельностного подходов. Данная технология представляется нам наиболее продуктивной при разработке программных документов государственного планирования территориального развития.

5.3. Практика территориального планирования

Территориальное развитие включает многие виды практик. Некоторые из них проявляются явно: благоустройство, землеустройство, природопользование и охрана окружающей среды, разме-

щение производства, строительство транспортных, энергетических, водохозяйственных и информационных коммуникаций, градостроительство и расселение населения. Другие как бы отдалены от территории, но, тем не менее, характеризуют ее социальные данности – это развитие человека, его физических и духовных потенциалов (здоровье, образованность, творчество, культура, духовность).

Укажем на необходимость соответствия форм организации экономико-географической деятельности желаемому состоянию территориально-хозяйственных систем. Сформулируем два вопроса: 1) соответствует ли содержание используемых ранее и разрабатываемых в настоящее время документов стратегического характера тому, что должно было бы в них отражено?; 2) соответствует ли организация управления территориальным развитием его генеральным задачам?

Первый вопрос для автора не является новым. Мы его рассматривали в связи с анализом документов планирования и долгосрочного прогноза, например, Комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет (региональный разрез) и Схемы развития и размещения производительных сил на 15 лет. Здесь мы отметили некоторое несоответствие изначально заданной направленности документов на решение специфических проблем НТП и размещения производительных сил и их общего содержания – все обо всем. Узловые проблемы научно-технического прогресса и размещения производительных сил многократно перекрывались другими вопросами социально-экономического развития. Последние повторялись «один к одному» как в Комплексной программе, так и в Схеме. Было также отмечено, что происходила подмена понятия «производительные силы» понятием «производство», а потому сама «сила» никак не измерялась, а ее составляющие (концентрация, специализация, кооперирование, комбинирование, интеграция) выпадали из поля зрения.

Нельзя не заметить, что недочеты прошлых лет переходят в современность. Обилие показателей самого различного характера наполняют документы стратегической направленности; в итоге трудно понять смысл их целеполагания, целеопределения и целереализации. То же можно сказать и о политическом курсе на инновацию и модернизацию.

В ответе на второй вопрос сошлемся на мнение известного специалиста в области управления градостроительством и террито-

риальным развитием *В.В. Владимирова* [2000]. В этой сфере он находит много несоответствий архитектурного, планировочного, правового и экономического характера, а главное – отсутствие системности в территориальном управлении. «В России, вне всякого сомнения, тоже (как и во многих западных странах – В.Л.) должна быть полноценная властная вертикаль, в задачу которой входили бы стратегические вопросы развития городов и градостроительства. Поэтому на федеральном уровне необходимо радикальное реформирование системы управления территориальным развитием и градостроительством» [с.61]. В данной системе предлагается создать на федеральном уровне Государственный совет по территориальному, городскому развитию и охране окружающей среды и Министерство организации территории, градостроительства и архитектуры Российской Федерации; на уровне субъекта Федерации – Совет по территориальному развитию, градостроительству и охране окружающей среды области (республики, края, округа), Комитет (департамент, управление) по территориальному развитию, градостроительству и архитектуре и Отдел градостроительства и архитектуры административных районов (окружных и районных муниципалитетов).

На наш взгляд, предложенная *В.В.Владимировым* «вертикаль» соответствует специфике территориального развития, а также функциям обозначенных выше видов экономико-географической практики. Действительно, в настоящее время нет органа управления, который бы в полной мере использовал и развивал потенциал геоинформатики, картографии, районного и ландшафтного проектирования, географической экспертологии и ряда других составляющих управления территориальным развитием.

Весьма обстоятельный анализ практики стратегического планирования развития регионов провёл *В.Е. Селивёрстов* [2010]. Он отмечает, в частности, такие её недостатки, как монополизм «рынка» прогнозов, когда разработка региональных стратегий поручается узкой группе столичных консалтинговых компаний, которые не знают региональной специфики и пишут «под трафарет»; отсутствие стимулирования экономической интеграции регионов и неправильная установка на конкуренцию между регионами за федеральные финансовые ресурсы; низкий уровень организации мониторинга социально-экономических процессов и природной среды, особенно в крупных экономических районах.

Ещё более существенные недостатки в организации территориального планирования находит *А.Н. Швецов* [2009]: отсутствие методологии и методик, нестыковка прогнозов и планов, слабая регламентация плановых и градостроительных документов, несоответствие между региональными и муниципальными стратегиями и многое другое. Вместе с тем, отмечено и положительное. *В.В. Дидык* [2012] приводит примеры удачной разработки и реализации стратегических планов некоторыми северными муниципальными образованиями, обусловленной, главным образом, творческой инициативой их руководителей.

Одним из основных документов в системе регионального управления стала Схема территориального планирования. В ней отражается проекция Стратегии социально-экономического развития области (республики, края, округа) и соответствующих программ на территорию с увязкой прогнозируемого с конкретными условиями местности. Теоретическое объяснение данного документа [*Территориальное планирование...*, 2009] и первые опыты его разработки [*Чистобаев и др.*, 2010] дают надежду на то, что это будет документ конструктивного характера. Мы его видим в качестве более эффективной замены Схемы районной планировки, ранее включаемой в систему районного проектирования. Вместе с тем, Схема территориального планирования не заменяет документов локального масштаба – генпланов и проектов районной планировки, а также нормативных характеристик территорий, которые отражались в этих документах [*Районная планировка*, 1986].

Каждый шаг в совершенствовании планирования территориального развития необходимо сверять со всей системой финансово-экономических и административно-нормативных отношений по вертикали и по горизонтали власти. Как показала *Н.И. Ларина* [2005], такого рода сверка представляет весьма сложный процесс налаживания механизма регулирования отношений экономического федерализма.

Таким образом, прогнозирование территориального развития должно внедряться в системно-организованное управление и соответствующие государственные документы. Без этого нельзя обеспечить «стыковку» идеального образа проектируемого будущего с реальной действительностью.

5.4. Север: пример ситуационного анализа и концептуальных подходов к определению будущего

В контексте методологии территориального планирования покажем некоторые результаты анализа и прогноза. В части ситуационного анализа итоги можно сформулировать следующим образом:

– самым впечатляющим процессом, побуждающим к размышлению о будущем Севера России, является массовый выезд населения;

– существующие ныне мнения по поводу минимизации или максимально допустимого заселения Севера требуют критической оценки с точки зрения естественноисторической самобытности конкретных северов;

– вариации на тему «идеальный социально-экономический образ северного региона» могут быть конструктивными только при наличии главной предпосылки – свободы выбора человеком своего места жительства;

– на Севере и в Арктике, в местах, где постоянно живут люди, только власть может создать невыносимые условия для человека, но, она же, в состоянии предотвратить возможные угрозы или устранить их последствия;

– политическая доктрина «Модернизация России» для Севера означает нордификацию³⁶ всех аспектов хозяйственной деятельности на основе научно-технического и социального прогресса.

Население «голосует ногами» не только как трудовой ресурс, но и как социальный субъект, поведение которого во всё большей мере определяется свободой выбора и сравнительным уровнем качества жизни. На рис. 10 показана динамика численности населения северных и предсеверных регионов. За период с 1989 по 2010 г. население регионов, полностью входящих в состав Севера России, сократилось на 1 864 тыс. чел., или на 16%, в том числе – в европейской части – 25%, азиатской – 10%. На этом общем фоне негативно смотрятся северо-восточные «углы» (рис. 11): в европейской части – Республика Коми (убыль населения составила 28%), в азиатской – Магаданская область (60%) и Чукотский автономный округ (69%).

³⁶ Термин «нордификация» Т.Е. Дмитриева (ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН) предложила использовать для оценки и учета неблагоприятного воздействия северных условий в управленческих решениях [Дмитриева, 1999].

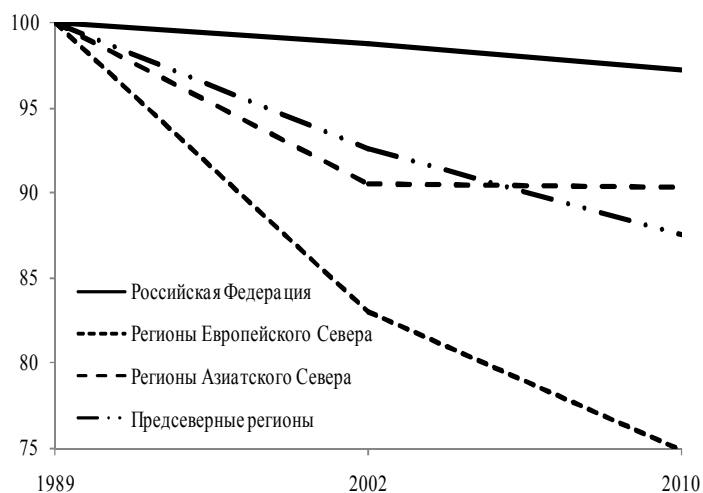

Рис.10. Динамика численности населения северных регионов.

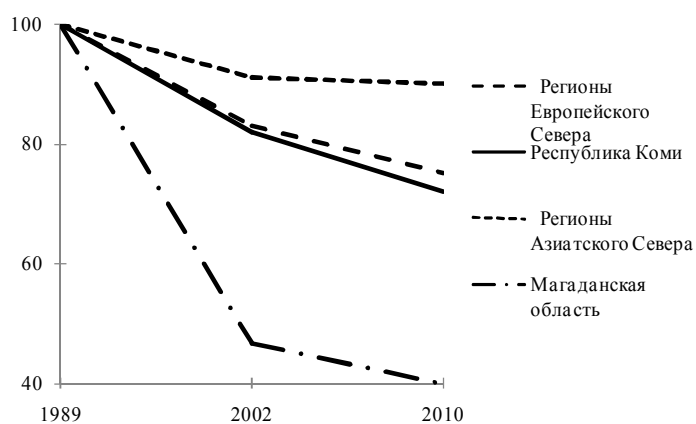

Рис.11. Динамика численности населения северных регионов (пример северо-восточных «углов»).

Предсеверные регионы, как и северные, имеют отрицательное сальдо миграции населения. Это существенно снижает надежду на то, что они (как бы автоматически) будут опорными базами для развития Севера. Пока же они стали транзитным коридором для мигрирующих северян.

Тенденция массового выезда людей из регионов Севера подтверждается их намерением уехать в другие регионы страны. Покажем это на примере Республики Коми, где в декабре 2012 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по данному поводу провёл опрос населения.

Доля удовлетворённых жизнью в Республике Коми, % :	
по всему числу опрошенных	64
- предприниматели	38
- специалисты с высшим образованием	25
- неквалифицированные рабочие	29
- пенсионеры	30
Причины поиска нового места жительства (от числа опрошенных), %:	
- общие условия жизни	27
- климатические условия	26
- трудоустройство	16
- забота о детях	42
Настроение населения Республики Коми о переезде в другие регионы страны, %:	
Твёрдо решили уехать	
- из всех опрошенных	12
- квалифицированные специалисты	24
- предприниматели	25
Уедут, если представится возможность	
- из всех опрошенных	48
- жители до 45 лет	52
- с высшим образованием	62

Приведённые материалы ВЦИОМ стали предметом публичного обсуждения и вызвали соответствующие тревожные отклики. Автору представляется, что не столь опасен факт уже случившегося оттока населения из республики, сколько настроение оставшихся. Дело в том, что Север имеет резервы экономического роста, но при умеренном сокращении численности населения и существенном росте производительности труда.

В относительно короткий период (пять-десять лет) численность населения в ряде северных регионов существенно сократилась, вместе с тем, хотя и медленно, производство растёт. Это напоминает случаи, когда из-за эпидемии гриппа половина персонала заводов, фабрик и других организаций на работу не ходит, но про-

граммы выполняются. Если нет существенных инновационных перемен, то рост ВРП (относительно численности населения) происходит по трём причинам: увеличение среди жителей региона доли экономически активного населения, привлечение работников со стороны, т.е. не живущих в регионе, и за счёт сдвигов в структуре ВРП.

Особое внимание обратим на интерес бизнеса к мобильным трудовым бригадам, не связанным с социальными обязательствами перед регионом, – «приехал, вырубил, получил расчёт, уехал». Число их растёт и это, с одной стороны, отражает новые возможности освоения природных ресурсов Севера, с другой, – создаёт почву для социальных конфликтов с местным населением, остающимся без работы, но не желающим уезжать в чужие края. Такая мобильность экономически эффективна, но социально не справедлива.

Основная часть рабочих мест в северных регионах (вопреки логике их развития) является низко производительной и мало доходной. Нет системного сопряжения в организации труда на «головных» производственных операциях и последующих – вспомогательных и обслуживающих. Когда речь идёт о модернизации экономики, то целесообразно эффект инноваций рассматривать в рамках территориально-хозяйственных систем так, чтобы все их звенья совершенствовались синхронно.

Проникновение, переселение и передислокация обеспечили рост численности населения райнов, полностью отнесённых к Северу России, примерно, до 3 млн. чел. Это вполне естественный (спонтанный) демографический процесс. Следовательно, остальные 7,3 млн. – **результат колонизации (экономической интервенции) и трудовой межрегиональной кооперации**. При условии же рациональной организации освоения территорий и ресурсов, более тесной межрегиональной интеграции, а также при производительности труда, соответствующей мировому уровню, колонизация могла бы дать прирост населения в этих районах лишь до 5,5 млн. чел. Учтём выполнение и других функций, в том числе оборонных, которые потребовали ещё около 0,3 млн. чел. Итого «обязательными» являются 8,8 (3,0 + 5,5 + 0,3) млн. чел. По переписи населения 2010 г. в указанных регионах проживало 10,3 млн. чел.

Можно сделать вывод, что существующая тенденция отрицательной для Севера миграции населения пока «терпима», но при условии высоких темпов роста производительности труда и «замене

щающем» характере освоения новых месторождений минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов.

Имеется множество концептуальных подходов к развитию Севера. Мы взяли лишь, на наш взгляд, основополагающие.

В 1932 г. состоялась Первая Всесоюзная конференция по размещению производительных сил СССР [*Второй...*,1932]. В докладе С.В. Славина были сформулированы следующие положения:

- освоение Севера должно целиком подчиняться решению важнейших задач развития народного хозяйства СССР;

- оно должно пока иметь ограничительный характер в связи с трудностями продвижения в северные районы и удорожанием здесь работ;

- на Севере необходимо строить только те предприятия, которые вызваны народно-хозяйственной необходимостью и не могут быть построены в других районах;

- базой освоения Севера также должны служить старые промышленные районы, давая не только машины и технику, но и делаясь опытными кадрами, рабочей силой, которых на Севере – острый дефицит;

- кроме того, должен присутствовать дифференцированный подход к освоению каждого района Севера. Нельзя рассматривать Север как однородное целое, несмотря на ряд общих объединяющих моментов. Проблемы Севера могут быть конкретно разрешены только по отдельным его экономическим комплексам.

Все пять концептуальных положений С.В. Славина, правильные по сути, в дальнейшем были использованы практически лишь в части «*что надо делать*», но ни одно из них не было реализовано в части «*как надо делать*». К ним следует вернуться и вновь оценить в качестве базовых именно с позиций – *как осваивать и обживать Север?* При этом желательно учесть всё положительное, не соглашаясь с крайностями. Примерно, таких же позиций придерживался и виднейший специалист по проблемам освоения Севера и Арктики Г.А. Агранат [2007].

Прежде всего, подчеркнём значение в определении будущего Севера исторического фактора, фундаментально отражённого в труде сибирских историков и экономистов [*Траектория...*,2011]. Они подробно изложили более чем 600-летнюю историю освоения Севера и Арктики, показав следующее:

– с первых шагов до наших дней был значительный разброс мнений по поводу целей, задач и возможностей освоения северных и арктических территорий и ресурсов;

– капитал «шмыгающий» за пушниной и золотом не заложил основ индустриального освоения Севера. Такие основы, как предпосылки, были созданы транспортным строительством и сельским хозяйством Предуралья и юга Сибири;

– частный капитал не консолидировался ради решения крупных хозяйственных задач. Никто не обладал капиталами, соразмерными с масштабами эффективного промышленного природопользования;

– соединение хозяйственных и государственных функций во вновь осваиваемых районах допустимо и иногда полезно, если оно не сопровождается ущемлением прав человека. Примеры владений Строгановых, Дальстроя, Главсевморпути, Мурманской железной дороги показывают как положительные, так и отрицательные стороны такого соединения;

– даже в малозаселённых регионах необходимо соблюдать определённое соотношение централизованного государственного управления и местных интересов;

– будущее Севера и Арктики определяется их высокой ролью в национальной и мировой экономике не только за счёт обеспечения топливом и сырьём, но и в силу транспортно-географического положения.

В итоге получается, что естественный ход социально-экономического развития Севера с образованием здесь историко-культурных очагов относительно устойчивой жизнедеятельности как частей единого государства (страны) более значим, чем те аспекты внутрироссийской колонизации, которые обусловлены лишь накоплением капитала.

Второй подход к будущему Сибири и Севера, в определённой мере противоположный первому, отражён в монографии американских авторов [Хилл, Гэдди, 2007]. Климатическая политология в их трактовке показывает:

– покорить Сибирь могло только тоталитарное государство с принуждением, заложенным в его сути, с высокой степенью централизации производства и распределения ресурсов и абсолютным отсутствием стоимостных критериев;

– Сибирь и Север, где зимой очень холодно, пространство разобщено и велики удельные транспортные расходы, чрезмерно отягощают экономику России и жизнь её населения;

– Россия будет развиваться тем успешнее, чем большее число её граждан будет жить в европейских регионах с благоприятным климатом;

– избыток населения в Сибирском и Дальневосточном регионах составляет от 10 до 15,7 млн. чел. (*Из 28,9 млн. по переписи 2010 г., т.е. от 35 до 54%; доля избыточности для Севера в таком случае должна быть ещё больше – до 60%, т.е., примерно 4 млн. чел. из 6,6, проживающих ныне на Азиатском Севере - В.Л.*);

– Москва – путеводная звезда для всей России (*Это звучит странно, но авторы так думают – В.Л.*).

Книга Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди написана с позиций как бы заботы о людях, но так, что сами люди воспринимаются как механическое тело, которое можно передвигать в пространстве в соответствии с политико-экономическим толкованием климатического фактора общественного развития³⁷. Вместе с тем, книга не лишена здравого смысла в той части, где идёт конкретный анализ влияния климатических условий на стоимость жизнеобеспечения и производства. Действительно, по климату, измеряемому в «человеко/градусах», Россия является самой холодной страной в мире и с этим нельзя не считаться при выборе производственных и социальных технологий. Указание на пример Канады, где более 90% населения живёт в южной полосе, также можно считать разумным, но только не для всей России, а для Сибири и Дальнего Востока. «Упрёки» же в адрес России по поводу тоталитарности, в том числе ГУЛАГА, мы уже давно сделали сами.

Обратим внимание на статью *А.Е. Левинтова* [2012]. Стратегия развития Севера в ней определена с позиции гуманизма относительно людей и природы. Север здесь рассмотрен как особая глобальная экологическая данность. Исходя из необходимости удержания главных ценностей Севера при любых обстоятельствах, стратегия его развития определяется так:

– освобождение людей от Севера как ареала дискомфорта и экстремального проживания;

³⁷ Глубокий анализ климатического фактора общественного развития приводит не к лозунгу «спасайся, кто может», а ориентирует на существенные инновации в технологическом базисе самого общества [*Порфирьев, 2011*].

– освобождение Севера от антигуманных видов деятельности: военных, отраслей промышленности по извлечению природных ресурсов и т.д.;

– Север должен иметь статус международного, глобального природного резервата с минимальными вторжениями и нарушениями весьма хрупкого экологического баланса;

– Арктика предназначена, прежде всего, населяющим её автономным народам, которым должна быть предоставлена свобода перемещений, свобода заниматься традиционными промыслами и видами деятельности, свобода и простота общения с внешним миром;

– допускаются научные исследования, духовная деятельность, транзитное мореплавание и каботаж, туризм.

Конечно, перечисленное многое не учитывает и в первую очередь потребности народного хозяйства всей нашей страны, но нельзя не признать, что сама практика реализации таких потребностей осуществляется без должного понимания этнокультуры и экологической миссии северных и арктических территорий. Поэтому некоторое утрирование по поводу будущего северов допустимо ради того, чтобы ещё раз обратить внимание на неэкономические стороны нашей жизни.

Новые факторы развития экономики, свойственные постиндустриальному обществу, начинают проявляться более зримо, в первую очередь, в регионах северной периферии. Это, как показал *А.Н. Пилясов* [2009], предопределяет следующее:

– Север всё более приближается к приоритетам внутреннего освоения, источником которого являются знания, информация, инновации, творческая солидарность и духовность;

– новая стратегия развития Севера обозначается аббревиатурой ЛИДЕР – Люди, Институты, Доступность, Единство, Ресурсы. Выращивание своих и привлечение новых талантов; разработка местных норм и правил экономического поведения; использование преимуществ сетевых структур социального сервиса, в том числе образования и здравоохранения, управления и общественных связей; реализация принципа кооперативности в больших и малых делах, особенно в инновациях; внедрение новых технологий в использовании природных ресурсов, доступных малым сообществам людей;

– формирование новой цивилизации вокруг Северного Ледовитого океана.

Локализация людских, интеллектуальных, производственных и других ресурсов для Севера, а тем более для Арктики, является объективно необходимой. Сжатие социально-экономического пространства здесь – не самоцель, но условие территориальной организации общества без какой-либо изоляции от внешнего мира. Она (локализация) возможна только при наличии высокоскоростного транспорта и оптоволоконной сети с подключением её к образовательным и научным центрам России и зарубежных стран.

Перечисленные концепции – это лишь ориентиры на будущее, но имеющие важное значение для определения стратегии развития конкретных северных территорий. Когда объектом планирования является конкретная хозяйственная система, тогда и возникает возможность и необходимость интеграции различных концепций и выбора тех, которые можно взять за основу.

Заключение

Территориальное развитие – процесс формирования и совершенствования территориально-хозяйственных систем; его предназначение заключается в направленности на создание природной и хозяйственной среды, благополучной для жизни населения, усиление её общественных начал и соответствующее смещение экономических ресурсов в сторону социальной и природоохранной инфраструктуры. В территориальном развитии определённым образом совмещаются природные и общественные геосистемы, а именно – через функциональное зонирование местности, ландшафтное проектирование, формирование линейно-узловой структуры хозяйства, взаимоувязку центральных мест и периферии, резервирование красивых и имеющих исключительно высокое экологическое значение природных комплексов. Смысл территориального развития заключается также в проекции на местность технологических, экономических, социальных, экологических и других аспектов отдельных видов хозяйства ради установления оптимального уровня их концентрации и рационального распределения ресурсов общего пользования.

В научном объяснении территориального развития автор предлагает использовать одновременно и географические, и экономические теории. К числу преимущественно географических теорий отнесены: *функция места* (определённая часть географического пространства несёт (или может нести) хозяйственную функцию, обусловленную общественной потребностью в конкретном благе и природными и исторически приобретёнными характеристиками места, которые изначально сами являются благом); *линейно-узловые структуры* (представление об идеальных формах размещения населения и производства в виде территориальных узлов, сетей и экономических ландшафтов); *центр – периферия* (поиск путей преодоления негативного синдрома периферийности путём приобщения экономически удалённых территорий к научно-техническому потенциалу центральных мест с сохранением традиционной сельской культуры); *районообразование и районирование* (выявление законо-

мерностей объективных процессов локализации производительных сил и их субъективный учёт в территориальном планировании); *геосистемный подход* (сопряжённое ранжирование природных и общественных геосистем с целью выбора оптимальной иерархии комплексов «природа – население – хозяйство» как единиц территориального планирования (проектирования)).

Среди теорий региональной экономики мы выделили те, которые генетически связаны с общественной географией: *философия и теория хозяйства* (представление о хозяйстве как природно-социальной системе воспроизводства условий жизни человека, как процессе жизнедеятельности социумов, как специфическом процессе формирования коллективизма территориальных общностей людей); *смешанная экономика* (доказательство необходимости развития различных типов экономик (рыночных, плановых, эксплоярных ...) и их «симбиозов», например, местной экономики; *теория региональной собственности* (утверждение, что территориальные хозяйственные сообщества функционируют как распорядительные центры на базе коллективных форм собственности (общинной, муниципальной, субфедеральной); *региональный хозрасчёт* (теория территориального хозяйствования на основе рационального использования и воспроизводства региональной собственности); *теория регионального воспроизводства* (оптимизация использования финансово-экономических ресурсов на обеспечение устойчивого развития природно-хозяйственных систем с учётом их экологических и социально-культурных характеристик).

Указанные теории социально-экономической географии и региональной экономики в совокупности представляют единый и неделимый исследовательский блок, без которого невозможно управлять процессами формирования и развития ТХС.

В хозяйственном плане территориальное развитие осуществляют домохозяйства, общины, муниципалитеты (*локальный уровень*); региональные правительства и межрегиональные органы управления (*региональный уровень*); центральное (федеральное) правительство (*страновой уровень*). Ключевыми видами социально-экономической деятельности на локальном уровне являются благоустройство территории и формирование общности людей как особой хозяйствующей единицы; на региональном – создание «сквозной» линейной инфраструктуры и сетевых структур социального сервиса, координация деятельности корпораций по поводу их соци-

альных обязанностей перед населением региона, разработка и реализация совместных с соседними регионами проектов; на страновом уровне – рациональное размещение производительных сил и их межрегиональная интеграция. Для всех уровней ведущим звеном территориального развития является рациональное природопользование и охрана окружающей среды.

В производственном плане территориальное развитие осуществляют предприятия: *профильные*, которые производят выше перечисленные виды работ, и *непрофильные*, для которых территория является лишь плацдармом деятельности и требует наличия договорных отношений с органами общинного, муниципального и регионального управления. Кластерная организация отношений предприятий друг с другом и между предприятиями и органами власти может активизировать территориальное развитие, если она нацелена на внедрение инновационных методов совместной рационализации природопользования, охраны окружающей среды и социальной инфраструктуры. Более результативным, но вместе с тем и более трудным, нам представляется метод формирования холдингов, хозяйство которых основано на освоении территориальных сочетаний природных ресурсов и использовании районных, экспедиционных и вахтовых технологий.

Территориальное хозяйствование на базе региональной собственности (общинной, муниципальной, субфедеральной) предполагает реорганизацию землевладения и землепользования в пользу общин с традиционным (этническим) хозяйством и муниципалитетов; перевод ресурсной экономики на рентное обложение с учётом баланса интересов предприятий, муниципальных образований, регионов и всей страны; оценку природных ресурсов как национального богатства; учет ресурсов, переданных лицензией в эксплуатацию, как основных фондов соответствующего предприятия, с последующей их амортизацией и экономическим (если это возможно, и с физическим) воспроизводством.

Территориальное хозяйствование ориентировано не на прибыль, а на производство социальных благ и сближение людей с учётом их потребности в благоустроенном месте жительства. Увязка домохозяйств с местом, общин и поселений с местностью, районных и окружных муниципальных образований с физико-географическими районами требует консолидации незначительной части экономических ресурсов (не более 5% доходов трёх указанных ви-

дов хозяйств), методы которой пока не нормированы, но могут быть разработаны творчески с использованием отечественного и зарубежного опыта (Постоянный фонд Аляски, Национальный трест в Англии и др.)

Статистика по домохозяйствам и муниципалитетам даёт основание использовать её в качестве учётных данных в системе «город – село» и показать некоторую ущербность сельской местности. Последняя в территориальном развитии является своего рода опорной конструкцией, тем не менее, остаётся недооценённой обществом и государством: она заполняется горожанами без какой-либо общей социальной организации территории; чрезмерно высокая доля импорта в общем продовольственном обеспечении нарушила традиционный товарообмен между городом и деревней; «закрытие» деревень и малых сёл и переселение их жителей в более крупные поселения лишь на первый взгляд кажется благом, но вместе с уходом людей исчезают и сельхозугодия в столь значительных размерах, что энергетика и метаболизм ландшафтов коренным образом изменяются, чаще всего, не в лучшую для людей сторону; под угрозой этнокультура и в какой-то мере – чистая от сленга разговорная речь. Надежды на удержание сельского образа жизни связаны с возрождением потребкооперации (в том числе, с охватом грибной и ягодной экономики), со всё более выраженной потребностью в экологически чистых сельскохозяйственных продуктах, с развитием биоэнергетики, газификации, индустрии деревянного домостроения и сетевых систем здравоохранения, образования и бытового обслуживания.

Сравнительная экономика домохозяйств и муниципалитетов показала социальное неравенство на территории России. Оно обусловлено двумя факторами: структурой видов экономической деятельности и большими (слабо мотивированными) различиями доходов в них работающих; огромными перетоками финансовых ресурсов в столичные регионы и Северный Кавказ, что можно характеризовать как политику умиротворения одних за счёт снижения относительного уровня жизни других.

Итоги анализа теории и практики общин пока весьма скромны. Отметим лишь активизацию в деле организации территориальных обществ самоуправления (ТОС) и наличие предпосылок возрождения общинного хозяйства на основе социальной кооперации по благоустройству территории и решению текущих вопросов жиз-

ни (культуры поведения, воспитания детей, развития самодеятельности, тепло- и водоснабжения и др.). При соблюдении баланса индивидуальных и общественных интересов ТОС могут успешно функционировать в сельской местности и в пригородах. Пока не определены возможности их организации в условиях плотной городской застройки. Но интерес социологов и архитекторов к планированию городского пространства на общинной основе заметно возрастает. Это может сформировать новый образ городов как «федерации маленьких городков».

Мы подчёркиваем устойчивость такого территориального образования, как район областного ранга. Архангельскую, Тюменскую и Магаданскую области следовало бы восстановить в прежних границах в качестве субъектов РФ и на этом попытки укрупнения субъектов Федерации приостановить. Конечно, есть и другие точки зрения, но при этом надо иметь в виду, что не только удобства централизованного управления определяют число регионов – субъектов, но и социально-экономические параметры местной жизни и высокая роль в её организации уже сложившейся системы городов – областных (краевых) центров и столиц республик.

С позиции классического экономического районирования области, края и республики являются подрайонами крупных экономических районов. Но это не причина для расширения их географических границ; здесь на первом месте стоят социальные факторы организации территории и эффективность государственного управления, приближённого к населению. Поэтому и в социально-экономическом анализе приоритет должен быть отдан социальным процессам. Для района областного ранга системообразующими являются не крупные производственные комплексы и транзитные магистрали, а объекты здравоохранения, образования, культуры, жилищно-коммунального, тепло-, электроэнергетического, водного и дорожного хозяйств. На уровне областного района проблема чрезмерного социального расслоения (не по кластерам, а по доходам и общему качеству жизни) приобретает вид планового задания (наказа) региональному правительству по борьбе с бедностью и пространственной изоляцией людей, живущих на периферии (в глубинке и «медвежьих углах»).

Пример Республики Коми показал некоторую условность понятия «экономическая самодостаточность» и такого показателя, как «валовой региональный продукт». ВРП отражает объём добавлен-

ной стоимости, который зависит от структуры хозяйства, но в меньшей мере от усилий населения региона и его руководителей. Уровень жизни определяется у основной части работающих их принадлежностью к определённой отрасли хозяйства и соответствующей фирменной политикой; у «бюджетников» – «пропиской» в определённом федеральном или территориальном бюджете и соответствующей государственной политикой. Если возникнет возможность формирования бюджетов развития, то их ресурсы следовало бы направить в муниципальных образованиях – на благоустройство территорий и землеустройство, в регионах – на дорожное строительство, газификацию, очистку воды и создание сетевых систем социального сервиса.

Наша страна нуждается в новом экономическом районировании как инструменте территориальной организации национальной экономики. Автор попытался представить Двино-Печорский район как территориально-хозяйственную систему, новую по отношению к существующей иерархии экономического и административного районирования, но в истории уже известную. Регион показан с трех сторон: североведческой, природно-хозяйственной и интеграционной.

Север в целом не является системой в каком-либо плане, кроме мировоззренческого. Конечно, его можно изучать в рамках различных виртуальных проекций, но практические дела всегда решаются конкретными распорядительными центрами. Поэтому возникает потребность понять разнообразие северов, их особый географический облик. Если это понимание формировать под углом зрения устойчивого развития, то вполне правомерно возникает вопрос: какая территориально-хозяйственная система обладает свойством наибольшей устойчивости. По нашему мнению, та, которая соответствует (или почти соответствует) содержанию стандартного (идеального) экономического района. Двино-Печорский является регионом «почти соответствующим», а следовательно, становится в ряд опорных единиц экономического районирования России.

Статус территориально-хозяйственной системы обуславливает необходимость объединения усилий определенных хозяйствующих субъектов на решение взаимосвязанных задач технологического, социально-экономического и экологического развития. В регионе, не наделенном правами административного управления, задача объединения решается федеральным правительством, правительствами субъектов Федерации, органами местного самоуправления и

специально создаваемыми межрегиональными структурами управления, например, экономическими совещаниями.

Наиболее актуальными являются общие для Двино-Печорского региона проблемы комплексного освоения ресурсов Тимано-Печорской нефтегазонасыщенной провинции, Тимано-Североуральского минерально-сырьевого сочетания, месторождений Новой Земли (особенно марганца), энергетических, минеральных и биологических ресурсов арктических морей. В лесном хозяйстве первостепенными становятся задачи лесоэкономического районирования и снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесобразующих пород и усыханием еловых лесов предположительно под влиянием климатического потепления. Потенциал сельского хозяйства в зонах средней и южной тайги и в зоне смешанных лесов определяется мерами по восстановлению и повышению плодородия почв, а в зонах лесотундры и тундры – сохранением мхов и лишайников как кормовой базы оленеводства. Неотложным делом стало приведение в рабочее состояние рек, по своей природе полноводных, но запущенных бесхозяйственностью.

Двино-Печорский регион – это единый инфраструктурный комплекс в части транспорта и связи, в том числе оптико-волоконной. В настоящее время финансовые ресурсы консолидируются для строительства железнодорожной магистрали Архангельск – Сыктывкар – Соликамск (Белкомур), автодороги Усинск – Нарьян-Мар, газопроводов «Ямал–Запад», прокладки оптико-волоконного провода по линии Пермь – Сыктывкар – Архангельск и Вологда – Архангельск, реконструкции и модернизации инфраструктуры Северного морского пути.

Все перечисленное пока в большей мере проходит через федеральные целевые программы и в меньшей – через совместные (Вологда, Архангельск, Сыктывкар). Такое положение обусловлено чрезмерной концентрацией финансовых ресурсов в федеральном бюджете, а также низким уровнем организации межрегионального взаимодействия.

Для северных регионов, так же, как и для центральных и южных, необходима всеобщая интеграция (как говорится «на все четыре стороны»), включая зарубежные страны. Но природные ресурсы Севера, как обруч, скрепляют экономическое пространство России, и именно этот факт обуславливает приоритет внутрироссийского рынка. Экспорт сырья и материалов целесообразно осуществлять по

остаточному принципу ради надежного обеспечения собственной перерабатывающей промышленности и своего населения. Кроме сырьевого и энергетического есть много других направлений северо-арктического сотрудничества, прежде всего, научного, социального и этнокультурного. Двино-Печорский регион в этом отношении для зарубежных стран представляет значительный интерес, что и находит отражение в проектах Арктического союза, «Северного измерения», «Баренц-региона» и других международных организаций.

Центральным звеном территориального развития является рациональное природопользование. В каждом его направлении есть особые проблемы, решение которых связано с увязкой корпоративных и общественных интересов. Интерес корпораций к природным ресурсам и возможность на основе их эксплуатации получать сверхдоходы столь существенны, что иногда возникает неопределённость – в чьём пространстве живут люди? Зачастую, особенно на Севере, они живут в пространстве деятельности конкретной корпорации, которая стремится «приватизировать» и само региональное правительство.

Корпорации демонстрируют высокие достижения в технологиях добычи и переработки отдельного полезного ископаемого, но к решению проблемы комплексного освоения и использования минеральных ресурсов приступают весьма осторожно. Это сдерживает экономическое развитие районов их дислокации. Немало противоречий между корпоративной и региональной политиками выявлено и в других отраслях природопользования, например, в лесной. Дискриминация местного населения таёжных территорий со стороны крупных корпораций (например, ОАО «Монди Сыктывкарский ЛПК») приводит к безработице и социальной депривации.

И еще один существенный вывод: природно-ресурсная экономика не менее наукоемка, чем другие сферы экономики. Нельзя инновационный вектор развития представлять так, что все научное и высокотехнологичное будет сосредоточено в небольшом числе центров (типа Сколково) и только якобы через них целесообразна «диффузия нововведений». Северные центры системы «Наука – Образование – Инновации» также имеют важное значение, прежде всего, для организации рационального природопользования и устойчивого развития.

Включение тематики территориального развития в систему прогнозирования мы попытались осуществить с учётом содержания технологических этапов долгосрочного планирования: анализа,

концептуирования, стратегирования, программирования и мониторинга. В анализе «под планирование» важное значение имеет оценка прошлого опыта самого планирования и выявление вновь возникших проблем. Желательно проблему зафиксировать по возможности точно как неудовлетворительное состояние территориально-хозяйственной системы и поставить такой вопрос, ответ на который требует генерации новых знаний. При составлении концепции формулируется целеполагание и создаётся образ будущего как идеального состояния системы. На этапе разработки стратегии определяются средства достижения цели, и уточняется само её определение, устанавливаются магистральные направления развития. Далее вновь возвращаемся к проблемам, но уже предполагаемым. Наиболее существенные проблемы переводятся в плоскость программного управления. Программа становится инструментом целереализации. На этапе мониторинга осуществляется контроль за организацией системы, выявляются тенденции в отклонениях от задуманного и вносятся коррективы как в плановые документы, так и в характер управления.

Можно сказать, что применительно к Северу (как природно-экономической зоне) полезно анализировать общие тенденции и концептуально определять доктрину развития, однако бесполезно разрабатывать стратегию и программу. Эти этапы – прерогатива отдельных северных регионов. Будущее Севера мы связываем с условиями жизни людей и с их желаниями. Проекция ряда ключевых представлений о социальной и экологической организации северных территорий показала, что только комбинация таких представлений может оказаться приемлемой для планирования развития конкретной северной территории. Общей является лишь одна установка: «Лучше – меньше, да лучше!».

Литература

Аганбегян А.Г. О разработке стратегии территориального социально-экономического развития (на примере небольших стран и отдельных регионов России) // Современные производительные силы. 2013. №1(2). С. 40–63.

Агранат Г.А. Территория: повышение роли в жизни общества // Изв. АН СССР. Сер. Географ. 1988. №2. С. 11–16.

Агранат Г.А. Север: проблемы постсоветских лет (литературный обзор) // Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н.Лаженцев. Сыктывкар, 2007. С.7–20. (Научный совет по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).

Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремлённых системах: пер. с англ. / Под ред. И.А. Ушакова. М.: Советское радио, 1974. 272 с.

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

Анимица Е.Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // Пространственная организация общества. Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. С.15–36.

Анимица Е.Г., Иваницкий В.П., Пешина Э.В. В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 107 с.

Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества / Науч. ред. В.И.Куликов. М.: Мысль, 1982. 334 с.

Арманд Д.Л. Наука о ландшафте (Основы теории и логико-математические методы). М.: Мысль, 1975. 287 с.

Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник РАН. 2009. Т. 79. №2. С.101–123.

Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / Отв. ред. П.А. Минакир; Тихоокеан. ин-т географии ДВО РАН. М.: Наука, 2007. 239 с.

Бакланов П.Я. Заметки по поводу статьи А.Н.Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России»// Региональные исследования. 2012. №2. С.166–172.

Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980. 256 с.

Башалханова Л.Б., Веселова В.Н., Корытный Л.М. Ресурсное измерение социальных условий жизнедеятельности населения Восточной Сибири / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т географии им. В.Б. Сочавы. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2012. 221 с.

Белкин В., Ивантер В. Банк: информация и управление // Наука и жизнь. 1971. №7. С.33–38.

Большаков Н.М. Системная экономика рекреационного лесопользования. Сыктывкар: СЛИ, 2007. 288 с.

Бочко В.С. Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 316 с.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.

Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с.

Бурый О.В. Топология бизнес-пространства в топливно-энергетическом секторе Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2011. Вып.3(7). С.98–105.

Бурцев И.Н., Калинин Е.П., Бурцева И.Г. Республика Коми в минерально-сырьевом потенциале России. Сыктывкар: Геопринт, 1997. 71 с.

Бюджеты домашних хозяйств в Республике Коми (по итогам обследования бюджетов домашних хозяйств): Статистический сборник. 2010. Сыктывкар: Комистат, 2011. 76 с.

Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / Перевод А.П. Заварничина и В.Д. Новикова; под ред. Г.А. Месяца. М.: Academia, 2000. 400 с.

Василевский Л.И., Полян П.М. Системно-структурный подход и экономическая география // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1978. С. 242–260.

Верлен В. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–46.

Владимиров В.В. Управление градостроительством и территориальным развитием. М.: Отдел информ. изд. деятельности РААСН, 2000. 92 с.

Водные ресурсы и управление водопользованием на Европейском Северо-Востоке / Колл. авт. Сыктывкар, 2011. 324 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Волков С. Совершенствовать управление земельными ресурсами в сельской местности // АПК: экономика, управление. 2013. № 4. С. 23–31.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства. Т.2. План развития районов. М., 1934. С. 252–254.

Газизуллин Н.Ф., Зайдфудим П.Х. Равнодействующая эколого-экономического развития // Изв. РАН. Сер. Географ. 1993. №2. С.105–108.

Гибез А.А., Дмитриева Т.Е., Носков В.А. Территориально-отраслевая организация лесопромышленного комплекса Республики Коми // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2011. № 3. С. 106–111.

Глазьев С. К вопросу о размещении производительных сил // Экономист. 2011. № 9. С.33–36.

Голикова С.В. Духи – хозяева: мифопоэтическое освоение пространства // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. 2012. № 4. С. 91–95.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнёв А.В. Северность России: фрагменты исторического опыта // Север: арктический вектор социально-экологических исследований / Колл. авт.; отв. ред. В.Н.Лаженцев. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С.5–17.

Горкин А.П., Смирнягин Л.В. Системно-структурный подход в экономико-географическом исследовании социалистической и капиталистической промышленности // Изв. ВГО. 1982. Вып. 5. С. 394–400.

Гранберг А.Г. Трансформация экономического пространства России // Новые факторы регионального развития: Сборник статей / Под ред. д.г.н. Ю.Г.Липеца. М.: ИГ РАН, 1999. С. 7–17.

Гранберг А.Г. Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего // Общество и экономика. 1999. № 3–4. С.225–244.

Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

Гранберг А.Г. Программа фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 2–3 (39–40). С.5–11.

Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.

Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С.123–135.

Дидык В.В. Стратегическое планирование и управление развитием муниципальных образований Российского Севера // Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на Российском Севере / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Москва – Сыктывкар, 2012. С. 177–188.

Дмитриева Т.Е. Геоэкспертологический подход к анализу «северных» нормативов // Экстремальные районы: вопросы хозяйственного освоения и структурных сдвигов. М. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1991. С. 71–83.

Дмитриева Т.Е. Территориальное управление в контексте северности // Север в экономике России: Материалы научно-практической конференции (7–8 октября 1997 г.). Сыктывкар: Госкомсевер РФ, КЕПС РК, ИСЭПС Коми НЦ УрО РАН, 1998. С.67–72.

Дмитриева Т.Е. Методологический контекст пространственного развития северного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. №1. С. 22–29.

Дмитриева Т.Е. Территориальная организация северного региона: масштабы периферии // Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н.Лаженцев. Сыктывкар, 2007. С. 57–86. (Научный совет по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).

Дмитриева Т.Е., Лаженцев В.Н. Организация прогнозирования территориального развития // Экономика региона. 2010. №4. С. 156–164.

Дмитриева Т.Е., Бурьян М.С. Пространственное развитие социального сервиса северного региона // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2011. № 6. С.77–92.

Долгосрочная целевая программа «Развитие территориального общественного самоуправления на территории МО «Ленский муниципальный район» на 2011-2013 годы». Яранск, 2010. 14 с.

Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА): Пер. с англ./Ред. А.В.Головнёв. Екатеринбург – Салехард, 2007. 244 с.

Доклад Комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса // Вопросы статистики. 2010. № 11. С.12–21; № 12. С.13–46; 2011. № 2. С.3–41; № 3. С.3–23.

Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект: Пер. с пол. / Ришард Доманьски. М.:Новый хронограф, 2010. 376 с. (Серия «Социальное пространство»).

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2011 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат РФ, 2012. 218 с.

Загайнова Г.В. Типы лесопромышленных поселений Коми АССР // Известия Коми фил. Геогр. об-ва СССР. 1973. Т.2. Вып.5(15). С.36–42.

Задорожный В.Ф. Зональные типы природопользования: опыт географического и этнического обоснования и анализа / В.Ф. Задорожный, А.Т. Напрасников, Б.Л. Раднаев. Новосибирск: Наука, 2010. 240 с.

Заключительный отчет и материалы семинара экспертов «Устойчивое развитие лесного сектора в Северной Европе». Петрозаводск: Изд.Универ. г.Июэнсуу, 2000. 143 с.

Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / Под ред. В. Кабашиной и С. Кларка. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 311 с.

Зимин Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследований // Известия РАН. Сер. Географ. 1993. № 2. С. 95–104.

Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

Иванов В.А. Аграрный сектор Севера России: трансформационные процессы, перспективы и механизмы устойчивого развития. Сыктывкар, 2012. 168 с. (Коми НЦ УрО РАН).

Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №3. С. 14–38.

Исаев Б.Л. Балансы межотраслевых финансовых связей. М.: Наука, 1973. 278 с.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. Т.7. Сельское хозяйство районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 392 с.

Ишмуратов Б.М. Территориализация общества и геокультура // География и природные ресурсы. 2009. № 2. С. 101–109.

Калинина А.А., Луканичева В.П. Комплексное освоение энергетических ресурсов малоизученных и слабововлечённых территорий Европейского Северо-Востока: предпосылки и перспективы // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012. №1. С. 97–106.

Касимов М.Б. Предложения по реформированию системы ТОС г. Перми // http://vasilievaa/narod.ru/Tos/stat_rab/stat/RsTOS-Kasimov/htm Дата обращения 16. 04. 2013.

Катасонов В. «Философия хозяйства». К 100-летию выхода в свет работы о. Сергия Булгакова // http://ruskline.ru/analitika/2012/08/02/filosofiya_hozyaistva. Дата обращения 20. 06. 2013.

Клюев Н.Н. Изменения региональных хозяйственных структур пореформенной России (экологический аспект) // Известия РАН. Сер.географ. 2007. № 1. С.13–23.

Клюев Н.Н. Территориальная справедливость: критерии, принципы обеспечения, опыт оценки // География и природные ресурсы. 2011. №1. С. 5–10.

Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир // Материалы Международной конференции «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды» (Москва, 26-28 нояб. 2007 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://spknrdynmov.narod.ru/KnyzevaElena/htm>.

Козубов Г.М., Таскаев А.И. Эколого-экономическая роль бо-реальных лесов Европейского Севера // Север как объект комплексных региональных исследований / Отв.ред. В.Н.Лаженцев. Сыктыв-

кар, 2005. 512 с. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).

Колечков Д.В. Кластерный подход в оценке территориальных различий Республики Коми по показателю валового муниципального продукта // Вопросы статистики. 2011. № 9. С. 48–52.

Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.

Комар И.В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука, 1975. 212 с.

Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 130 с.

Космачёв К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.

Космачёв К.П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). Новосибирск: Наука, 1981. 110 с.

Котельников А.М. Геоэкологическое обеспечение управления природопользованием в регионе (на примере Читинской области). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2002. 248 с.

Крюков В.А., Токарев А.Н. Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике: о соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр (теория, практика, анализ и оценки). Новосибирск: Наука – Центр, 2007. 588 с.

Кузнецов Д.С., Иевлев А.А. Горно-промышленные узлы Тимано-Североуральского региона и перспективы их развития // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012. № 1. С. 107–114.

Кузьбожева М.В. О сельских ТОС-ах: почему их нет в Республике Коми и почему их много в Архангельской области? <http://7x7-journal.ru/post/22108?r=коми> Обращение 15 апреля 2013г.

Кулькова И.А. Изучение стратегий трудового поведения домохозяйств // Управленец. 2011. № 3–4. С. 72–76.

Куричев Н.К. Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. 2011. №4. С. 3–16.

Лаврикова Ю.Г. Концептуальные основы пространственного развития регионов // Журнал экономической теории. 2008. №4. С. 147–161.

Лаженцев В.Н. К вопросу о стоимостной оценке экономических связей района (на примере Читинской области) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1972 а. №11. Вып.3. С. 114–121.

Лажнецов В.Н. Экономико-географический анализ специализации района. Новосибирск: Наука, 1972 б. 96 с.

Лажнецов В.Н. Экономико-географическая концепция территориального планирования. М.: Наука, 1990. 128 с.

Лажнецов В.Н. Территориальное развитие: методология и опыт регулирования. СПб.: Наука, 1996. 109 с.

Лажнецов В.Н. Экономико-географические аспекты управления территориальным развитием // Экономическая наука современной России. 2002. №2. С. 67–78.

Лажнецов В.Н. Опыт комплексного исследования территориального развития. Сыктывкар, 2003. 192 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Лажнецов В.Н. Статистика и экономическая география (исторические и методологические предпосылки взаимного развития) // Известия РГО. 2006. Вып.2. С.48–55.

Лажнецов В.Н. Проблемы топливно-энергетического и минерально-сырьевого секторов хозяйства Севера // Вестник РАН. 2007а. Т.77. С.598–607.

Лажнецов В.Н. Аспекты территориального развития Европейского Северо-Востока // Наука. Общество. Человек (Информационный вестник УрО РАН). 2007б. № 3. С.15–21.

Лажнецов В.Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010а. № 1. С.97–104.

Лажнецов В.Н. Социально-экономические проблемы Севера России // ЭКО. 2010б. № 12. С.40–53.

Лажнецов В.Н. Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 3. С.99-105.

Лажнецов В.Н. Север (Двино-Печорский регион) – коренная земля россиян, источник ресурсов и знаний // Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. М.: Товарищество научных изданий КМ, 2012. С. 256–281.

Лажнецов В.Н. Устойчивое развитие как общий принцип территориальной организации хозяйства // Российская глубинка – модели и методы изучения: Сборник статей. М.: Эслан, 2012. С. 13–21.

Лаженцев В.Н. Территориальное развитие как экономико-географическая деятельность (теория, методология, практика) // Экономика региона. 2013а. № 1. С.10–20.

Лаженцев В.Н. Методологические подходы к стратегическому планированию устойчивого развития территориальных хозяйственных систем // Известия Коми научн. центра УрО РАН. 2013б. №1. С. 107–113.

Лаженцев В.Н. Север России: альтернативы на будущее // Современные производительные силы. 2013в. №2. С. 115–124.

Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. Географический аспект комплексного исследования природных и природно-ресурсных потенциалов (по материалам Европейского Северо-Востока СССР) // Природопользование и охрана окружающей среды Тимано-Печорского ТПК. Сыктывкар, 1986. С. 20–23. (Труды Коми фил. АН СССР; № 76).

Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 137 с.

Лаженцев В.Н., Терентьев В.В. Проблемы и приоритеты социальной политики устойчивого развития сельских территорий (на примере Республики Коми) // Экономика региона. 2011. № 4. С. 213–223.

Латин Н. Состояние социокультурного пространства России // Экономист. 2011. № 9. С.42–46.

Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый Хронограф, 2012. 504 с.

Ларина Н.И. Государственное регулирование регионального развития: Мир. Россия. Сибирь. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. 512 с.

Ларичкин Ф.Д., Воробьёв А.Г., Вутов Ц. Модернизация учёта и управления затратами при комплексном использовании минерального сырья. М.: Издательский дом «Руда и металлы», 2013. 178 с.

Левинтов А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. 1991. № 3. С.45–52.

Левинтов А.Е. Модели освоения и использования территорий и ресурсов // Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007. С. 20–34.

Левинтов А.Е. Гуманизация Севера как стратегия // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производитель-

ных сил Севера – 2012: Матер. Третьего Всероссийского научного семинара (28-30 июня 2012 г., Сыктывкар) в 2ч. Сыктывкар, 2012. Ч.1. С. 28–30.

Лексин В.Н. Принципы экономического регулирования территориального развития // Формирование и развитие хозрасчётно-экономической системы территориального управления. М.: ВНИИСИ, 1989. Вып.5. С.4–21.

Лексин В.Н. Результативность и эффективность действий региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. 2012. №1 (73). С. 3–39.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2012. 1024 с.

Лесной комплекс регионов Северо-Западного федерального округа. Сб.ст./Комистат. Сыктывкар, 2008, 146 с.

Логинов В.Г. Социально-экономические аспекты освоения и развития северных районов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 450 с.

Логинов В.Г. Пространственные особенности развития природно-ресурсных территорий Севера // Журнал экономической теории. 2012. № 4. С.112–121.

Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. №1 (54). С. 87–109.

Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л.: Наука, 1977. 188 с.

Макаров В.Л. Социальный кластеризм: Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010. 272 с.

Макаров В., Глазырин М. Новая экономическая самоорганизация муниципальных образований // Экономист. 2003. №4. С.53–60.

Максимов А.А. Опыт эмпирико-социологического исследования занятости и доходов жителей северных сельских поселений // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2011. № 1 (15). С.89-94.

Малов В.Ю. Локальные территориальные системы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 149 с.

Мальцева И.С. Локальные системы в агропромышленном комплексе Республики Коми // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012. № 2. С. 152–158.

Матрусов Н.Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. М.: Наука, 1995. 221 с.

Мересте У. Основы теории хозяйственного расчёта. Таллинн: Валгус, 1990. 100 с.

Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации. М.: Совет Федерации, 2008. 80 с.

Методические рекомендации по созданию и обеспечению деятельности многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг в муниципальных образованиях Республики Коми. Сыктывкар: Комитет информатизации и связи РК, 2012. 74 с.

Механизм устойчивости геосистем. М.: Наука, 1992. 208 с.

Минакир П. О пространственной экономике и пространственном развитии // Экономист. 2011. № 9. С.37–41.

Миц А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов: Научно-методические проблемы учёта географических различий и эффективности использования. М.: Мысль, 1972. 303 с.

Миц А.А., Преображенский В.С. Функция места и её изменение // Изв. АН СССР. Сер. Географ. 1970. № 6. С.118–131.

Миц А.А., Петрякова Т.И. Использование территории как географическая проблема // Известия АН СССР. Сер. Географ. 1973. № 4. С. 5–15.

Митягин С.Д. Территориальное планирование и районная планировка //art_mit_2doc; [обращение 30. 04. 2013].

Михайлов Ю.П. Роль географии в разработке проблем освоения территории СССР // Изв. ВГО. 1982. Вып.6. С.489–497.

Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.

Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 132 с.

Муханова М.Н. Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств) // Мир России. 2013. Т.22. № 1. С. 78–105.

Мухина Л.И. Вопросы методики оценки природных комплексов // Известия АН СССР. Сер. Географ. 1970. № 6. С.141–149.

Недешев А.А. Областной экономический район (Исследование функции, структуры и процессов развития на примере Читинской области). Новосибирск: Наука, 1975. 162 с.

Некрасов А.С., Семикашев В.В. Расходы на энергию в домохозяйствах России // Проблемы прогнозирования. 2005. № 6. С. 43–52.

Некрасов А.С., Воронина С.А., Семикашев В.В. Проблемы обеспечения населения России тепловой энергией // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С.24–33.

Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. М.: Соцэкгиз, 1962. 410 с.

Нестеров Л. Леса в национальном богатстве России (в порядке обсуждения) // Вопросы статистики. 1997. № 11. С.17.

Нестеров Л.И., Аширова Г.Т. Международная статистика природных ресурсов (анализ методологии оценок специалистов международных организаций) // Использование и охрана природных ресурсов России. 2002. № 5– 6. С.52–53.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.

Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Науч. ред. О.Г.Богомолов, Б.Н.Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.

Никольский А.Ф. Геоэкономический воспроизводственный процесс: основы теории и принципы управления. Иркутск: Изд. Ин-та географии СО РАН, 2004. 165 с.

Никольников Ю.С. К оценке интегральной хозяйственной освоенности территории СССР // География и природные ресурсы. 1982. № 3. С.13–21.

Община // Интернет-<http://www.historu-names.ru/o/obshina.shtml>. Обращение 04.04.2013

О деятельности личных подсобных хозяйств населения Республики Коми в 2010 г. Тематический обзор. Сыктывкар: Комистат, 2011. 16 с.

Олдак П.Г. Формирование современного экономического мышления. Новосибирск: Наука, 1989. 150 с.

Оптимальное управление природно-экономическими системами. М.: Наука, 1980. 295 с.

Оптимизация территориальных систем / Под ред. С.А.Суспина / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2010. 632 с.

Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М.: Изд. МГУ, 1990. 382 с.

Павлов П.Ю. Основные этапы заселения человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: Материалы Международной конференции. М.: Ин-т географии РАН, 2008. С.69–78.

Панасюк В.М. Управление регионом: территориальный подход. Казань: КФГУ, 2005. 161 с.

Пацюрковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.

Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. Смоленск: Ойкумена, 2005. 496 с.

Пиясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Кн. Дом «ЛИБРКОМ», 2009. 544 с.

Пиясов А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // ЭКО. 2010. № 12. С. 54–75.

Пиясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. №1. С. 4–31.

Понятие структуры территориальных систем и некоторые подходы к её моделированию /В.М. Котляков, А.М. Трофимов, Ю.П.Селивёрстов, В.А. Рубцов // Известия РАН. Сер. Географ. 1999. №5. С.17–24.

Попова Л.А. Сущность, причины и последствия демографического кризиса (на примере Республики Коми). Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 181 с.

Порфирьев Б.Н. Природные риски в условиях современного экономического роста: теория и практика государственного и негосударственного управления // Российский экономический журнал. 2006. №1. С.37–48.

Порфирьев Б.Н. Фактор климатических рисков в инновационной стратегии развития // Регион: экономика и социология. 2011. №1. С. 193–213.

Потенциал развития муниципальных образований: содержание, оценка, управление (на материалах Республики Коми) / Колл. авт. Сыктывкар, 2008. 344 с. (Коми НЦ УрО РАН).

Практика и познание / Под. ред. Д.П.Горского. М.: Наука, 1973. 360 с.

Преображенский В.С. Поиск в географии. Географические очерки. М.: Мысль, 1968. 315 с.

Преображенский В.С. Беседы о современной физической географии. М.: Наука, 1972. 167 с.

Приваловская Г.А. Территориальный фактор социально-экономического развития // География и проблемы регионального развития. М.: ИГ АН СССР, 1989. С. 5–23.

Природная среда тундры в условиях открытой разработки угля (на примере Юньягинского месторождения) / Под общ. ред. д.б.н. М.В. Гецен. Сыктывкар, 2005. 246 с.

Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 448 с.

Проблемы федерализма, местного самоуправления и территориального развития в России. Научные исследования, прикладные проекты, библиография за 1990-1999 гг. / Идея проекта, составление, общая редакция, вступительная статья. – В.Н. Лексин и А.Н. Швецов. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 584 с.

Проблемы формирования Двино-Печорского территориально-производственного комплекса. Сыктывкар, 1974. 63 с. (Сер. препр. «Научные рекомендации – народному хозяйству» / Коми фил. АН СССР).

Пробст А.Е. Размещение социалистической промышленности (теоретические очерки). М.: Изд. Эконом. Лит., 1962. 340 с.

Прогнозирование в экономической географии. Учебное пособие. Казань: Изд-во Каз.ун-та, 1990. 103 с.

Прогностика. Терминология. М.:Наука, 1978. Вып.92. 32 с.

Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / Отв. ред. В.Н.Лаженцев. Москва – Сыктывкар, 2012. 346 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Пространство, люди и экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / Науч. ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. М.: Экономист, 2007. 415 с.

Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве. М.: «Эслан», 2005. С. 536.

Пчелинцев О.С. Региональная политика Швеции // Регион: экономика и социология, 1991. Вып.1. С. 60–65.

Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития / Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: Наука, 2004. 258 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб./ Росстат. М., 2011. 990 с.

Районирование Севера России / Науч.рук.Г.П.Лузин. Апатиты: Кольский НЦ РАН, 1993. 103 с.

Районная планировка / В.В. Владимиров, Н.И. Наймарк, Г.В. Субботин и др. М.: Стройиздат, 1986. 325 с.

Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.

Романова О.А. Теория и практика развития частно-государственного партнёрства // Вестник УГТУ-УПИ. Экономика и управление. 2007. №3 (86). С. 39–50.

Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред. Л.Н.Овчарова. М.: Независимый институт социальной политики, 2008. 208 с.

Российский север: модернизация и развитие. М.: Центр стратегического партнёрства, 2012. 200 с.

Россия и её регионы: Интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 490 с.

Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира: культура, богатство и власть в XXI в. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 432 с.

Руководство по районированию территории для целей районной планировки. М.: Стройиздат, 1978. 64 с.

Сдасюк Г.В., Тишков А.А. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «Зелёной экономики» и проблемы её реализации в России // Россия и её регионы: интеграционный потенциал, риски, пути

перехода к устойчивому развитию. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С.11–37.

Север европейской части СССР. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1966. 452 с.

Север: наука и перспективы инновационного развития / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2006. 400 с. (Науч. Совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).

Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад / Научный совет РАН по вопросам регионального развития, СОПС, ИЭП Кольского НЦ РАН, ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. Москва–Апатиты–Сыктывкар, 2010. 213 с. (Авторский коллектив. Науч.рук. ак. А.Г. Гранберг, член-корр. РАН В.Н. Лаженцев).

Северная область и ее округа. Архангельск: Типография Архгубсоюза кооперативов, 1922. 22 с.

«Северное измерение» в политике Евросоюза и Российский Север: Матер. Международного науч. семинара. Сыктывкар, 1999. 150 с.

«Северное измерение»: проблемы и перспективы сотрудничества. Сыктывкар: ОАО «Коми республиканская типография», 2000. 168 с. (Материалы форума по «Северному измерению», Республика Коми, г.Сыктывкар, 7 июня 2000 г.).

Северный город. Л.: Стройиздат, 1984. 168 с.

Селивёрстов В.Е. Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. 496 с.

Селин В.С., Васильев В.В. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики / Ин-т экон. проблем Кольского научного центра РАН. Апатиты: Изд. КНЦ РАН. 2010. 191 с.

Семикашев В.В. Потребление тепловой энергии населением России // Проблемы прогнозирования, 2010. № 4. С. 73–86.

Сигов И.И. Региональная собственность. СПб.: ИПРЭ РАН, 2001. 44 с.

Соболева Н.Э., Пашинова Т.Р., Карабчук Т.С. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. №1. С. 155–175.

Социально-экономические проблемы развития северной дельты / Коллектив авторов. Сыктывкар, 2002. 336 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Сочава В.Б. Вопросы развития прикладных географических исследований в связи с географическим прогнозом // Актуальные вопросы современной прикладной географии. Иркутск: ИГС и ДВ СО АН СССР, 1976. С.7–16.

Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.

Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы // Материалы Международной конференции «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды» (Москва, 26 – 28 нояб. 2007 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://njinlin.ru/node/163>.

Стыров М.М. Финансовые ресурсы промышленных предприятий: теория, анализ, управление. Сыктывкар, 2012. 164 с.

Тархов С.А. Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа. // География и проблемы регионального развития. М.: ИГ АН СССР, 1989. С. 23–31.

Татаркин А.И. Региональные институты модернизации пространственного развития Российской Федерации // Современные производительные силы. 2012. №1. С.96–111.

Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г. Программно-проектная модернизация федеративного устройства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. №6. С. 17–33.

Территориальное планирование. Новые функции, опыт, проблемы, решения: сб. ст. / Под ред. А.И.Чистобаева. СПб.: СПбГУ, 2009. 189 с.

Территориальные системы производительных сил / Отв. ред. Т.М. Калашникова. М.: Мысль, 1971. 437 с.

Тихонова Т.В. Эколого-экономический механизм природопользования и охраны окружающей среды: проблемы и пути развития // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, 2004. №3. С.70–88.

Тихонова Т.В. Устойчивость природной среды Печоро-Уральской Арктики // Арктика. Экология и экономика. 2012. № 4. С.16–25.

Топливный сектор Республики Коми: направления и методы регулирования развития / Коллектив авторов. Сыктывкар, 2002. 416 с. (Коми НЦ УрО РАН).

Траектория проектов в высоких широтах / Под ред. Ю.В.Неёлова, А.В.Артеева, В.А.Ламина, С.Е.Алексеева, В.Ю.Малова. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.

Трапезникова О.Н. Природные и социально-исторические особенности сельского хозяйства и землепользования в таёжной зоне (исторический пример Прикамья) // Север: проблемы периферийных территорий /Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. С.190–216.

Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Теория организации пространства //Известия РГО. 1995. Т.125. Вып. 2. С.10–18; Вып. 3.С. 9–17; Вып. 5. С. 11–21.

Урюмов Б.А. Судьба крестьянская. Краткий очерк истории Ленской деревни. СПб: Издательство НППЛ «Родные просторы», 2005. 63 с.

Устойчивое оленеводство / Ионни-Лео Л. Йернслеттен, рук. проекта. Унив. Тромсё; Константин Клоков, росс.координатор проекта. СПб госуниверситет; Арктический совет 2000–2002. СПб.: Моб Дик, 2002.

Устойчивое развитие Печорского региона в изменяющихся условиях природы и общества / Под ред. П.Кури, В.Пономарева и Й.О.Хабека. Сыктывкар: ИБ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 74 с.

Устойчивость геосистем. М.: Наука, 1983. 89 с.

Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / Отв. ред. д.э.н.Фаузер. М.: Экон-информ, 2012. 311 с.

Фетисов Г. О необходимости учёта пространственного фактора в исследовании и регулировании социально-экономического развития // Экономист. 2011. № 9. С. 26–32.

Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. А.К. Конюхов. Сыктывкар, 2008. 272 с. (Общество «Финляндия – Россия»; Межрегиональное общественное движение «Коми войтыр»).

Фомина В.Ф. Эффективность использования водных ресурсов в регионах Северо-Западного федерального округа в свете Водной стратегии // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2010. №3.С. 75–89.

Формирование региональной инфраструктуры гражданского общества в современных условиях: реалии и перспективы. Сыктывкар: Общественная палата Республики Коми, 2012. 40 с.

Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии: Пер. с англ. / Предисловие и ред. В.М. Гофмана и Ю.В. Медведкова. М.: Изд. «Прогресс», 1966. 391 с.

Хамори Б. Теория социалистического хозяйства / Пер. с венгер. Новосибирск: Наука, 1991. 357 с.

Харвей Д. Научное объяснение в географии. Общая методология науки и методология географии / Пер. с англ. М.: Изд. «Прогресс», 1974. 502 с.

Хигл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / Пер. с англ. М.: Изд. Дом «Прогресс», 2004. 360 с.

Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.

Хорев Б.С. Территориальная организация общества: (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М.: Мысль, 1987. 320 с.

Чайка Л.В. Особенности технологической структуры электроэнергетики северных регионов России // *Пространственная экономика*. 2010. №2. С. 134–153.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л.И.Абалкин (пред.) и др. М.: Экономика, 1989. 492 с.

Чаянов А.В. Избранные труды / Редкол. сер.: В.А.Адамов и др. М.: Финансы и статистика, 1991. 432 с.

Черкашин А.К. Полисистемный анализ и синтез. Приложение к географии. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 502 с.

Четыркин В.М. Проблемные вопросы экономического районирования. Ташкент: Изд. ФАН Узбекской ССР, 1967. 123 с.

Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России: Монография. СПб.: СПбГУ, НИИ «ЭНКО», Издательский дом «Инкерт», 2010. 296 с.

Чужмарова С.И. Методология согласования федеральной и региональной налоговой политики // *Региональная экономика: теория и практика*. 2009. № 15 (108). С.34–43.

Шанин Т. Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. №8. С.109–118.

Шарыгин М.Д. Региональная организация общества (теоретико-методологические проблемы совершенствования). Пермь: Изд. Перм. ун-та, 1992. 204 с.

Швецов А.Н. Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения // Российский экономический журнал. 2009. № 1–2. С.49 – 60; № 3–4. С. 33–68; № 5. С.12–47.

Швецов А.Н. Информационное общество: Теория, практика становления в мире и России. М.: КРАСАНД, 2012. 280 с.

Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // Вопросы методологии. 1992. №1–2. С.3–11.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.

Экономика сельского района: состояние и перспективы / Коллектив авторов под рук. проф. В.А. Ильина и А.В. Гордеева. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. 279 с.

Экономическое пространство: теория и реалии / Ред.кол.: А.И.Татаркин (рук.) и др.; Уфимск. гос. авиац.-техн. ун-т и др. М.: Экономика, 2011. 374 с.

Юшкин Н.П. Арктика в науке, истории и политике // Север: арктический вектор социально-экологических исследований / Колл. авт.; отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С.17–47.

Ярошенко С. Типы обеспечения питания в городских семьях // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике России / Под ред. В.Кабалиной и С.Кларка. М.: РОССПЭН, 1999. С.156–171.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Авторские наблюдения за процессами территориального развития	7
1.1. Сюжеты системного подхода к изучению отдельных видов экономической деятельности.....	8
1.2. Опыт изучения интегральных экономических систем.....	18
Глава 2. Практика, теория и методология территориального развития	24
2.1. Практика.....	24
2.2. Теория и ключевые понятия.....	26
2.3. Методология перехода от теории к практике.....	43
2.4. Научные теории применительно к тематике территориального развития.....	49
Глава 3. Территориально-хозяйственные системы (ТХС)	68
3.1. Локальные ТХС.....	68
3.2. Региональные ТХС.....	98
3.3. Территориально-производственные системы.....	147
Глава 4. Рациональное природопользование – основа устойчивого территориального развития	158
4.1. Устойчивое развитие.....	158
4.2. Проблемы природопользования.....	161
Глава 5. Планирование территориального развития	180
5.1. Исходные позиции.....	180
5.2. Технологические этапы.....	184
5.3. Практика территориального планирования.....	191
5.4. Север: пример ситуационного анализа и концептуальных подходов к определению будущего.....	195
Заключение	204
Литература	213

Научное издание

Виталий Николаевич Лаженцев

**Содержание, системная организация
и планирование территориального развития**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
НИСО УрО РАН

Редактор Т.В. Цветкова
Оригинал-макет Н.А. Сулейманова

Лицензия №0047 от 10.01.1999.
Компьютерный набор. Подписано в печать 20.02.2014.
Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14, 75. Уч.-печ. л. 14, 75. Тираж 300. Заказ № 10.

Редакционно-издательский отдел Коми НЦ УрО РАН
167982, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 48.

Для заметок
